

КОСТА ХЕТАГУРОВ

КОСТА ХЕТАГУРОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ТРЕХ ТОМАХ

Издание осуществляется совместно с Северо-Осетинским
научно-исследовательским институтом истории, эконо-
мики, языка и литературы

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА»
1974

КОСТА ХЕТАГУРОВ

**СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ТОМ ТРЕТИЙ**

СТАТЬИ. ПИСЬМА

**МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА»
1974**

С(Осет)1

X 41

Редакционная коллегия:

**Н. С. АТАРОВ, К. Ц. ГУТИЕВ, С. Т. МАРЗОВ,
Л. А. ОЗЕРОВ, А. А. ХАДАРЦЕВА**

Составление и комментарии

К. Ц. ГУТИЕВА

Оформление

Г. ФИШЕРА

**X 70303-311 подписное
 028(01)-74**

СТАТЬИ

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ»

Милостивый государь г. редактор!

Не откажите поместить в Вашей уважаемой газете нижеследующее:

Всем, кто сколько-нибудь интересуется деятелями Кавказа, приходилось немало слышать и читать о печальной участи грузинского писателя Александра Казбека. Однако всякий, кто сколько-нибудь знаком с фамильными связями этого действительно несчастного народного певца, не мог не сомневаться в справедливости всего сообщаемого о нем. Ввиду этого я и беру на себя смелость обратиться с покорнейшей просьбой к ближайшим родственникам Сапдро Мцeralи опровергнуть или подтвердить печатно последние известия о нем в № 94 «Тифлисского листка», где в статье «Две награды» говорится, что он (Александр Казбек), лишившись драгоценного дара божия, быть может, потому, что слишком много отдал своему народу, и, находясь в доме умалишенных, «в общей палате с другими сумасшедшими, питается, как последний бедняк, и не имеет даже такого насущного предмета, как чай, и

такого ничтожного удовольствия, как папироска. Но и это положение он не может удержать за собою, — он не может платить больнице за свое содержание, и на днях его, как негодную вещь, выкидывают на улицу, благо помешательство его тихое и никому оно вреда не делает».

Неужели А. Казбеку, — ему в то время, когда «его сочинения, облеченные в великолепные переплеты, читаются с наслаждением», и после того, как в блестящем доме его отца «многие и многие ели и пили, — выпала несомненная награда ходить по улице в рубище и умереть где-нибудь под забором с голода»?!

Покорнейше прошу г. г. редакторов и других кавказских изданий перепечатать это письмо. Примите и пр.

*3 мая 1893 г.
г. Ставрополь*

ПИСЬМА ИЗ ВЛАДИКАВКАЗА

В корреспонденции из Владикавказа (см. № 55 «Северного Кавказа») мы указали на длинный ряд репрессивных мер, направленных к искоренению воровства и разбоев в Терской области. «Русская жизнь» в передовой статье от 22 июля, вполне разделяя наши соображения по данному предмету, надеется вместе с нами, что предание суду владикавказской окружной администрации прольет достаточный свет на действительные причины неурядиц и беспорядков в Терской области. Точно так же и «Русские ведомости», разбирая в передовой статье от 13 июля упомянутые распоряжения, не находят целесообразным огульное исключение горцев из русских городов и селений, с обязательством жить лишь в своих аулах. Указывая на те же статьи, г. Слобожанин в № 102 «Терских ведомостей», в фельетоне «Петербургские письма о Северном Кавказе», делает усилие доказать, что *полицейские меры борьбы с преступностью, практикуемые теперь в Терской области, существенно важны*, предупреждая, что «это обстоятельство необходимо помнить всем столичным судьям, решающим кавказские дела из прекрасного далека». Вот чем руководствуется г. Слобожанин:

«Рассматривая, — говорит он, — *преступность* в Терской области, мы должны будем в числе причин ее, отметить также *злую волю, проявляющуюся в целом ряде деяний, освященных адатом туземного населения*. У чеченцев и ингушей, например, всякое хищение у членов другого рода или общества, а при нужде и убийство, не только разрешается, как проявление джигитства, но и ставится в заслугу всякому совершившему их. Уже один этот факт указывает на исключительное положение края в явлениях подобного рода. Затем, имея в виду склонность мужской половины туземного населения к праздности, необходимо считаться и с этим фактором. Далее известно, что плоскостные туземцы, во многих случаях вполне обеспеченные землей, несколько не уступают в хищничестве горцам, очень стесненным в своих земельных владениях. Отсюда очевидно, что экономические факторы, — вообще, разумеется, влияющие на преступность, — применительно к местным условиям далеко не всегда имеют решающее значение. Главной причиной преступлений остается именно дикость населения, покровительство и укрыительство их массой туземцев, вполне обособленных территориально, религиозно и административно. Злоупотребления отдельных лиц местной администрации также, вероятно, служили не в пользу развития нравственных начал, хотя, конечно, ничего нового в характере народа не создали, так как и без них джигиты и абреки всегда были народными героями. Поэтому злоупотребления представителей администрации, подобно экономическим факторам, всегда играли менее важную роль, чем дикие нравы и обычай».

Затем г. Слободжанин перечисляет коренные меры борьбы с преступлениями в Терской области: «1) смягчение нравов населения при посредстве образования

и прилива в край новых, более культурных элементов; 2) устранение, при посредстве последних, территориальной и административной обособленности туземцев и, наконец, 3) увеличение землевладения горцев и лучшее устройство администрации».

Прежде чем коснуться приведенных «коренных мер», их целесообразности и способа их применения, посмотрим, насколько справедливо предположение г. Слободжанина относительно *некоторого недоразумения*, благодаря которому якобы является отрицательное отношение газет к применяемым в настоящее время полицейским мерам в Терской области.

Мы вполне согласны с г. Слободжаниным, что в числе причин преступности следует отметить *«злую волю»*, проявляющуюся в целом ряде деяний, освященных адатом туземного населения, но рядом с этим, насколько мы сами наблюдали, нельзя не признать справедливым замечания «Русских ведомостей», что на Кавказе подобные «разбои, убийства, грабежи случаются более или менее часто во многих местах, как в областях, занятых собственно горцами, так и, даже чаще, в восточном Закавказье», а потому Терская область находится далеко не в исключительном положении в явлениях подобного рода.

Склонность мужской половины туземного населения к праздности наблюдается опять-таки не в одной Терской области и не у одних только туземцев — следовательно, она тоже не является исключительным фактором, с которым необходимо считаться только в Терской области.

Плоскостные туземцы не только «не уступают в хищничестве горцам», как говорит г. Слободжанин, но, добавим мы, безусловно превосходят их, хотя первые во многих случаях более, чем вторые, обеспечены

землей. Но из этого вовсе не очевидно, что экономические факторы применительно к местным условиям «далеко не всегда имеют решающее значение».

Причиной такого мнимого противоречия является, главным образом, то обстоятельство, что плоскостные туземцы чаще, чем горцы, сталкиваются с пришлым, в особенности военно-русским элементом. Несмотря, однако, и на это, между преступниками, против которых г. Слободжанин ведет свою агитацию, навряд ли можно указать хотя одного материально обеспеченного туземца.

Современное абречество, насколько нам известно, имеет ближайшей причиной не столько удаль и молодечество, сколько бегство от кровника и каторги.

Итак, мы видим, что преступность в Терской области ничем не отличается от общекавказской и даже в главном (правильная организация разбойничьих шаек) далеко уступает Закавказью.

Что же тогда заставляет терскую областную администрацию не довольствоваться отмеченными г. Слободжаниным *коренными мерами*, а прибегать к таким, которые по «некоторому недоразумению» вызывают отрицательное отношение газет?

«Представьте себе, — говорит г. Слободжанин, — положение в крае пионера сельского хозяйства. Держать скот ему нельзя, потому что украдут; развести сад невозможно, потому что плоды расхитят; нанять русского рабочего — значит подвергать его риску быть убитым; жить самому в имении — значит рисковать и собственной жизнью и жизнью семьи. При таких условиях посоветовать пионеру подождать, пока учредят школы да наделят туземцев землею в большом количестве, равносильно злой и бесчеловечной насмешке. Ждать этого положительно невозможно, именно ввиду

культурных интересов, а потому необходимо принимать быстрые и решительные меры пресечения зла».

Не дожидаясь нашего возражения на такие «страсти», г. Слобожанин в следующем письме уже вот как отзывается о Северном Кавказе:

«Огромные пространства земли представляют одну мерзость запустения, колоссальные горные богатства лежат нетронутыми, народные силы направляются или на непроизводительный труд, или растрачиваются в самых диких проявлениях и формах». В тех случаях, когда местный житель или пришлый предприниматель брались за какое-либо хозяйственное или коммерческое дело, они считали долгом своим вести его вопреки не только историческому опыту, но и здравому смыслу... Быстро распахивались или, вернее, расковыривались значительные площади земли, почва истощалась, не успев дать и десятой доли того, что можно было бы получить от нее при правильной культуре. *Заводились сады в местностях, где их сразу уничтожали градобития; устраивались заводы без расчета на достаточный капитал, без соображения с требованиями потребителя и т. д.* В результате получалась масса испорченного добра, даром потраченных сил и капиталов, упадок энергии, недоверие к самой пользе дела и многое другое, так часто и последовательно задерживающее наше экономическое развитие и наш прогресс вообще. Главную особенность всех этих неудач г. Слобожанин видит в бедности наших предпринимателей и работников, в их невежестве и недостатке инициативы. И это положение г. Слобожанин подтверждает примерами из Терской же области!

Таким образом, все причины, вызвавшие *существенно важные* полицейские меры, далеко не соответствуют действительности, а те, какие имеются,

несколько не составляют исключительную особенность Терской области. Поэтому «некоторое недоразумение», благодаря которому якобы является отрицательное отношение газет к этим мерам, является, вернее, некоторым недоразумением самого автора «Петербургских писем».

Посмотрим теперь, как применяются «коренные меры». На первом плане г. Слободжанин поставил смягчение прав населения при посредстве образования. «Приложения, — говорит он, — ко всеподданнейшим отчетам начальника области за три последние года постоянно возвращаются к вопросу о недостаточности начального образования среди туземцев. Школьное дело, — заключает г. Слободжанин, — не только сознано, но *энергично, постоянно и настойчиво* выставляется на вид».

Так ли это? Насколько нам известно, за последние три года ни в одном туземном селении Терской области не было открыто ни одной школы, если не считать две церковно-приходские женские школы, открытые «Обществом восстановления православного христианства на Кавказе» в селениях Новохристианском и Хумалагском Владикавказского округа. Зато на глазах областной администрации чуть не прекратила существование содержащая тем же «Обществом» Ольгинская осетинская 3-классная школа. Уцелела она только благодаря протесту живущих во Владикавказе осетин, к которым администрация не только не отнеслась сочувственно, но многих подвергла даже строгому взысканию. Мало того, нам известны случаи неразрешения частным предпринимателям открытия начальных школ в туземных селениях, несмотря на то, что дирекция народных училищ Терской области вполне одобрила программу преподавания в этих школах. Все это ясно показывает, что далеко

еще недостаточно «энергично, постоянно и настойчиво выставляется на вид» самая главная, *коренная мера* борьбы с преступностью.

Немного сделано и в отношении увеличения земле-
владения горцев. «Отобранные от туземцев лесные поляны, находившиеся ранее в их пользовании, снова возвращены им». Десятки десятин на десятки тысяч населения! Притом отобранные у них же... Ходатайство «об отдаче туземцам вообще всех полей и пастбищных мест, находящихся в горах», тоже не бог весть что, так как все эти поляны и пастбища, находясь целые столетия в пользовании туземцев, нимало не улучшали экономического быта горцев, благодаря, конечно, положительной негодности их к возделыванию. Впрочем, всякое даяние благо...

Больше всего, по-видимому, терская областная администрация озабочена устранением территориальной и административной обособленности туземцев посредством якобы прилива в край новых, более культурных элементов. И в чем же она проявляет эту заботу? Она исключает горцев из городов и слободских поселений, где они занимаются поделщиной, отхожим промыслом, торговлей, где многие из них обзавелись имуществом и, воспитывая детей в местных учебных заведениях, бесповоротно отдались гражданственности; безусловно запрещает проживание одной национальности в районе населения другой национальности и на основании этого разоряет хутора, гонит арендаторов частных, казенных и казачьих земель в горные трущобы, запрещает частным предпринимателям, «более культурным элементам», держать туземную прислугу и вообще пользоваться туземным трудом, несмотря на преданность, положительность и безусловную трезвость рабочих туземцев. Получается, конечно, результат, если

не диаметрально противоположный, то, во всяком случае, не тот, которого хотела достигнуть администрация области. Что остается делать? Конечно, признать необходимым *возможно безотлагательное выселение на свободные земли Ставропольской или иной губернии той части горцев, поземельное устройство которой на месте осложняется различными обстоятельствами, а также жителей тех аулов, которые более других проявили себя хищническими наклонностями.* При этом, ввиду заявляемого наиболее беспокойной частью населения желания выселиться в Турцию, начальник области *не считает уместным препятствовать выполнению такого намерения жителей.*

Такую необходимость г. Слобожанин объясняет так: «От переселения части туземцев в другие губернии и от добровольного выселения их в Турцию должны остаться свободные земли, часть которых пойдет на удовлетворение нужд малоземельных горцев. Другая же часть, увеличенная полосами частновладельческих имений, за счет крестьянского банка, могла бы образовывать площадь земель, пригодных *для расселения здесь русских переселенцев.* Благодаря этой мере в край могли бы проникнуть более культурные и мирные элементы, а с нарушением территориальной обособленности туземцев значительно облегчилось бы и слияние их с Россией».

O tempora, o mores! При чем здесь «возможно безотлагательное» выселение горцев в другие губернии, когда сам г. Слобожанин утверждает, что у нас на Северном Кавказе, «огромные пространства земли представляют одну мерзость запустения», когда самая бедная казачья станица сдает ежегодно тем же самым туземцам и «новым, более культурным элементам» не одну тысячу десятин излишков?

Можно ли не считать «уместным» препятствовать *добровольному* выселению туземцев в Турцию», когда, как справедливо замечают «Русские ведомости», «выселение горцев происходило преимущественно с Западного Кавказа, а восточные горцы обыкновенно крепко привязаны к своей родине?»

Допускать разорение одних туземцев ради удовлетворения нужд других, снабжать внутренние губернии горцам, более других заявившими себя *«хищническими наклонностями»*, выбрасывать за борт государства «беспокойную часть населения», потому только, что она еще не ведает, что творит, — значит ли это достигнуть *слияния* туземцев с Россией путем европейской цивилизации? Мы больше чем убеждены, что приливу в край «новых, более культурных элементов» и, следовательно, устранению при посредстве их территориальной и административной обособленности туземцев, т. е. более быстрому сближению их с Россией мешает не только «злая воля» чеченца и его заржавленная кременка, сколько лихая песнь казака:

Выпьем мы по чарочке
И песню запоем.
Выпьем по другой —
Разговоры заведем...

1893 (?)

ВЛАДИКАВКАЗСКИЕ ПИСЬМА

В последнее время замечается необыкновенное движение умов туземной интеллигенции Терской области. На страницах «Терских ведомостей», «Казбека» и даже «Нового обозрения» то и дело отмечаются «отрадные» факты текущей туземной жизни, а то даже печатаются целые трактаты об «отрадном движении», «переходном состоянии», «письменности» и тому подобных явлениях и факторах в современной истории туземцев. Наибольшее место отводится иронам (осетинам).

Каждый сколько-нибудь грамотный, владеющий русским языком ирон, во что бы то ни стало, старается высказать печатно то, что ему пришло в голову по тому или другому общественному вопросу. Проводником этих «трезвых» взглядов «передовых» туземцев являются главным образом «Терские ведомости».

Начнем хотя бы с калыма. Калым по-осетински *ирад*, что равносильно слову *ирон агдау*, т. е. присвоенный осетину обычай, — обычай, как надо полагать, имеющий свою историю. А что начало этой истории не продукт недавнего прошлого, то видно из слов Евгения Маркова: «Это народ, — говорит он, — такого широкого

и притом древнего эпоса, подобный которому трудно встретить».

«Нарты, — по словам барона Услара, — служат у осетин и кабардинцев героями песен и сказок», и «песнь о нартах, — замечает доктор Пфафф, — осетин слушает до сих пор с таким же благоговением, как мы — Евангелие». Все отрицательные и положительные стороны этого эпоса, нет сомнения, глубоко вкоренились в народную жизнь, и изменить их не так легко, как думают многие. Одним росчерком пера и даже вымогательством общественных приговоров нельзя уничтожить того, что создавалось и поддерживалось веками.

«Всякий сверчок знай свой шесток» — вот принцип, которым руководились ирони при спаривании своих детей. Ирад (калым) был мерилom качества крови. Раз установленный, его нельзя было изменять произвольно. Принимая за единицу ценности корову, размер его в одной фамилии был не больше 30, тогда как в других достигал 100 коров. Чтобы осетина заставить сознательно отрешиться от всего, что связано со словом ирад, надо воспитать его не только до отрицания сословной розни, но и до признания полнейшего равенства женщины и мужчины.

Неоднократно вымогались от осетинских обществ приговоры об уничтожении «постыдно-варварского калыма», «позорно-суеверного хист» (поминок) и т. п. «диких и разорительных обычаев», и все-таки дело кончалось тем, что беззаветно преданный своему евангелию *ирон* тайно исполнял все обычаи, а в случае обнаружения нарушения приговора привлекался к ответственности, отсиживал и окончательно разорялся непомерными штрафами.

Для сокращения расходов многие «передовые» осетины дошли даже до открытой проповеди уничтожения

священнейшего и гуманнейшего кавказского обычая гостеприимства. Свадьба и похороны — это два торжества в земной юдоли, на которые у иронов предоставлен широкий доступ всем без различия положения, возраста и пола.

«Бывают случаи, — пишет в № 18-м «Терских ведомостей» какой-то С. Ф. А. из Черноярской станицы, — что в числе приглашенной публики явится несколько лиц, желающих на чужой счет выпить и закусить; таких лиц хозяин дома иногда угощает, а подчас гонит со двора, и, как уже было несколько случаев удаления неприглашенных гостей, то редко кто отваживается явиться на свадьбу без приглашения». «Дай бог, — заключает свою проповедь С. Ф. А., — чтобы жители ст. Черноярской прониклись сознанием человечности и бросили бы все те обычаи, которые для них разорительны».

Из ст. Новоосетинской в № 45 тех же «Терских ведомостей» некий Иван Калеев также призывает бога, чтобы приговор от 3-го марта 1896 г. «об уничтожении калыма и разорительных поминок с этого времени не нарушали».

Ни время, ни место не позволяют перечислять всех подобного рода сообщений и тем более хронику нарушений этих «просветительных» приговоров, главным гнездом высиживания и фабрикации которых являются селения Ардон и Ольгинское.

Гаппо Баев в своей «Осетинской письменности», помещенной в «Казбеке», говоря, что «горцы Кавказа до сих пор еще лишены самого слабого светоча просвещения и поневоле пребывают во мраке первобытного невежества», замечает в своем «Отрадном движении» (№ 44, «Терские ведомости»), что «из всех горских племен Кавказа просвещение пустило наиболее глубокие

корни среди осетин». Благодаря просветительной деятельности «Общества восстановления христианства на Кавказе», в Северной и Южной Осетии (почти на 200 тысяч душ) в настоящее время имеется около 30 сельских школ, в коих обучается 2500 детей обоего пола. «Казалось бы, — продолжает г-н Баев, — что за 30-летнее существование этих школ, при таком значительном, сравнительно, количестве учащихся, просвещение должно было глубоко проникнуть в народную массу. Но в действительности оказалось, что подавляющее большинство учащихся, по выходе из школы, все почти забывало, так как, с одной стороны, знания приобретались самые поверхностные, которые ни умственного, ни религиозно-нравственного развития давать не могли, с другой стороны — между школой и народом не было тесной непрерывной связи, этого необходимого условия просветительной деятельности всякой школы», и «эта связь до сих пор отсутствует» («Осетинская письменность»).

Рядом с этим тот же г. Баев в «Отрадном движении» говорит, что «с самого начала в этих школах преподавателями являлись природные осетины-семинаристы, которые своим серьезным отношением дело насаждения цивилизации на родине поставили очень высоко в глазах народа»...

Чему верить? Если верно первое положение, то требовать от осетин сознательного уничтожения «варварских и разорительных обычаев» равносильно обряжению китайца в европейский фрак; если же верно второе положение, то, душевно приветствуя его, нужно дать время, пока народ действительно проникнется «сознанием человечности» и перестанет «нарушать» приговоры обоих уничтожений. Тем более, что это время,

кажется, не так далеко, так как потребность в просвещении проникает уже и в среду магометан. В Эльхоте школа существует уже с 80-х годов. Второй школой среди магометан-осетин является Беслановская. В настоящее время там же предполагается открыть и женскую школу, на что идут щедрое пожертвования со стороны самих же осетин. В 1895 г. открыта школа в сел. Карджин. В Заманкуле уже куплено здание для школы. В Зпльга скоро приступят к постройке школы. В Шанаевском один из жителей уступает свое здание для школы.

Все это служит самой лучшей иллюстрацией народного движения вперед, и только этим путем, а не разорительными штрафами, можно достигнуть желанных результатов. До тех пор, пока в понятии ирона будет иметь место *алдар* (т. е. господин) и *кавдасард* (сын рабыни), до тех пор он не может представить себе другого мерила для сравнительной оценки качеств своих и своего соседа, как калым дочери и возмездие за кровь сына. А пока осетин глубоко верит, что каждый покойник на том свете нуждается в пище и питье и что священная обязанность родственников покойного — доставлять им эти предметы потребления в установленном порядке и количестве, до тех пор невозможно сознательное уничтожение в народе «суеверных и разорительных» поминок. Добиваться же этого посредством штрафов и бессмысленно и жестоко, потому, во-первых, что это озлобляет фанатиков и заставляет их прибегать к тайному совершению обрядов, а во-вторых, изобличенных в нарушении приговора разоряет вдвойне. Это бесчеловечно тем более, что осетины больше, чем другие горцы, испытывают на себе тягость переходного состояния.

«Будучи еще в своей обычной среде, — пишет В. Н. Л. от 5 марта настоящего года в «Новом обозрении», — со своими скромными потребностями, далекий от искушений, влияний, подражаний, он был бескорыстно счастливее современного осетина, симпатичнее, добрее, благороднее».

«Вместе с началом заимствований, вмешательством новых экономических и политических отношений, начались и бедствия». Для доказательства этого взгляда автор проводит параллель между осетинами, дигорцами и отчасти чеченцами и ингушами, с одной стороны, и кабардинцами — с другой. «Всякий, — говорит он, — кто присмотрится внимательно к жизни осетин и кабардинцев, вынесет убеждение, что последние живут счастливее».

«На что ему (кабардинцу) деньги! Он в них не так нуждается, поэтому нет и причины ему бросаться из стороны в сторону и занимать ради них самые разнообразнейшие положения, которых он прежде стыдился бы. Можно смело сказать, что еще никто не видел кабардинца-бедняка в роли трактирного служителя, полового, мальчика в грязной лавчонке еврея и в других, сходных с этим, положениях. Необходимо прибавить, что кабардинцы, в то же время, меньше других воруют». Кабардинец «за последнее время как-то особенно притих и желает, по-видимому, лишь одного, чтобы его оставили в покое».

И это, по мнению автора «Переходного состояния горцев Северного Кавказа», не «признак культурной слабости Кабарды», а «напротив, эта законодательница мод, задававшая тон всем другим племенам в отношении приличий, танцев, всяких правил общежития, гостеприимства и т. п. выработала у себя больше

общественно-гражданских задатков для самостоятельной жизни, чем, например, Осетия».

Эти наблюдения заставляют еще больше задуматься над целесообразностью той агитации, какую ведут «передовые» осетины среди своего народа, да еще с помощью «Терских ведомостей».

Невольно припоминается басня о «Пустыннике».

1896

⟨ГОРОДСКИЕ НИМВРОДЫ...⟩

Городские *нимвроды*, по-видимому, никак не могут дожидаться того дня, с которого им разрешается по всем правилам искусства утолять свою жажду в крови. Иначе чем же объяснить то обстоятельство, что они, игнорируя закон об охоте, в настоящее время очень успешно истребляют «запрещенную дичь»? К сожалению, еще ни один из этих нетерпеливых охотников не был привлечен к ответственности, как это наблюдается в Ростове и других городах. Виноваты, конечно, наши полевые сторожа (если они есть), что не могут изловить ни одного из нарушителей закона об охоте.

* * *

Если за охотниками на пернатых и зверей обязаны следить полевые сторожа, то за охотниками на присезжающих из сел в городские базары крестьян во всяком случае никто не следит. Между тем это положительно необходимо. Охотники этой категории — обыкновенно субъекты без определенных занятий, или, как они себя именуют, «комиссионеры». Их охота довольно

оригинальна. В базарные дни, рано утром, они отправляются за город и у проезжих дорог поджидают крестьян, едущих с хлебом на городской базар. Едва только покажется воз, как «комиссионеры», точно голодное воронье, вмиг окружают его и начинают торговать у крестьянина хлеб, предлагая за него самую низкую цену, клянясь Христом-богом, что в городе цена на хлеб стоит еще ниже. Для того, чтобы крестьянин был сговорчивее, «комиссионер» угощает его водкой, которая всегда в достаточном количестве хранится у него в кармане. Пьяный крестьянин в большинстве случаев соглашается продать хлеб по цене, предложенной ему «комиссионером», который тут же вручает ему задаток и сопровождает его в город, к амбару своего хозяина; последний платит ему за комиссию по 8 коп. от четверти.

Впрочем, бывают и такие случаи, что «комиссионеры» различных фирм, окруживши крестьянский воз с хлебом, переругаются, а иногда передерутся между собой, а крестьянин между тем преспокойно приезжает в город и продает хлеб по более выгодной цене. К сожалению, такие случаи очень редки. Большею же частью охота на крестьян вполне удастся, и «комиссионеры» мало того, что обманывают их в цене, но еще обвешивают или обмеривают их при ссыпке хлеба в амбары.

* * *

Вслед за известными уже нашей публике «магами», «самогипнотизерами», «прорицателями» и всякого рода шарлатанами конца XIX столетия, обирающими невежественную публику, в Ставрополе стали появляться «проповедники» и собиратели пожертвований на постройку «храмов божьих». Шатаясь по окраинам го-

рода со двора на двор, они дурачат большею частью женщин рассказами «о святом городе Ерусалиме», выманивая у них деньги и одежду, а при случае даже похищая что плохо лежит. Некоторые из этих проходимцев одеты в монашеские рясы и выдают себя за посланников Иоанна (Кронштадтского).

* * *

Избавиться от таких дешевых шарлатанов легко при желании полиции относиться к своим обязанностям не как к букве закона, а более серьезно.

Но как предохранить себя от шарлатанства врачей, без помощи которых не обходится современное расслабленное человечество?

На днях, например, один из практикующих здесь врачей, пользуя у себя на дому молодую даму, после десятка визитов до того наглядно стал выражать свое увлечение пациенткой, что последняя, защищая долг супружеской верности и честь матери, вырвалась из рук эскулапа и, прибежав домой, рассказала обо всем мужу.

Называть имени героя мы не станем, потому что он сам, прочитав эти строки, отлично поймет всю гнусность своего поступка.

〈ТИХАЯ, МОНОТОННАЯ ЖИЗНЬ НАШЕГО СОННОГО ГОРОДА...〉

Тихая, монотонная жизнь нашего сонного города, нарушена «докторским» инцидентом, о котором только у нас и разговора. В «Северном Кавказе» недавно была помещена такая заметка:

«На днях один из практикующих здесь врачей, пользуясь у себя на дому молодую даму, после десятка визитов до того наглядно стал выражать свое увлечение пациенткой, что последняя, защищая долг супружеской верности и честь матери, вырвалась из рук эскулапа и, прибежав домой, со слезами рассказала обо всем мужу. Называть имени героя мы не станем, потому что он сам, прочитав эти строки, отлично поймет гнусность своего поступка».

Эта заметка и всполошила всех докторов.

Корпорация докторов пристала к редакции «Северного Кавказа» — назовите, мол, фамилию врача, так как одна «паршивая овца» портит все наше стадо, а пето — в суд будем жаловаться. Редакция не согласилась на это и свое несогласие мотивировала так.

Центром тяжести в этом нашем объяснении являет-

ся соображение о том, что опубликование имени врача повлекло бы для него крайне тяжелые последствия. Да и вообще, говорили мы, название имени частного лица, которому приписывается деяние отрицательного характера, в огромном большинстве случаев не только не достигало бы цели, так как для видов нравственного воздействия важно не то, что на данное лицо будут указывать пальцами, как на заслужившее укор, а важно, чтоб оно само себя узнало в печатном изложении факта. Те же мотивы мы приводили и в письме на имя г. губернского врача, предложившего нам от имени всех врачей города Ставрополя вопрос о том, будет ли названо имя врача, если все его ставропольские товарищи дадут подписку в том, что не возбудят против редактора газеты преследования за диффамацию. В нашем ответе врачам мы подчеркнули не то, что, кроме статьи о диффамации, имеется еще статья о клевете, а то, что, во-первых, название имени их товарища может повлечь за собой в высшей степени важные для него последствия и, во-вторых, что в данном случае вопрос идет не о выведении на свежую воду товарища, которому приписывается предосудительное поведение, а, так сказать, *pro domo sua*, т. е. ставропольские врачи, потребовавшие от нас наименования их товарища, хлопочут из таких побуждений, которые мало делают им чести: им нужно не столько прекращение на будущее время возможности повторения того, что с точки зрения не только общественной, но и общечеловеческой морали считается предосудительным, сколько гарантия того, чтоб инцидент не мог быть отнесен на счет каждого из них. А вот о том-то г.г. врачи не подумали, что не дело какой бы то ни было газеты возбуждать судебное преследование против фактического виновника в каком-нибудь преступном деянии, не дело газеты быть доносчиком

против данного лица; ее дело только указать публике на отрицательный факт, имеющий место в ее среде, и дать этому факту надлежащее определение с точки зрения разума и морали. Не подумали они также и о том, что требовать предания имени своего же товарища на всеобщее поругание из-за того только, чтобы приписываемый ему факт не был отнесен публикой на счет каждого из них, по меньшей мере, не великодушно, а если к этому присоединить еще и то, что название имени провинившегося врача повлечет за собою неминуемо и обнаружение имени той женщины, которой пришлось играть в инциденте роль потерпевшей, то требование г.г. врачей окажется не только не великодушным, но и прямо некрасивым.

Но врачи не удовольствовались этим объяснением и прислали редактору «Северного Кавказа» следующее открытое письмо:

«Ставропольский губернский врач обратился к вам, как это видно из его письма от 6 сего июля за № 054, с просьбой указать печатно фамилию того врача, о котором говорится в заметке, помещенной в № 53 редактируемой вами газеты, если он представит вам подписку всех наличных врачей города Ставрополя в том, что никто из них не возбудит против вас судебного преследования за диффамацию. В своем ответе на имя губернского врача вы отказались от его предложения, ссылаясь на существование статьи, трактующей о клевете. Из страха нести законную ответственность за клевету вы решились оставить не снятым позорное пятно, наложенное на всех нас вышеуказанной заметкой. Мало того, из вашего объяснения «pro domo sua», помещенного в № 55 «Северного Кавказа», видно, что мы и на будущее время не гарантированы от анонимных сообщений, поворящих честь всех врачей г. Став-

рополя, почему мы, нижеподписавшиеся, по всестороннем обсуждении настоящего дела, признавая себя глубоко оскорбленными и оклеветанными, считаем себя вынужденными видоизменить свои отношения к вам. Подлинное подписали врачи: Соколовский, Бернارد, Соколов, Соколов, Атлас, Зубрилин, Журавлев, Любомирский, Вейтко, Брусиловский, Никольский, Белоконь, Топорков и Мираков. С подлинным верно: и. д. губернского врача, доктор медицины Соколовский».

Так разрешила коллегия ставропольских врачей этот вопрос «о чести».

1896

ВЛАДИКАВКАЗСКИЕ ПИСЬМА

Всем известно, что на северо-восточной окраине Сибири существует остров Сахалин, как бы самой природой предназначенный для ссылки порочных и преступных членов общества. Рядом с этим никто, кажется, и не подозревает, что на северо-восточной окраине Кавказа имеется для той же цели остров Чечень. Одна между ними существенная разница: на остров Сахалин ссылаются осужденные по суду преступники со всех концов Российской империи, а на остров Чечень — только туземцы Терской области и исключительно только административным порядком.

Опубликованные 20 минувшего декабря временные меры об изменении узаконений административной высылки, как известно, ограничивают исключительные полномочия административных властей тем, что «местные власти, убедясь в необходимости *удалить из подчиненной их ведению местности* порочное в том или другом отношении лицо, делают о том представление министру внутренних дел с подробным изложением мотивов, вызвавших его». Ввиду же того, что эти временные меры совершенно не касаются тех случаев,

когда местные власти убеждаются не в том, что данное «порочное» лицо надо удалить из подчиненной их ведению местности, а лишь в том, что данное «порочное» лицо надо *переместить* из одного района в другой той же подчиненной их ведению местности, я и хочу сказать несколько слов об острове Чечень, служащем главным пунктом административных *перемещений* в Терской области.

Казалось бы, что такой категории лиц, порочность которых карается не *удалением*, а только *перемещением*, последнее должно служить не мерой строгого наказания, а только школой уравнивания и разумного применения умственных и физических сил перемещаемого. Казалось бы, что, лишая его вредного влияния известной среды, ему тем заботливее дают такую обстановку, где он быстро перевоспитается и сделается полезным членом общества. Но так ли это на самом деле применительно к тем, которых *перемещают* на остров Чечень?

Островок этот находится в Кизлярском отделе, в 90 верстах от Кизляра и в 23—25 верстах от материка. Окружность его не превышает 30 верст. Почва песчаная, с большою примесью ракушек и с самой жалкой, какую только можно себе представить, растительностью. Климат убийственно лихорадочный; на всем острове нет и признаков пресной воды.

«Свободное» население острова составляют несколько десятков семейств российских крестьян и всякого сброда, существующих исключительно рыбным и тюленьим промыслом и всецело зависящих от арендатора вод. Кроме того, на острове имеют пребывание две сменные команды в несколько человек с смотрителями во главе; одна наблюдает за казенным маяком, а другая за войсковыми морскими водами.

В зимние месяцы остров совершенно отрезан от мира, и только с наступлением весны и с освобождением пролива от льдин восстанавливается с ним сообщение. Ведется оно исключительно средствами арендатора вод, от так называемого Конного Култука — места нахождения главной конторы рыбных промыслов. Вся провизия и вообще предметы потребления доставляются с материка.

Вот в какие палестины попадает туземец, отрываемый от дорогой ему родины, полной чарующих красот, с пышной растительностью, чистой, студеной водой и здоровым горным воздухом.

Перемещается он не за профессиональное воровство, грабежи, ростовщичество или неуживчивый, буйный характер, нет! Стоит аульному старшине, по тем или другим соображениям, донести по начальству, что он «бунтовщик», как его уже требуют в округ, сажают под арест, а затем без суда и следствия препровождают на остров, на срок от одного до четырех и более лет, смотря по степени проявления самостоятельности. Перемещаемые обыкновенно натуры недюжинные, честные, правдивые и уважаемые обществом; чем их влияние на общество больше, тем они скорее попадают в немилость, и уже ни возраст, ни семейное их положение, ни коллективная просьба общества не спасают их от перемещения.

Казармы, выстроенные для них на острове, рассчитаны на 100 человек, но в них обыкновенно содержится до 150 и более. Жизнь, какую им приходится здесь вести, не поддастся описанию. Лишенные на целую зиму воздуха, тепла и света, питаются круглый год самой отвратительной пищей, не имея глотка пресной воды, им никогда не позволяют отлучиться от казарм, не позволяют заниматься наряду с промысловыми рабо-

чими рыбной и тюленевой охотой, — словом, лишают их всякой возможности применения даже мышечной силы, не говоря уже о каком бы то ни было духовно-нравственном усовершенствовании.

В первый же месяц мощный и подвижный туземец бледнеет, осовывает, впадает в тупое равнодушие, заболевает злокачественной лихорадкой, которая, за полным отсутствием даже самой элементарной медицинской помощи, с поразительной быстротой истощая организм, в несколько месяцев доводит его до полного разрушения; нет почти случая, чтобы кто-нибудь выдержал четырех и даже трехгодичный курс этой школы перевоспитания туземцев. Вот почему *перемещаемых* на остров Чечень «беспокойных» туземцев есть полное основание назвать *«заживо погребенными»*.

За что же такая незаслуженная кара, за что так непроизводительно гибнут лучшие силы туземного населения области? Для чего такое противоречие гуманным целям государства, которое стремится не к уничтожению входящих в состав его национальностей, а к их гармоничному развитию для общего их блага и долголетия? И что, наконец, сделала администрация для осуществления этой великой задачи?

Категорический ответ на этот вопрос мы, к величайшему удивлению, находим в «Терских ведомостях».

«Следует ни на минуту не упускать из виду, — говорит орган терской администрации в передовой статье № 71 от 23 прошлого июня, — доверчиво обращенного на нас восприимчивого взгляда здешнего туземца, жаждущего перенять от нас все доброе, хорошее по содержанию, а не по форме только, хотя последней многие бездарности отдают предпочтение... Между тем, если мы с этой точки зрения окинем цивилизаторскую деятельность наших предков, дедов и отцов, то, *положа*

руку на сердце, должны честно, беспристрастно сознаться во всеуслышание, что вообще немного, к сожалению, ими сделано в этом отношении» *.

«Сокровища, скрытые в недрах Кавказа, требуют, — говорится в заключении статьи, — только разумно развитых и честных эксплуататоров, а не полуграмотных, черствых эгоистов, с ловкостью Лисы Патрикеевны удовлетворяющих лишь одним своим животным страстям и чисто индуктивным путем заражающих молодое восприимчивое туземное поколение тем же корыстным отношением к нашей многообещающей родине. Ergo, probe laboremus!»

И что мы видим после этого здесь же, на следующей странице того же номера? Некый Слободжанин (не наш ли старый знакомец, автор «Петербургских писем» и многих других, недостойных печати статей?) пишет из Воздвиженска: «Чтобы получить более пахоты, жители разделяют кустарники и, очищая землю, сеют на ней хлеб. Землю делят подушно, так что иному достается на 7 душ, а работников один, да и тот не умеет копать корни, а потому он сдает свою землю чеченцам для разработки, а чистую им же опять продает под посев; всем известно, кто и что такое чеченцы и какие они соседи. Посеял я, положим, бахчу; рядом со мною чечеpec; начинают арбузы улетать с бахчи; кустарник рядом у многодушного взял чеченец и чистит его; гляди тогда в оба и не забывай ничего в поле на полчаса, не то улетит: топор ли, веревка или что другое, траву вытравят быками, а потом еще и то неудобство: идешь ты по дороге между хлебами, навстречу попадается чеченец, спрашиваешь, зачем ты здесь ходишь, какая тебе здесь дорога? Он отвечает: «Тут наш барат взял

* Курсив наш. (Прим. автора.)

у солдата пай чистить» (тут мой брат взял у жителя пай под расчистку). Оставляешь его в покое, придешь домой, слышишь вечером или на другой день, у такого-то украли лошадь; все через то, что напустили на свою землю чеченцев. Наконец, слобожане додумались, осенью 1895 года составили общественный приговор, *которым воспрещалось отдавать кустарники под расчистку чеченцам и продавать им землю*. Этот приговор пришелся не по сердцу одному слобожанину, как многодушному и не обрабатывающему своей земли, а отдающему большую часть надела чеченцам; он начинает пропагандировать, что без чеченцев мы и хлеба есть не сумеем, что без них мы не обработаем своей земли, что приговор составлен нам же во вред. Он успел добиться своего, — продолжает автор, после доноса на энергичного и благоразумного слобожанина, — составлен недавно приговор, допускающий вновь отдавать и продавать землю чеченцам».

Во всяком случае Слобожанин не отчаивается и советует, чтобы его сограждане «прозрели и воспретили чеченцам разрабатывать свою землю; если же дозволить, то с тем, чтобы за всякую кражу, совершенную во время полевых работ, отвечали бы те чеченцы, которые находятся от места кражи ближе других. Право, образумьтесь друзья, — в заключение восклицает автор, — и поймите, что вы не о пользе пораделл, допустив чеченцев на свои поля, а больше во вред!»

Очевидно, Слобожанин всецело проникнут духом знаменитого приказа по Терской области от 15-го марта 1891 года за № 37, где, между прочим, совершенно запрещается проживание туземцев одной национальности в пределах поселения другой национальности, и главным образом, приказа, не особенно давно опубликованного по той же области, о запрещении туземцам

ездить и останавливаться в стороне от дорог. Возможно ли практическое применение подобных требований? Чтобы увидеть, следует только развернуть Терский сборник, приложение к «Терскому календарю» на 1894 год.

Вот что мы читаем на 53 стр., в статье Е. Максимова. «По всей горной Чечне на дым в среднем приходится 3,43 десятины, а на мужскую душу — 1,23 десятины. В подсчет не включены земли неудобные, которые только в течение 3—4 месяцев, да и то не всегда, могут служить как пастбище для мелкого скота, т. е. для овец и коз. Если принять во внимание, что крестьяне Европейской России имели в 1878 году в среднем по 4,1 десятины на наличную душу мужского пола, что даже на душу обоего пола (на едока) в 147 уездах, в которых производились земские статистические исследования, приходилось около двух (1,95) десятин надела, то тогда станет понятным, как поразительно велико малоземелье горных чеченцев, имеющих в среднем около 1,23 десятины на наличную душу мужского пола. Землевладения же в размере 0,05 десятины, т. е. 120 кв. сажен, совсем не знает ни русский мужик, ни осетин, ни кабардинец, между тем как земельная собственность, исчисляемая в сотых долях, не составляет исключительно редкого явления в горной Чечне. Сравнивая затем подворное землевладение в России и в горной Чечне, находим, что у государственных крестьян на двор приходится в среднем 15 десятин, у помещичьих 9, а у чеченцев всего 3,43 десятины, т. е. почти в $2\frac{2}{3}$ раза меньше. При таком, можно сказать, вопиющем малоземелье качество земельных угодий в горах очень невысоко. Земли многих чеченцев раскиданы участками, которые, в свою очередь, расположены чересполосно, на значительное расстояние друг от

друга, нередко лепясь по невероятным крутизнам и кручам и имея, в большинстве случаев, тонкий слой почвы, нанесенной на участок иногда руками самого же владельца. Бывают случаи, что ливень и град в горах не только уничтожают жатву, но и смывают всю почву участка, старательно накопленную в течение десятков лет».

В упомянутом выше № 71 «Терских ведомостей» некий Чермен Цаллагов, описывая такое же неприглядное земельное положение населения Алагиро-Мамисонского ущелья, ввиду слухов о предстоящем генеральном межевании гор, находит, что осетины должны просить подлежащее начальство, чтобы за ними, в память священного коронования, закрепили как собственность горные пахотные и сенокосные участки, которыми они бесспорно владеют с незапамятных времен, а остальные земли с пастбищами и лесом на них поступили бы в общее пользование всех жителей ущелья.

Ровно через три недели в № 80 тех же «Терских ведомостей» появляется передовица «Интересы горного дела на Кавказе» за подписью какого-то вновь испеченного публициста Ив. Булатова. Говоря откровенно, нам редко когда приходилось читать что-нибудь более возмутительное. Более «смелого» жонглирования ни на чем не основанными фразами трудно представить тому, кто хоть сколько-нибудь знаком с элементарными понятиями о нравственном и юридическом праве.

Вполне соглашаясь с г. Цаллаговым в изображении как самой природы горной Осетии, так и способов борьбы горца с стихийными явлениями, находя, что автор статьи «не погрешил ни на йоту против истины», г. Булатов говорит, что «единственным логическим

выводом из такого печального положения вещей должна вытекать мысль о том, что данная местность совершенно *непригодна** для целей земледелия».

А дальше что же? Что должен делать осетин, исходя из этого единственного логического вывода? Г-н Булатов ставит «sic»! в передаче слов г-на Цаллагова, что целый ряд поколений сотни лет должен был упорно работать над тем, чтобы очистить кое-какие клочки земли от камней. Рьяный защитник горного дела на Кавказе никак не хочет понять, что «общественные угодья и пастбища, которые самой природой очерчены резко пограничною (не с Турцией и с Персией, конечно, а с другими горными обществами и народностями Кавказа) линией течением горных рек и вершинами горных хребтов», а тем более земли, которые являются «результатом упорного труда не одного поколения», бесспорно, по всем нравственным и юридическим правам, должны принадлежать горцам, потому что они действительно владели ими с незапамятных времен. В том, чтобы, ввиду генерального межевания гор, просить подлежащее начальство закрепить за горцами исторически принадлежащую им собственность, г. Булатов видит даже покушение на государственную и общемировую культуру и под ярким знаменем защиты ее интересов начинает свое поразительное жонглирование. «Положим, — говорит он, — если обратиться к свидетельству истории, то эти *незапамятные* времена, окажется, берут свое начало лишь с момента запятия Кавказа русскими, так как: *в былые годы, в сумраке веков* почтенные осетины не только не владели *бесспорно* горными теспинами Кавказа, вплоть до естественных границ его на Арарате, но и в двух шагах от

* Курсыв все время его. (Прим. автора.)

сакель не всегда свой нос показывать дерзали». Можно ли более беззастенчиво клеветать на историю и извратить мысль г-на Цаллагова?

Последний, во-первых, ни одним словом не обмолвился о том, что осетины владели «горными теснинами Кавказа вплоть до Арарата» и не доходил до такого сумасшествия, чтобы рекомендовать осетинам хлопотать о закреплении за ними всей горной полосы Кавказа — от Бештау до Арарата и от Черного до Каспийского морей; во-вторых, надо быть окончательным профаном, чтобы заявлять, что на Кавказе история землевладения берет свое начало лишь с момента занятия Кавказа русскими и что до прихода последних осетины «и в двух шагах от сакель не всегда свой нос показывать дерзали»...

Осетины на Кавказе никогда не служили враждебным элементом для русских, а в настоящее время верноподданические их чувства не подлежат ни малейшему сомнению, но это, конечно, может не помешать г.г. Булатовым рекомендовать управлению государственных имуществ завершить свою деятельность на Кавказе конфискацией земель неповинных горцев.

Но справедливо ли это? — вот вопрос.

Что мешает горнопромышленникам, истинным помещикам, а не искателям приключений, заниматься своим благородным промыслом на землях, арендуемых у обществ? Чем лучше было положение Садонского казенного рудника и Алагирского серебро-свинцового завода в сравнении с тем, что переживает общество «Эльбрус» в Карачае? 17 тысяч аренды, которую общество «Эльбрус» дает карачаевцам, служат для первых громадной поддержкой в отправлении своих повинностей, а для второго это капля в море, «потому только что на одну

свою администрацию то же общество расходует 51 тысячу, и борется оно, по словам того ж г-на Булатова, не с дикостью и невежественностью «двух с половиной» аулов карачаевцев, которые, к чести своей, отстаивали свои права, а «с равнодушным публики».

Что мешает тем же предприимчивым инженерам и г.г. Булатовым «прорезать проволокою подвесных дорог, огласить звуком веселого труда и лязгом заводских машин полные заманчивой прелести для горнопромышленников заоблачные выси, утесы и бездонные пропасти и дать миллионы заработка местному населению и миллиарды драгоценностей государству». Не эти ли «несколько очумевших от голода бараньих стад и горсть недозревшего ячменя», от которых зависит «проблематическое, впроголодь, существование двух-трех тысяч невежественных (по словам г. Булатова, а не Цаллагова) горцев?»

Что стоит будущим предпринимателям с миллионными оборотами вывести из такого проблематического существования этих несчастных собственников горных трущоб, уделяя им в виде аренды небольшие крохи из своих миллионов?

Что стоит тому, «кто истинно любит это трезвое, ласковое, трудолюбивое население горцев-осетин, как полюбил его я» (г. Булатов!), так же как он, основать «в их беспросветной глуши источник заработка и дисциплинирующего труда» и, вместо «поливания своим потом камней ради сомнительной, убогой жатвы», дать ему возможность «в два месяца, при 8-часовом рабочем дне, зарабатывать без всякого риска больше, чем он зарабатывает в течение круглого года на своих заоблачных плешинах»?

Зачем, наконец, 201 статью горного устава называть лазейкой, когда она прямо требует компенсации посе-

лян соответствующим отводом казенной земли и когда для применения этой меры вовсе не требуется извращать мысль г. Цаллагова и вытягивать «пастушьи» права осетин до Арарата, Парижа и Сен-дени, а надо только взглянуть более трезво на дело уравниения населения Кавказа в правах землевладения?..

Но об этом до другого раза.

1896

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

Не имея охоты играть в прятки, а главное, желая дать печати и общественному мнению возможность стать на надлежащую точку зрения при обсуждении вопроса, возникшего между редакцией газеты «Северный Кавказ» и ставропольскими врачами по поводу помещенной в № 53 означенной газеты заметки, считаю нужным заявить нижеследующее. Заметка эта, породившая так много самых противоречивых толков, принадлежит мне. Пользуясь безусловным доверием редактора газеты «Северный Кавказ» Д. И. Евсеева, я, с согласия его, отдавая в печать свою заметку, не считал нужным сообщить даже ему имя провинившегося врача; оно стало известно г-ну Евсееву только по выходе номера в свет, и вот при каких обстоятельствах. В четверг, 4 июля (в день выхода № 53 «Северного Кавказа»), я был приглашен в редакцию, где застал губернского врача Соколовского. После долгого совместного обсуждения — следует ли назвать имя врача, как настаивал г-н Соколовский, или нет, — г-н Евсеев категорически заявил, что он не назовет его по соображениям, известным уже читателям «Северного Кавказа», я же с своей стороны, как автор заметки, предложил г-ну Соколовскому от-

крыть имя врача, но только не через посредство печати, а, так сказать конфиденциально, т. е. в присутствии исключительно врачей и с тем непременно условием, чтобы среди них паходился и тот, которого я имел в виду в своей заметке.

Г-н Соколовский изъявил на это полное свое согласие, что могут подтвердить не только врачи Топорков и Мираков, заставшие нас в редакции за этим разговором, но и следующее письмо г-на Соколовского от 5 июля за № 1053:

«Милостивый государь, Константин Леванович! Вы, как вам известно, заявили мне, что вы автор заметки, помещенной в № 53 за этот год газеты «Северный Кавказ», причем добавили, что вы на известных нам обоим условиях сообщите фамилии тех личностей, которых касается этот прискорбный инцидент. Ввиду чего не найдете ли вы возможным 8 сего июля в 7 часов вечера пожаловать во врачебное отделение, куда соберутся все наличные врачи города Ставрополя для выяснения общенного вами события. Примите и пр.» Следует подпись.

Дело, однако, приняло совершенно другой оборот. Под честным, благородным словом, что это останется между нами, г-н Соколовский узнал от меня имена действующих в этой «истории» лиц, и как же он ими воспользовался? Во-первых, он позволил себе лично объясниться с указанным мною врачом и содержание этого объяснения сделал нашим же (редакции и мопм) достоянием, а потому — смею думать — достоянием и других «близких» ему людей; во-вторых, г-н Соколовский самолично доставил в редакцию письмо за подписью мужа фигурировавшей в заметке дамы, объясняющее инцидент недоразумением, и, прося непременно напечатать его с «извинением» от редакции, здесь же

предупредил меня не приходить 8 июля во врачебное отделение, так как в заседании врачей уже не видится надобности. Означенное письмо находилось уже на типографском станке в сверстанном № 55 «Северного Кавказа» с соответствующим от редакции примечанием, но все-таки не могло появиться в печати, так как автор потребовал его обратно.

Вот только после каких обстоятельств состоялось заседание врачей 18 июля, на которое я почему-то не получил уже приглашения. Результатом этого заседания явилось «Открытое письмо редактору «Северного Кавказа», которое нашло себе место в газете «Приазовский край», так как объяснения редакции по поводу его содержания по «независящим» от нее и «совершенно непонятым» для нее причинам не могли быть напечатаны в «Северном Кавказе». Теперь, ввиду того, что газета «Врач» в № 32 от души желает «многоуважаемым товарищам» довести их правое и хорошее дело до конца, — между прочим и потому, что оно имеет не местный только, но и широкий принципиальный интерес, я считаю необходимым ко всему сказанному добавить еще следующее: если ставропольские врачи действительно хлопочут не о том, чтобы предосудительный поступок одного из них не был общественным мнением, приписываемым каждому из них, а лишь о том, чтобы, — как выражается «Нижегородский листок» № 216, — «узнать паршивую овцу, чтобы выгнать ее из стада», если, наконец, как говорит «Врач», великодушное желание не ставить врача, на которого указывает газета, в тяжелое положение, по меньшей мере странно, раз этот врач сам просит назвать его имя (последнее, впрочем, ни из чего не видно), — то я, как автор сенсационной заметки, все-таки вполне оправдывая поведение редакции «Северного Кавказа» в данном инциденте, опять, уже печатно, пред-

лагаю ставропольским врачам назвать имя давшего повод к появлению моей заметки их товарища, но с тем же непременным условием, какое я поставил губернскому врачу Соколовскому. Полагаю, что после этого «многоуважаемым товарищам» «Врача» нет никакой нужды доводить свое «хорошее» дело до конца тем путем, какой они наметили в заседании 18 июля, т. е. привлечением г-на Евсеева к ответственности, хотя бы даже за клевету.

Примите и пр. ...

1896

МАЛЕНЬКАЯ ИСТОРИЯ

В 1862 году в г. Владикавказе была открыта первая школа для осетинских девиц. Целью открытия школы было, как свидетельствуют ее годовые отчеты, внести просвещение в среду осетин и сделать их истинными христианами. В 1866 году школа была преобразована в школу с пансионом и названа в честь великой княгини Ольги Феодоровны — Ольгинской. Она состояла из трех классов и приготовительного с двумя отделениями. Каждый класс имел двухгодичный курс. Преподавание велось приблизительно в размере прогимназической программы. Особенное внимание было обращено на преподавание закона божия и туземного рукоделия. Средства на содержание школы выдавались «Обществом восстановления православного христианства на Кавказе». Пока школа помещалась в центре осетинской части Владикавказа, в ней преобладающим большинством были осетинки. Когда же в 1886/87 учебном году ее перевели на совершенно противоположный конец города, число осетинок значительно уменьшилось, так что при посещении школы их императорскими величествами в 1888 г. из 89 всех учащихся осетинок было всего 36, из которых, надо заметить, 4 ученицы были

магометанского вероисповедания. Во все время своего существования школа пользовалась необыкновенной любовью и доверием осетин. Она не могла вмещать всех желающих учиться в ней. Не забывая низкий уровень развития священников-грузин, рассеянных по всей Осетии, она была безусловно лучшим учреждением просветительной деятельности «Общества восстановления православного христианства на Кавказе»; она насаждала в отдаленных уголках горной Осетии неувядаемые зародыши просвещения; она давала неутомимых тружениц для сельских школ. Не считая всех обязанных этой школе грамотностью, одно- и двухклассным образованием, в ней до 1890 г. окончили полный курс 69 учениц. Благодаря ей религиозный фанатизм магометанской Осетии стал охотно поддаваться принципам христианского воспитания. Короче говоря, школа эта становилась насущной потребностью всего народа. Вдруг в самый разгар учебного 1890/91 года (5-го января) приехавшая из Тифлиса комиссия, от имени совета «Общества», прекратила существование школы.

Трудно передать глубину горя, причиненного осетинам этим событием. Не предупрежденные родители после рождественских праздников стали привозить своих детей... Вереницы ароб запрудили улицу... Прогнозировавшая толпа детей стучится и просится под знакомый кров... Перед нею запирают двери... гонят прочь, не позволяя даже обогреться после далекого пути в арбе по морозу... Родители недоумевают... Дети плачут, не желая возвращаться в аулы, и дрогнут на улице до позднего вечера...

За что? Для чего? По какому праву? — Вот вопросы, на которые тщетно искал ответа каждый осетин.

Ближайшие свидетели этой катастрофы — владикавказские осетины, не теряя времени для формальной обстановки дела, дабы предупредить по крайней мере потерю учебного года, в числе 16 представителей подали протест высокой покровительнице школы, теперь в бозе почившей великой княгине Ольге Феодоровне и г. обер-прокурору святейшего Синода.

Почему тифлисская комиссия нашла удобным выбросить на улицу 17 своекоштных пансионеров и оставить вне всякого учебного заведения 67 учениц, большинство которых внесло плату за право учения в осетинскую школу за весь год, было покрыто мраком неизвестности. Только тогда, когда протест осетин не был уже секретом для правления «Общества», в № 4 за 1891 г. «Духовного вестника» (журнал грузинского экзархата) появилась статья *«О поводах к преобразованию владикавказской осетинской женской школы»*. Не вдаваясь в полемику, я постараюсь только сравнить содержание этой статьи с официальными документами и голый действительностью.

«Вопрос о преобразовании владикавказской осетинской женской школы, — говорит «Духовный вестник», — назрел уже давно»... Школа эта «и по внутреннему строю своей жизни и по программам предметов обучения далеко удалилась от своего назначения... Из числа 89 воспитанниц в 1886/87 г. было 59 горожанок, русских — 45, осетинок — 31, грузинок — 12, армян — 1... Почти все горожанки были девочки из низшего сословия, которые своими грубыми нравами и дурными привычками вносили в нее нежелательное совсем влияние и деморализацию».

Давность возникновения вопроса о преобразовании школы, кажется, не имеет ничего общего с неожиданным закрытием ее среди учебного года. Цифровые дан-

ные «Духовного вестника» мало убедительны, так как в предшествовавшие годы, пока школа находилась в осетинской части города, число осетинок было в ней значительно больше. Так, по отчетам «Общества» 1885 года, осетинок было 43 из 81 всех учащихся, а в 1886 году их было 45 из 84, причем из 23 русских мещанских детей было всего 5, казачьих и солдатских — 3; следовательно, и о «деморализации» не могло быть речи. Это преимущество осетинской части города перед русской совет «Общества» в 1876 г. сознавал прекрасно, говоря в своем отчете: «За невозможностью перевести школу из осетинской части города приходилось терпеливо переносить это зло», т. е. холод и тесноту помещения (стр. 27).

«Обращаясь к внутреннему состоянию школы, — говорит отчет 1875 года, — нельзя не признать, что развитие и успехи детей делают эту школу вполне соответствующею ее назначению» (стр. 58), и там же: «Находя, что девичья школа необходимо должна быть проводником в осетинскую семью более здоровых идей о воспитании детей вообще, инспектор школ обратил особенное внимание начальницы владикавказской осетинской школы на сообщении девицам более подробных сведений по гигиене», и потом в отчете 1876 г. сказано: «с девицами необходимо проходить хотя элементарный курс истории и географии, сообщать главнейшие сведения из гигиены и педагогики» (стр. 28). В отчете 1877 г. уже говорится, что «владикавказская осетинская девичья школа велась и ведется всегда образцово» (стр. 37). Отчет 1879 г. заявляет, что занятия в школе «велись с полным знанием своего дела» (стр. 35). В 1880 году его императорское высочество великий князь Михаил Николаевич лично «соизволил благодарить всех служащих в школе за хорошую постановку

ее» (стр. 84). В 1885 г. инспектор вынес заключение о довольно удовлетворительном положении учебной части. По всему видно было, что «учительницы относятся добросовестно к своим обязанностям» (стр. 64). Тогда же и начались мечтания выработать такую программу для школы, чтобы воспитанницы ее «впоследствии могли самостоятельно заведовать школами или *даже толково обучать членов собственной семьи*» (стр. 66). Чтобы не усвоить вредных привычек горожанок и иметь любовь ко всем работам домашней семейной жизни, «воспитанницы сами убирают комнаты, поочередно, по 2 в день, дежурят на кухне, приготовляя вместе с наемной кухаркой кушанья, катают сами белье и как его, так и все платье на себя шьют сами же» (стр. 67). В 1886 г. учебная часть была найдена «в удовлетворительном положении». «Для того же, чтобы школа вполне отвечала своей главной задаче — способствовала христианскому образованию женщин в Осетии, — необходимо выработать новые программы по всем предметам», что по мере возможности обещает сделать автор доклада к следующему учебному курсу (стр. 131). В отчете 1887 года, где, к слову сказать, «Общество», как выдающийся факт в своей деятельности, отмечает, между прочим, открытие какой-то несуществующей «женской *двухклассной* церковноприходской школы в Салугарданском осетинском селении» (стр. 5), в этом отчете, говоря, обещавший изменить программу владикавказской осетинской школы, но, к сожалению, не исполнивший этого обещания, инспектор обвиняет ее в полном несоответствии своему назначению и предлагает «Обществу» выгодную финансовую комбинацию (стр. 45—46). Несмотря на это, отчет 1888 года свидетельствует нам самое отрадное явление в хронике школы. Говоря о посещении школы их императорскими величествами,

он дает заключение, что «высокие гости вынесли из школы весьма благоприятное впечатление» (стр. 87). Наконец, отчет 1889 года говорит, что «школа эта в отношении внешнего благоустройства может быть названа безукоризненной», и признает «успехи учениц по всем предметам удовлетворительными» (стр. 129), но, припоминая расход в 7720 рублей, признает «за лучшее или *заккрыть совсем*» школу, или содержать своих стипендиатов в епархиальных училищах, или, наконец, перевести школу в аул, жители которого изъявили бы согласие «выстроить здание на свой счет» (стр. 131).

Таких аулов, замечу между прочим, можно было бы при желании найти если не десяток, то по крайней мере пять.

Основываясь на донесениях инспектора школ г. Никифорова, автор статьи «О поводах» умышленно обобщает и говорит утвердительно даже там, где сам инспектор высказывается только в форме опасения и вопроса, и то только относительно девушек из горной полосы Осетии. Инспектору не нравится, что школой пользуются якобы только ближайшие к городу селения. «Во многих же местах Осетии, — говорит он, — и особенно горной полосы, жители даже не знают о существовании этой школы» (стр. 44, 1887 г.). Но если бы этот недостаток и можно было исправить равномерным по всем селениям распределением стипендий, то является еще опасение другого рода, а именно: «*в состоянии ли* будут воспитанницы школы, пробывшие от 6 до 8 лет в весьма хорошей обстановке, впоследствии переносить тяжелую трудовую, полную всевозможных лишений, жизнь *именно в тех глухих ущельях гор*, где всего необходимого влияние просвещенной женщины» (стр. 46).

Автор статьи «О поводах» решает эту задачу очень просто. Он положительно уверяет, что «воспитанницы

из окрестных осетинских селений, пробыв в ней (школе) на учебной скамье от 6 до 8 лет, привыкали к городской жизни и не шли потом в прежнюю сельскую среду свою».

Ни опасения инспектора, ни уверения автора статьи «О поводах» не имеют фактического основания. Ни одна осетинка, получившая образование в Ольгинской школе, не бросала своих родных ради городской жизни. Если кто из них и живет в городе, то только со служащим или постоянно живущим в городе мужем или отцом. А что горная полоса Осетии знала о существовании школы, это видно из следующего. Из сел. Нар (я беру отдаленные уголки горной Осетии) в этой школе учились 2 ученицы, сел. Зарамаг — 1, сел. Ход — 1, Мизур — 1 (принявшая благодаря школе православие), из сел. Садон — 1, Мамисон — 1, Карца — 1, Даргавс — 1, Хидикус — 1, даже из Георгиевско-Осетинского селения Кубанской области — 1. «Опыт показал, — говорит дальше автор подтасованных «поводов», — что за все время существования школы с 1865 года не более пяти воспитанниц служили «Обществу» в качестве учительниц осетинских школ», а прочие расходились по разным местам, избирая себе род жизни во Владикавказе, совсем не соответствующий святым целям «Общества». Все это положительно ни на чем не основанная клевета. Во-первых, специальною целью школы никогда не было желание готовить приходских учительниц для «Общества», а во-вторых, число женских приходских училищ в Осетии было всегда так незначительно (от 2 до 7), что все 69 учениц, окончившие курс Ольгинской школы, при всем своем желании не могли быть учительницами, тем более, что в период 1884—1887 гг. в Осетии почему-то не стало ни одной приходской женской школы «Общества».

Зачем автору «поводов» понравилась цифра «пять», когда в 1878 году уже «6 сельских женских школ Осетии велись добросовестно бывшими воспитанницами владикавказской школы; 6 учениц этой школы вышли замуж за учителей Северной Осетии и оказывали им значительную помощь в деле просвещения народа» (Отчет 1885 г., стр. 61). Опыт показал, — скажем мы со своей стороны, — что воспитанниц школы, служивших «Обществу» в качестве учительниц, было 21, следовательно — «более пяти» на целых 16, а 22-я служила в ведомстве министерства народного просвещения (фамилии всех их я представил при сем редакции). Кроме того, Колиева-Цогоева имела в такой трущобе, как сел. Луар, свою частную школу. Девушки Амбалова и Абациева успешно занимались частными уроками в сел. Ардон, а прочие расходились не «по разным местам (?)», избирая себе род жизни во Владикавказе, а возвращались в родные аулы, внося свет христианского благовоспитания в дымные сакли своих родителей; затем выходили замуж за своих же сельских учителей, причетников и даже простых сельчан и делались примерными хозяйками, любящими женами и достойными удивления матерями — воспитательницами нарождающегося поколения.

Насколько справедливы строки статьи «Духовного вестника» по адресу преосвященного Петра, видно из «Защиты», появившейся по поводу той же статьи в приложении к № 37 «Терских ведомостей» за 1891 год, где сказано, что замечание автора «поводов» относительно епископа «является сколько несправедливым, столько же и оскорбительным». Что же касается г. начальника области и «Терских ведомостей», то от них лучшего выражения «Духовному вестнику», чем то, которое появилось в № 37 «Терских ведомостей», и желать нельзя.

Я привожу его целиком: «В 4 № «Духовного вестника» грузинского экзархата в статье «О поводах к преобразованию владикавказской осетинской женской школы», между прочим, сообщается, что через несколько дней после преобразования означенной школы «появились в «Терских ведомостях», официальном органе области, вполне сочувственные статьи по поводу совершившегося события». В интересах истины считаем нужным заявить, что никакого сочувствия «совершившемуся событию» «Терские ведомости» никогда не высказывали ни от себя, ни от других. Редакция тогда же отметила лишь факт преобразования владикавказского женского осетинского училища, а равно и удовольствие населения тех селений, где открыты церковноприходские школы. Но удовольствие и радость населения по поводу открытия новых школ совсем не характеризуют такого же отношения к факту преобразования осетинского женского училища. Точно так же мы уполномочены сообщить, что заявление того же «Духовного вестника», по которому к преобразованию осетинского училища «комиссия приступила не прежде, как заручившись согласием начальника области», лишено фактического основания, так как г. начальник области узнал от комиссии о преобразовании женского осетинского училища только тогда, когда это преобразование сделалось уже совершившимся фактом».

Что слово «преобразование» не входило в программу действий комиссии, об этом ясно свидетельствует, во-первых, отчет «Общества» за 1887 год, где сказано: «Обществу» несравненно выгоднее содержать тех же 24 стипендиатов в духовных женских епархиальных училищах и затрачивать на это, полагая стипендию по 120 руб., всего 2880 руб. вместо 7720 руб., расходуемых ныне на содержание владикавказской осетинской де-

вичьей школы» (стр. 46), а во-вторых, в той же «Защите» говорится, что «сотрудник «Духовного вестника» неправильно понял отношение нашего епископа к последним событиям печального факта *закрытия* училища. Мы имеем в виду отказ со стороны епископа комиссии, *прибывшей* из Тифлиса, созвать в январе экстренный съезд духовенства для обсуждения этого вопроса или взять это училище временно на свою ответственность, без ведома духовенства, а потом передать его последнему», и затем дальше: «поэтому епископ Петр *многokrатно и усердно просил прибывшую* из Тифлиса комиссию *помедлить закрытием училища* до указанного времени. Нам очень хорошо известно, что об этом сообщено телеграммой от 4 января о. протоиереем Каллистовым в Тифлис — кому следует». Итак, комиссия не преобразовала училище, а закрыла его, оставив в нем до конца учебного года при двух учительницах, законоучителе и учительнице рукоделия своих 24 стипендиатов, добрую треть которых составляли русские, почему-то попавшие под опеку «Общества восстановления православного христианства на Кавказе».

Нельзя поэтому не признать вполне современным и уместным протест владикавказских осетин, тем более, что следствие, произведенное по этому делу лично начальником области, дословно подтвердило все изложенные в протесте обстоятельства этого печального события. Не оставалось никакого сомнения, что во всей истории главным, руководящим началом служил самый беззастенчивый произвол. Надо было, во что бы то ни стало, найти виновных.

Неожиданная весть о переводе преосвященного Петра, епископа владикавказского, в Великий Устюг как громом поразила всю его паству. Проводы его 27, 28 и 29 мая 1891 г. отличались необычной в этих случаях

задушевностью. Все слои общества принимали в них самое горячее участие. Как искренно преданные дети православия, в проводах представителя Христовой церкви, естественно, хотели принять участие и владикавказские осетины... К сожалению, это им не было дозволено, а небольшой адрес, в котором они просто и сердечно излагали любимому владыке свои чувства, был арестован накануне его подачи... Мало того, многие из осетин, участвовавшие в протесте по поводу закрытия училища и подписавшие означенный адрес, были даже подвергнуты кое-каким ограничениям. Помимо выговоров и легких арестов один из них (учитель подготовительного класса реального училища) был удален от должности, а другой выслан административным порядком из пределов Терской области... При всем этом, однако, протест все-таки вызвал благоприятные результаты: школа была возвращена осетинам во всем ее первоначальном составе и даже переведена в прежнее свое помещение, в осетинскую часть Владикавказа. К теперешней ее постановке я надеюсь вернуться в недалеком будущем и тем охотнее, что в текущем 1897 году исполнится 35 лет со времени ее открытия.

1897

НАКАНУНЕ

(I)

Текущий 1897 год является для Кавказа чем-то необычайным. Смена высшей кавказской администрации, слухи об оставлении своих постов начальниками Терской и Кубанской областей, всевозможные проекты, комиссии, открытое обсуждение в печати наболевших ран и способов их лечения — все это дает полное основание думать, что наш край переживает весьма важный исторический момент. Предугадать в деталях ближайшие последствия совершающихся на наших глазах событий очень трудно, но навряд ли можно впасть в большую ошибку, если взять на себя смелость обрисовать в общих чертах те задачи, какие будут у нас поставлены на первую очередь. Не забегая вперед на основании своих личных наблюдений и выводов, мы позволим себе обратиться к такому компетентному источнику, каким в данном случае, несомненно, являются «Санкт-Петербургские ведомости». В обширной передовой статье «Нужды Кавказа» эта почтенная газета, совершенно беспристрастно перечисляя все мероприятия правительства для развития производительных сил богатейшего

в мире края и для поднятия экономического благосостояния его населения, приходит к прискорбному заключению, что «промышленность на Кавказе и поныне стоит на крайне низкой ступени развития и за весь этот, со времени присоединения, продолжительный период она весьма мало подвинулась вперед; все же благие начинания правительства в этой области не принесли краю почти никакой пользы».

«Несомненно, — говорит газета, — что главная причина этого явления кроется в значительной косности и отсталости в культурном отношении кавказского населения, весьма ограниченного в своих жизненных потребностях и привыкшего с давних времен к удовлетворению этих потребностей теми дарами природы, которые, благодаря благоприятным климатическим и почвенным условиям местности, даются ему без особой затраты физических и умственных сил» и т. д.

Не вполне соглашаясь с почтенной газетой во второй части этого положения, мы, тем не менее, указанную причину признаем весьма немаловажной в безуспешности правительственных мероприятий. Зато гораздо большее значение мы придаем следующей.

«С другой стороны, различные созданные правительством учреждения или устроенные при его содействии, в интересах отдельных специальных нужд населения, долженствовавшие служить как бы образцами для подражания, не имели успеха главным образом потому, что были созданы людьми пришлыми, мало или вовсе неизвестными с бытовыми и природными условиями как всего края вообще, так и отдельных его областей в частности. Не имели также успеха и отдельные начинания частных лиц, занявшихся улучшением той или другой отрасли промышленности, именно потому, что большинству этих пионеров, не вооруженных в доста-

точной степени теоретическими и практическими знаниями местных природных и бытовых условий, приходилось, да и поныне приходится, ощупью и впопыхах вырабатывать рациональные приемы и основы их промышленной деятельности. Всем таким начинаниям не предшествовало систематическое научное разрешение различных теоретических и практических вопросов местного промышленного хозяйства, всестороннее же изучение всех бытовых сторон местной жизни и разрешение возникающих практических вопросов не могло быть по силам частной предприимчивости хотя бы даже при материальной поддержке со стороны правительства: оно вызывало массу непроизводительных расходов времени и материальных средств и раньше или позже должно было сломиться под тяжестью целого ряда неудач, с которыми неизбежно сопряжено всякое предприятие, не обоснованное прочно на систематических указаниях положительного опыта».

Мало того, нам прекрасно известно, что многие из этих частных предпринимателей, являясь под благовидным предлогом культивирования края и заручившись всеми поблажками, с волчьей жадностью принимались за удовлетворение своего аппетита и, благодаря этому, с первых же шагов поселяли в туземцах чувство недоверия и даже вражды к своему делу, а при весьма естественной потом неудаче всячески старались обвинять местное население и снова вымаливали себе новые льготы и субсидии. О деятельности таких пионеров у нас говорилось немало да, надо полагать, придется говорить о них еще не раз.

Если туземцы, «довольствуясь удовлетворением самых ограниченных своих потребностей, живя обособленно и вдали от влияния каких-либо внешних более культурных элементов и заразившись от продолжительной

совместной жизни с мусульманскими народами достаточной долей восточного фатализма, не выработали, да и не могли выработать в себе никакой предпримчивости и духа частной инициативы, т. е. всего того, что у других народов является или в силу экономической необходимости, или в силу развивающегося духа подражания», то во всяком случае эти же «дипкари» сумели сохранить такие традиции, какими может гордиться лучший европеец. Рыцарская неприкосновенность чести, святость долга, верность данному слову и многое другое до того присущи каждому туземцу, что с ним следовало бы считаться всем тем, кто действительно является к ним с просветительными целями. Иначе, при наличии таких качеств, всякая неблагоприятная эксплуатация их непочатых сил и богатств всегда будет вести к неравной борьбе капитала с местными традициями, что в конце концов должно будет разрешиться если не вымиранием, то или полнейшим экономическим, или нравственным упадком населения. «Санкт-Петербургские ведомости» если и не высказывают этого открыто, то во всяком случае ясно сознают это.

Газета говорит, что «в каждой отдельной местности различные отрасли сельского хозяйства, как виноделние, садоводство, хлопководство и др., для своего успешного развития и усовершенствования должны предварительно пройти путь опытного разрешения практических и теоретических вопросов среди той самой обстановки, в которой они существуют или подлежат развитию.

Тем большая необходимость в таком разрешении практических вопросов представляется для *Кавказа, столь отличного во многих отношениях и от внутренних губерний России, и от Западной Европы*, применительно к которым до сих пор только и вырабатывались

сельскохозяйственные знания. Одно уже искусственное орошение, являющееся во многих обширных районах Закавказья необходимым условием успешности сельскохозяйственной культуры, создает такую своеобразную обстановку для сельского хозяйства, что делает почти невыносимым проведение в жизнь готовых указаний, без предварительной опытной проверки их пригодности для местных условий. Затем, если даже в деле обрабатывающей промышленности технические приемы, издавна выработанные и постоянно совершенствуемые в других более культурных странах, оказались не все одинаково применимыми к нашей фабричной промышленности, и немногим более энергичным кавказским фабрикантам пришлось, применяясь к местным бытовым условиям, многие из таковых значительно изменить, то в сельскохозяйственной и горнозаводской промышленности на Кавказе местные бытовые и естественные условия и подавно не допускают шаблонного применения готовых форм и образцов, выработанных в других сферах и при другой совсем обстановке.

Таким образом ясно, что одно лишь предварительное и опытно-практическое изучение местных условий и особенностей, имеющих значение в каждой отдельной специальности, может дать прочную основу той или другой отрасли промышленности, вне которых всякие правительственные, общественные или частные начинания, приуроченные к отдельным частным вопросам и нуждам, вне связи с общими потребностями жизни края, будут иметь лишь характер случайный и лишены будут прочной почвы, посея в себе самих все зародыши неуспеха».

Весь вопрос сводится только к тому, каким способом разрешат великую задачу поднятия производительных

сил нашего края... По мнению газеты, учреждение на Кавказе высшего научно-технического института, который направил бы сельскохозяйственную, обрабатывающую и горнозаводскую промышленность на правильный путь развития и дал бы им возможность основываться на твердой почве и на вполне рациональных началах, является неотложной необходимостью.

Создание такого института — прямая задача правительства, так как оно превышает все материальные и духовные силы местного населения.

«На Кавказе, более чем где-либо, правительство не может отказаться от роли опекуна и попечителя, — сказал бывший министр государственных имуществ М. Н. Островский на торжестве закрытия кавказской сельскохозяйственной выставки, бывшей в Тифлисе в 1889 году, — и на первом плане его попечительства должна стоять забота о правильном поземельном устройстве населения, о распространении среди него грамотности и возможно больших сведений по всем отраслям промышленности и сельского хозяйства».

Для того, однако, чтобы ввести в среду кавказского населения «возможно больше сведений по всем отраслям промышленности и сельского хозяйства», крайне недостаточны, как показал опыт предшествовавших годов, все паллиативные меры, принятые правительством до сих пор в виде устройства различных специальных опытных учреждений, долженствовавших служить местному населению образцом для подражания. Только высшая специальная школа может дать своим питомцам возможность пройти тот предварительный путь изучения местных условий края, без знания которых невозможно приступить к той или другой промышленной деятельности.

Давно назревшая и всеми сознаваемая нужда в учреждении в крае высшего специального учебного заведения сознается и г. попечителем Кавказского учебного округа. Придавая особое значение промышленному образованию подрастающего поколения, г-н Яновский находит, что для распространения среди населения такого образования *необходимо устройство специальных учебных заведений*, которые могут быть открываемы только на счет правительства, так как местное население не обладает достаточными для этого материальными средствами. Признавая весьма недостаточными те профессиональные занятия, которые ведутся во многих начальных и городских школах вверенного ему округа, г-н попечитель ходатайствует перед своим высшим начальством *об устройстве хотя бы двух средних училищ*, одного — для Северного Кавказа и одного — для Закавказья. «Такие специальные заведения окажут несомненные услуги населению прочной постановкой дела обучения профессиональным занятиям, распространению коих в населении я придаю особо важное значение».

По мнению же газеты, только в учреждении здесь на месте высшего технического учебного заведения кроется теперь единственная возможность спасения кавказского населения и главный источник его промышленного прогресса; оно лишь способно было бы дать краю тот необходимый и недостающий ему ныне контингент научно подготовленных людей, которые могли бы направить все отрасли промышленности на правильный рациональный путь и приступить к правильной эксплуатации тех многочисленных природных богатств края, которые еще спят непробудным сном, не принося населению и сотой доли той пользы, которую они могли бы принести.

Таким высшим учебным заведением мог бы быть учрежденный в крае политехнический институт с сельскохозяйственным и горным отделениями. Такой институт, вооруженный всеми средствами для правильной научной постановки соответствующих опытов в сфере сельскохозяйственной, обрабатывающей и горнозаводской промышленности, вдохнул бы новую жизнь во всю промышленную деятельность края.

В вопросе о месте устройства политехнического института газета склонна отдать предпочтение Тифлису — как по центральному положению в крае этого города и по сосредоточению в нем всех административных и культурных сил Кавказа, так и потому, что тифлисское городское общественное управление, возбудив в конце 1894 года, в бытность здесь г-на министра земледелия и государственных имуществ, ходатайство об устройстве на Кавказе политехнического института и побуждаемое желанием принести с своей стороны посильные жертвы для содействия в осуществлении столь важной для промышленности жизни края меры, постановлением своим, состоявшимся 5 сентября того года, уже определило предоставить в распоряжение министерства для этой цели 100 тысяч рублей на единовременные расходы и до 200 десятин земли в районе городских дач, где это окажется для предполагаемого института удобным.

От души приветствуя такое необычайно трезвое отношение к нуждам нашего края почтенного органа, мы глубоко верим в скорейшее осуществление этой поистине заветной мечты всей здравомыслящей части туземного населения Кавказа, которой дороги интересы родины и которая давно и открыто идет навстречу всем благим начинаниям правительства,

В прошлой статье мы уже высказали свою уверенность в том, что край наш переживает в высшей степени важный исторический момент и что мы находимся накануне таких реформ, которые коренным образом изменят существующий у нас порядок вещей, и, конечно, к лучшему. После чудовищного похода на туземцев Кавказа многие газеты с некоторого времени совершенно изменили свой тон и в больших передовых статьях стали выяснять истинные причины разбойничества и констатируемого вообще беспорядка на Кавказе. Даже «Новое время» с легкой руки «Гражданина» снизошло до требований здоровой логики. В своей статье «О кавказских разбойниках» от 9 февраля текущего года эта всеведущая газета, останавливаясь на воспоминаниях старого кавказского офицера, помещенных в «Гражданине» под общим заглавием «Разбойничество на Кавказе», говорит: «Описывая свой первый туда (на Кавказ) приезд как раз после умиротворения края (1864 год), автор говорит, что в те блаженные времена разбоя не было. Пошаливали только на «линиях», что объяснялось остатками прежней ненависти к русским. В начале семидесятых годов спокойствие и безопасность исчезают и с каждым годом разбойники нарождаются, как грибы. Автор дает целый ряд объяснений такому явлению. По его мнению, главная причина кроется не в ослаблении значения русской власти в глазах туземцев, а в коренных изменениях экономического и административного строя страны. Такое мнение человека, видимо знакомого с краем и доброжелательного, весьма важно, так как еще недавно в печати раздавались жалобы, что престиж наш на Кавказе так ослабел, что хоть вновь завоевывай Кавказ! Как на важнейшие изменения в общем строе,

автор указывает на освобождение крестьян от крепостной зависимости, отсутствие до сих пор во многих местностях размежевания, нерациональное применение судебных реформ и, наконец, неудовлетворительность личного состава администрации».

Не вполне соглашаясь с автором «воспоминаний» в том, что в те блаженные времена разбоя вовсе не было, газета тем не менее признает, что «настоящее разбойничество началось после освобождения крестьян. Реформа была введена уже давно, а многих крестьян до сих пор еще не наделили землей. Местное население обвиняет в этом мировых посредников, которые до сих пор не могут разобраться в претензиях помещиков и крестьян. Из-за выгодных мест и воды постоянно возникают споры, нередко кончающиеся кровопролитием, вследствие воинственного темперамента населения. Спор о границах тоже часто кончали свалкою; убийца спасался и поневоле делался разбойником (в свое время немало говорилось о вражде князей Андрониковых и Вачнадзевых). Вопрос о распределении воды ведет к тому же. Хотя при великом князе Михаиле Николаевиче и было сделано немало для улучшения орошения Закавказья, но и теперь этот вопрос не доведен еще до конца; к нему должен быть применен местный обычай, по которому вода есть общее достояние, как и воздух».

К этому надо добавить еще вопрос о «хизанах». С этими хизанами теперь тоже происходят постоянные споры из-за земель, кончающиеся нередко кровопролитием.

Неоднократно возбуждаемый хизанский вопрос при покойном князе Дондукове-Корсакове совсем не получал движения.

«Крестьянская реформа, нанеся тяжелый удар бывлой патриархальной обстановке, в связи с прекращением

войны на Кавказе, поставила лицом к лицу с пуждой большинство мелкопоместных дворян и князей, им же имя легион. Кроме умения хорошо владеть оружием и джигитовать, большинство их не имело, да и теперь не имеет, никаких познаний. Крестьяне, как более трудолюбивые, а отчасти и армяне, стали скупать у них земли. Оставшись без земли, они не знают что делать и начинают пускать в ход предметы, которыми лучше всего владеют, т. е. оружие».

Дальше газета начинает опять «лукаво мудрствовать» и впадает, конечно, в обычный свой тон проповедника «натиска, быстроты и расторопности».

Гораздо обстоятельнее и беспристрастнее обсуждает этот вопрос более умеренная часть русской печати. Но авторитетность газет далеко, конечно, не может сравниться с компетентностью известного юриста-оратора А. Ф. Кони, который на последнем годовом собрании Санкт-Петербургского юридического общества перед многочисленными слушателями ярко изобразил картину тяжелых судебно-бытовых условий на Кавказе.

«Новости», посвящая речи А. Ф. Кони специальную статью «Больная юстиция», совершенно справедливо замечают в ней, что Кавказу суждено привлекать внимание не одних лишь поэтов.

Для юриста-наблюдателя эта страна — кладезь новых впечатлений, так как в ней судебные порядки сложились своеобразно под влиянием различных обстоятельств.

На первом месте следует поставить бытовые условия. Достаточно указать на сохранившийся повсеместно на Кавказе обычай носить при себе оружие, — обычай, освященный веками, семейными и национальными традициями. Кавказский туземец, можно сказать, родится

с оружием; носит его как фамильную драгоценность. Нередко можно встретить такого туземца в индийских лохмотьях, на которых живописно красуется кинжал.

Между тем наш устав о предупреждении и пресечении преступлений запрещает ношение оружия, а уложение о наказаниях весьма строго наказывает сопротивление властям, грабеж и кражу, если при совершении этих преступлений подсудимый был вооружен. И вот населению Кавказа приходится расплачиваться за свой обычай. Сопротивление оказывается всегда вооруженным, грабеж — разбоем, а простое похищение движимого имущества — вооруженной кражей, и судебный приговор является прямо несогласным с жизнью. В противном случае, если в основу его ляжет сознание бытовых условий, он разойдется с законом.

Далее — на что указывает г. Кони — туземные воззрения резко расходятся с предписаниями законов. В особенности это разногласие стало ощущаться с тех пор, как подсудность горским судам была изменена и компетенция их урезана в пользу общих коронных судов.

Последним, в силу прямого преследования законом таких преступлений, как похищение незамужних жепцин, приходится игнорировать повсеместный обычай «умыкания» девиц как один из брачных обрядов на Кавказе.

Кража лошадей, окруженная известным ореолом молодечества и также освященная обычаем, по крайней мере, в определенных своих пределах, в глазах коронных судей теряет этот свой характер и рассматривается как преступление.

То же самое происходит и с кровной мстью, бороться против которой, конечно, необходимо, но при

помощи нравственного и религиозного просвещения, а не путем тяжких наказаний.

Далее оратор указал на распространенность на Кавказе лжесвидетельства, дошедшего до виртуозности и обусловливаемого недоверчивым, враждебным отношением к суду, который рассматривается как орудие личной мести.

Сплошь и рядом судьи игнорируют поэтому свидетельские показания, занесенные в протокол, и таким образом волею-неволею создают повод для кассации своих приговоров.

За лжесвидетельством идет ложный донос, направленный на путь угроз.

Все это сбивает с толку кавказскую юстицию. А каким тяжким элементом для нее, уничтожающим необходимую для правосудия *непосредственность* впечатления, является то положение, которое заняли в процессе местные переводчики, безграмотные и скудно обеспечиваемые из недостаточных канцелярских сумм!

Кроме перечисленных бытовых условий, в деле отправления правосудия на Кавказе значительную роль играют условия служебной деятельности. Судьи, получающие здесь повышенный оклад жалованья, неохотно расстаются с Кавказом, засиживаются здесь, превращаются в усталых рутинеров. С другой стороны, они поставлены в невозможные жизненные условия: губительный климат, с его зноем, вьюгами; угрюмый край, лишенный сносных путей сообщения, которые иной раз сводятся к узкой тропинке, доступной только для переезда верхом, при этом на высоте 5 тысяч с лишком футов над уровнем моря.

Случается совершать переправы через пропасти на шее джугега мингрельца или сванета, рискуя свалиться

с ним с обрыва. Неудивительно при таких условиях заболевания нервным тиком.

При этом надо принять во внимание подавляющее обилие дел, спешность переездов и проч.

Затем А. Ф. Кони указал на важное значение особенностей законодательного свойства: соединение в лице одного мирового судьи судебных и следственных функций, которые на практике пришлось видоизменить, выделив последние и передав их помощникам судей там, где они имеются (в других же местах — канцеляриям на судебные должности).

О передаче следственных дел ведению полиции с целью облегчения мировых судей и др. нельзя, конечно, и думать, ввиду невысокого нравственного и образовательного уровня полицейского персонала.

Немало страдает правосудие на Кавказе от отсутствия камеры предания суду по делам, влекущим за собою лишение прав состояния.

Дела такие поступают в суды по собственному усмотрению прокуратуры, в большинстве случаев в лице ее молодых, неопытных представителей, склонных к увлечению в возбуждении дел и остающихся в беспомощном состоянии, несмотря на изданную подробную инструкцию их деятельности.

Неудивительно, что, например, в 1893—1894 гг. из 1005 дел, по которым составлен был обвинительный акт, 286 окончились оправдательными приговорами, а в 124 случаях прокуратура на суде отказывалась от обвинения.

Существование второй инстанции для дел, сопряженных с лишением всех прав состояния, не может служить коррективом указанного положения вещей, ввиду запоздалости приговоров и невозможности попой раз вернуть подсудимому утраченные им по суду блага.

Большую сбивчивость в дело отправления правосудия вносит далее особенность кассационного производства, распределенного между особым отделом тифлисской палаты и Правительствующим сенатом.

Сплошь и рядом кассационная практика расходится при этих условиях в своих толкованиях, а подчас та же палата устанавливает различный взгляд на дело, в зависимости от того, является ли она апелляционной или кассационной инстанцией. Также сбивчив надзор за адвокатурой.

По мнению А. Ф. Кони, существенным коррективом нынешнего положения вещей было бы полное отделение в судебном отношении Северного Кавказа от Закавказья. Первый созрел уже в культурном отношении, и в нем должен быть введен суд присяжных, благами которого пользуется, например, Казанская губерния, по составу своего разноплеменного населения стоящая в менее благоприятных условиях, чем губерния Ставропольская и др.

Во всяком случае, — этим закончил свою речь почтенный оратор, — кавказское правосудие представляет больные места, и их надо лечить. Но, как и для медицины, для судебной терапии необходимо собрать предварительный материал.

Несомненно, что личные впечатления, которыми поделился с слушателями А. Ф. Кони, займут видное место среди этого материала».

Несомненно, скажем мы со своей стороны, что только при таком трезвом отношении к нуждам нашего края можно достигнуть тех результатов, какие необходимы для развития в туземном населении чувства гражданственности и уважения к законам государства.

В предшествовавших статьях (№№ 1150 и 1155 «Северного Кавказа») мы с истинным удовольствием отметили необычайно трезвое отношение наиболее влиятельной части столичной печати к нуждам нашего края и указали в общих чертах на признаки, дающие полное основание верить, что жизнь Кавказа вообще и Северного в частности в недалеком будущем примет более правильное течение. В приятном ожидании этого светлого будущего мы, искренно желая быть полезными в деле заготовки материала для всестороннего изучения¹ нашей окраины, в настоящей статье займемся лишь констатированием существующего в пределах Терской области порядка вещей.

Туземное население области, как известно, пользуется незавидной репутацией населения, склонного к воровству, грабежу и разбоям. Это тяжелое обвинение если и справедливо до некоторой степени, то только в отношении самого ничтожного меньшинства туземцев, которое, живя традициями мятежного прошлого и не понимая еще задач культурной жизни по неподготовленности своей к последней, действительно причиняет массу тревог и хлопот как самому туземному населению, так, в одинаковой мере, и русскому и вместе с тем массу материального ущерба тому и другому населению в виде хронической убыли из имущества населения значительного количества рабочего скота, лошадей и овец.

Громадное же большинство населения Кабарды, Осетии, Чечни и Кумыкской плоскости настроено на совершенно тихий и мирный лад гражданской жизни, что доказывается достигнутыми им, со времени взятия Шамиля и окончания войны на Западном Кавказе, крупными успехами в экономической жизни.

При полном отсутствии на Кавказе сельскохозяйственных школ, которые могли бы послужить живыми и обильными источниками распространения знаний между пытливыми и любознательными от природы горцами, и при крайней недостаточности существующих для них министерских школ общеобразовательного характера, население горское, все же тяготело к гражданской жизни, предается мирному земледельческому или скотоводческому труду, соответственно с нормой своего земельного довольства, создавая прочную оседлость и пытаясь постигать и все более и более осуществлять многие начала интенсивной сельскохозяйственной и земледельческой деятельности (в пчеловодстве — во Владикавказском и Нальчикском округах и Сунженском отделе, скотоводстве, табуноводстве и овцеводстве — в Кабарде и Карачае, садоводстве и земледелии — в Кабарде и Северной Осетии).

Культурное воздействие на горцев Кавказа началось только с начала 30-х годов настоящего столетия помещением нескольких десятков детей почетных горцев в кадетские корпуса, откуда их по преимуществу выпускали из четырех общих классов в чине корнета в армейскую кавалерию, чтобы они, горцы, в кавалерийских полках познакомились с цветом лучшего, по тогдашнему времени, русского общества и таким образом служили между своими соплеменниками проводниками высоких культурных отеческих забот русского правительства о горском населении.

В сороковых годах была открыта в Нальчике Нальчикская горская школа на несколько десятков молодых горцев; в конце 50-х годов был прекращен прием в корпуса, а в начале 60-х годов для всех кавказских горцев открыто до 90 казенных стипендий в пансионе Ставропольской на Кавказе гимназии.

Кроме того, тогда же открыты в городе Грозном — Грозненская горская школа, принимающая обыкновенно не более $\frac{1}{4}$ всех учащихся или до 30 мальчиков из горцев, по преимуществу чеченцев; в бывшей крепости Назрани — Назрановская горская школа, одноклассная до 1895 г., а с этого года двухклассная, приютившая у себя всего 10 пансионеров и до 150 приходящих ингушских мальчиков. В пансионе темир-ханшуринского реального училища — 30 вакансий. В Майкопской горской школе для горцев отведено до 30 мест. Во Владикавказском реальном училище им предоставлено до 30 казенных стипендий. С 60-х годов в христианских аулах Осетии «Обществом восстановления христианства на Кавказе» заведены сельские школы; мусульмане же осетины сельские школы стали открывать на свои средства лишь теперь. Что же касается мусульманского населения Чечни, Ингушии и Кумыкской плоскости, то оно, если не считать указанных выше Назрановской и Аксайской школ, и по настоящее время остается пока без народно-учебных заведений.

Если к этому прибавить еще то обстоятельство, что в нагорной части Осетии, Ингушии и Чечни, где земельное довольствие на горский дым (двор) часто представляет не более 200 квадратных саженей («Заметки о горском землевладении» М. Кппиани), не говоря уже об отсутствии подесятипных наделов, и что безземельные или имеющие ничтожные земельные наделы горцы, не получая никакого дохода с земли для удовлетворения своих насущных жизненных потребностей и будучи не подготовленными к другому, неземледельческому труду, в борьбе за существование легко впадают в преступление, то павряд ли можно признать справедливым то пегодование, которое в последнее время замечалось в нашей печати по адресу туземцев Северного Кавказа за

их якобы хищнические наклонности и кровожадные инстинкты.

Перейдем теперь к нынешним условиям, которые в ту или другую сторону отражаются на ходе экономической жизни горского населения области.

Во главе управления стоит начальник области с областным правлением, держащие в руках как власть собственно административную, так и земскую (154—163 ст. учрежд. управл. Кавказского края, изд. 1892 г.) и дающие общее направление управлению горцами. Ввиду сложности и многосторонности занятий начальника области по управлению вверенным ему краем, а также по должности атамана казачьего войска, он лишен возможности непосредственного и постоянного общения с туземною средою, а отсюда и близкого знания его действительных нужд и потребностей; вся деятельность начальника области ограничивается рассмотрением и разрешением бумаг и переписок, восходящих до него в порядке служебном от начальников округов и атаманов отделов; исход же каждого дела зависит от того, как составлена в канцелярии бумага, весьма часто расходящаяся, по неведению ее составителя, с живыми и действительными интересами населения. Ближайшие же правители народа — атаманы отделов, начальники округов и участковые начальники, взятые из фронта военного, случайно сделавшиеся народоправителями, в большинстве случаев недостаточно подготовлены к выполнению возложенных на них обязанностей. Между тем, править пародом, при вышеуказанных сложных комбинациях земско-административного управления, далеко труднее командования известною фронтовой частью уже потому, что начальники частей, кроме воинского устава, снабжены подробными инструкциями военного министра и им остается лишь исполнять точно

указанное. Для управления же народом в несколько десятков тысяч необходимо знать еще и характер, обычаи, нравы и жизнь народа и вообще располагать огромным запасом самых разнообразных сведений.

Туземный мир, со времени умиротворения края, живя под покровительством общегражданских законов Российской империи и вот уже 26 лет испытывая на себе благодетельные последствия реформированного суда по уставам 20 ноября 1864 г., во всем, что касается порядка преследования за преступные деяния, в ту же пору подчинен действию одной крайне неблагоприятной для его экономической жизни ненормальности. Мы говорим об установлении полной круговой поруки между преступниками, лиходеями-горцами и туземным мирным, труженическим населением, далеким от преступных порывов и страждущим от преступников совершенно так же, как и нетуземное население области. Мотив же установления таковой круговой поруки — заведомая будто склонность обществ к скрытию своих преступных сообщественников — положительно неверен и несостоятелен: во всех окружающих управлениях и управлениях отделов можно найти массу приговоров сельских обществ о выдаче и удалении из своей среды порочных членов, не приведенных, однако, в исполнение, помимо желания общества, за несоблюдением какой-либо неважной формальности или за неумелым изложением текста приговора.

Таким образом, выданные обществам, по возвращенные обратно в среду их порочные члены, ободренные своею безнаказанностью, приступают обыкновенно с новой энергией к своей преступной деятельности. Благодаря такому порядку вещей горские сельские общества очутились между двух огней: между администра-

тивными карами и яростными преследованиями уличаемых в преступлениях лиц.

Крупный принципиальный и в ту же пору и практический недостаток этих правил — это отсутствие серьезных побуждений найти, во что бы то ни стало, самого нарушителя права — преступника и покарать только его одного, благодаря чему часто ни в чем неповинные сельские общества и родственники подозреваемого принуждены нести строгую кару, тогда как действительные преступники обыкновенно остаются без возмездия за свои дела и, стало быть, этим самым опять поощряются к той же преступной деятельности на счет мирного и трудового населения. А что касается экономического состояния населения, то вот несколько иллюстраций: туземные селения и аулы, как сел. Исланово, Эльхотово, Хумалаг, Зильги, Ольгинское, Базоркинское, Барсики и прочие, прилегающие к путям следования хищников, буквально разоряются от частых и непосильных платежей. За 14 лет практикования правил сумма таких платежей «по следам» достигает для каждого селения суммы от 400 до 1000 рублей ежегодно.

Объясняется это отсутствие энергичного розыска самих преступников тем, что низшие административные чины, констатируя только доведение следов до земельных дач горских обществ или частных владельцев из туземцев соответствующим протоколом или рапортом, избавляют себя от всякого дальнейшего труда по розыску преступников. Легко, конечно, себе представить, как такой обычай деморализует низших административных агентов, приучая их к полнейшему невниманию к первым их служебным обязанностям, и как вредно отражается это на ходе и результатах предварительного следствия судебно-уголовной юстиции в области.

Нельзя не признать, наконец, что «Временное положение» заметно обостряет и без того недружелюбные отношения между казачьим и горским населением области. И это вполне естественно: исключительные административные меры против горцев, в особенности когда эти меры расходятся еще с общегосударственными законами, способны разжечь только враждебные страсти туземцев к тому населению, для охраны которого принимаются эти меры. Обстоятельство это хорошо понимают и сами горцы и казаки.

В шестидесятых годах, когда, казалось, положение нетуземного населения в не замиренной еще области было гораздо более щекотливо, не практиковались между горцами такие экстраординарные меры, что легко можно проверить по архивным делам владикавказского, нальчикского, грозненского, бывшего ингушского и кумыкского окружных правлений и горских словесных судов. Это служит ясным доказательством того, что уже в то время русское правительство, сталкиваясь с горскою деревенскою общиною, нигде не находило следов круговой поруки членов аула в том смысле, как это установлено «Временным положением». Очевидно, что горцы давно пережили эту форму своего исторического развития.

Ко всему этому многие вопросы земского внутреннего устройства горских поселений остаются без достаточного внимания. О народном здравии горцев обнаруживается мало заботливости. Существующие при окружных управлениях окружные врачи исполняют, по преимуществу, судебно-медицинские обязанности и не имеют времени следить за народным здравием. Правда, при каждом округе за счет горского общества, на 25-копеечный сбор со двора, содержится один или два фельдшера с самыми необходимыми простейшими медикамен-

тами: хинной, слабительным, горчичниками и пр. Но этого, конечно, недостаточно для полного обеспечения народного здоровья: беспомощность горского населения в смысле медицинской помощи бывает заметна в особенности во время инфекционных болезней, как дифтерит, скарлатина, тиф, оспа, холера и т. п.

Недостатки современного устройства горской жизни явствуют в особенности из земско-экономической их обстановки. Вследствие ли их поголовной безграмотности или отсутствия действительно контролирующей аульных казначеев власти, повторяются из года в год растраты общественных средств на очень солидные суммы. Ближайшие начальники участков, округов и атаманы отделов, надо думать, за заваленностью делами и перепиской по собственно административно-полицейской службе, не могут обращать достаточного внимания на эту сторону туземной жизни и не отстаивают интересов подчиненных им обществ; вследствие этого последним приходится мириться с хроническими растратами и присвоениями их средств. Почти во всех селениях царит хаос в денежных счетах, и ни одно общество не обходится без дефицита, более или менее крупного, и без задолженности для удовлетворения своих мирских расходов и государственных податей.

В Кабарде, Ингушии, Чечне и на Кумыкской плоскости горцы судятся в так называемых «горских словесных судах», на основании временных правил о горских словесных судах, утвержденных 18 декабря 1870 года его императорским высочеством, бывшим наместником кавказским.

Применительно к обычному праву горцев, суд этот коллегиальный и состоит: из председательствующего, начальника округа или его помощника и депутатов от народа на правах членов суда (§§ 1—3 и 20 временных

правил), кандидатов к последним и кадия, дающего заключения по шариятскому праву о духовных завещаниях, о спорах наследников между собою и единолично разрешающего дела о расторжении браков. Подсудность же гражданская и уголовная горских судов равняется почти подсудности мировых судей, за небольшими исключениями.

Этот коллегиальный суд состоит, по §§ 5, 54—61 временных правил, в зависимости от начальника области; на решения суда поступают жалобы в порядке апелляционном к нему же, начальнику области; о кассационном порядке принесения жалоб нет никаких указаний во временных правилах, хотя фактически в продолжение долгой практики горских судов начальник области делается почти и кассационной инстанцией для них: отменяя весьма часто решения по апелляционным поводам, касающимся существа дела, он возвращает дело тому же составу горского словесного суда для нового разбора. Но для решений начальника области собственно кассационной инстанции не существует, хотя были примеры неоднократной отмены решений его главноначальствующим в порядке надзора. На правах членов горских судов туземное население должно посылать в эти суды своих выборных депутатов и духовного кадия. Но правильное производство выборов никакими гарантиями не обставляется и, как показала почти 30-летняя практика, выборы эти производятся под давлением начальника округа. Несомненно, что при такой неправильной постановке дела горские суды не могли завоевать себе должной авторитетности и не дали тех результатов, какие имелись в виду, хотя организация их на начале обычного права сама по себе очень симпатична и соответствует строю горской жизни.

ВЛАДИКАВКАЗСКИЕ ПИСЬМА

Я так давно не писал и так много интересного накопилось за это время, что меня даже затрудняет теперь вопрос, с чего начать свое письмо. Начать разве с самого Владикавказа? И то.

«13 июня в увеселительном саду «Сакартвело» начальник Владикавказского округа, подполковник Мищенко, помощник полицеймейстера штабс-капитан Погорелов и чиновники Шиманчевский и Крыницын проводили время до 3 часов полуночи, несмотря на то, что всякая торговля в трактирных заведениях по закону допускается до 11 часов вечера и в означенном саду разрешена только до 1 ч. ночи».

Так говорится в приказе начальника Терской области от 21 июня 1897 г. за № 151 (см. № 53 «Северного Кавказа»). Очень долго и много толковал об этой истории весь Владикавказ...

Над подобными фактами следовало бы призадуматься местным органам печати.

К величайшему сожалению, ни «Казбек», ни тем более «Терские ведомости» этим вопросом совершенно не занимаются. Да им и некогда. «Казбек», которого ошибочно называют «желторотым», с удивительной на-

стойчивостью занимался в последнее время избирательной агитацией, переполняя свои столбцы всевозможными докладами, письмами, телеграммами, адресами и т. п. «официальными» документами необыкновенно плодотворной деятельности проводимых им кандидатов. Особенно изумительна в этой агитации эпопея тюремных чтений, где газета с необыкновенной виртуозностью ухищрялась приписать своей креатуре все, что сделано было инициатором и первым устройтелем этих чтений В. Г. Шредерс. Агитация, впрочем, не удалась, потому, должно быть, что избиратель не воробей — на мякне его не проведешь, да и каждый владикавказский обыватель хорошо чувствовал запах зарытой где-то неподалеку кошки.

Что же касается «Терских ведомостей», то эта газета с каждым днем принимает все более и более нежелательный характер недоверия. а подчас и враждебного отношения к туземному краю.

Это проскальзывает во всех статьях, касающихся туземного населения области, не исключая даже беллетристических и поэтических произведений.

Вот как заканчивает, например, некий М. И. К-о свой якобы этнографический очерк «В гостях у кабардицев» в № 147 «Терских ведомостей» за 1896 г.

«Сколько грубости, дикости, невежества пришлось мне увидеть! Долго-долго еще придется бороться цивилизации с этой бездной мрака. И немало пройдет еще десятилетий, пока кабардинец научится ценить, отдавать достойную дань уважения *русской школе*, потому что только там он и может развиться, окрепнуть мыслью, ибо их школы, кроме толкования Корана, ничему больше не учат».

Не говоря уже о том, что этот очерк от начала до конца представляет из себя очень неумелый и грубый пересказ чего-то не то кем-то виденного, не то где-то слышанного, а потому, конечно, почти ничего общего не имеющего с действительностью, — посмотрите, какой логикой руководится его автор в своих выводах.

«Ухó (имя кабардинца) возил на базар в Прохладную пли в Нальчик дрова и произведения своего тощего огорода: лук, свеклу и т. д., на вырученные деньги кое-как сводил концы с концами. При этом разумеется, что приходилось ему с семьей питаться единственной кукурузой, поджаренной на огне, а то по целым дням и совсем ничего не есть.

Нелюбезно принял нас хозяин (Ухо), и все время, пока я находился в его сакле, он угрюмо стоял у низких дверей своего жилища, не проронив ни одного слова, и только когда я, собираясь уходить, подарил ему серебряную монетку, лицо его мгновенно осветилось какой-то застенчивой радостью, и улыбаясь, он протянул мне руку на прощанье.

Итак, чтобы снискать себе расположение кабардинца, необходимы деньги, подумал я. Личности для него не существует. У него все симпатии и чувства уважения сводятся к одному общему знаменателю — деньгам. Он в них видит не одно средство — необходимое в жизни, а, так сказать, утеху всей своей жизни.

Ну, не абсурд ли это? Старик-кабардинец «горемыка», которому с семьей зачастую приходится «совсем ничего не есть», «нелюбезно принял» своего гостя и пока последний «находился в его сакле, он угрюмо стоял у низких дверей своего жилища, не проронив ни одного слова».

Да что же должен был делать Ухо при появлении такой важной персоны, как г. К-о? Конечно, изысканно

предложить ему, если не по-французски, то, по крайней мере, словами Фамусова: «Снимите шляпу, сденьте шпагу, вот вам софа — раскиньтесь на покой» — и в довершение всего угостить его шампанским.

К прискорбию, ничего этого не сделал горемыка Ухо, потому что у него и обстановка в сакле «буквально нищенская» и поссть совсем нечего. Он только и мог, как туземец, проявить свое гостеприимство тем, что он, пока гость паходился в его сакле, угрюмо стоял у низких дверей своего жилища, не проронив ни одного слова... Почему Ухо угрюмо молчал — потому ли, что не имел возможности оказать пезнакомцу должного гостеприимства, или потому, что мало падеялся на получение от него серебряной монетки, — это вопросы, над которыми никогда, вероятно, не задумаются такие господа, как К-о. Конечно, Ухо поступил бы гораздо «благороднее», если бы швырнул в физиономию г. К-о его серебряную монетку, но старик к чести своей и здесь остался верным святым традициям кавказского гостеприимства: он скрыл обиду, нанесенную ему незнакомцем-гостем, и, застенчиво улыбаясь, даже протянул ему руку на прощанье.

А самообольщепный гость-«благотворитель» делает из этого вывод, что для кабардинца «личности не существует», что «у него все симпатии и чувства уважения сводятся к одному общему знаменателю — деньгам. Он в них видит не одно средство — необходимое к жизни, а, так сказать, утеху всей своей жизни!» И это все наделала серебряная монетка, которую автор грубо навязал несчастному старику-кабардинцу!

В № 133 той же газеты за тот же год какой-то пезвестный поэт, обливаясь крокодиловыми слезами, посвящает свое стихотворение кабардинскому народу. Приведу его целиком:

Как крот в норе, в судьбе злосчастной (!)

Твои сыны давно сидят

В дремоте жалкой, — безучастно

На просвещение глядят!

Твой дух воинственный и пылкий

Давно уж время пережил

И стал теперь в минуты жарки (?)

Как приведенье темных сил... (!)

Смотри, кругом прогресс науки

Творящим гением царит,

Твой ум заснул почти навеки,

Любовью к свету не горит...

Оставь мечты свои безумны

Вернуться к прошлой старине

И разговоры свои шумны

Стоять от русских в стороне!..

Тебя давно семьею близких

Считают русские сыны.

Отстань от всех привычек низких (?),

Что навевают злые сны...

Отдайся временно теченью

И слейся с русскою душой,

Стремись скорее к поученью,

И в нашей родине большой

Всегда найдешь пути широки

Для просвещения ума,

Когда уверуешь глубоко,

Что всем несчастьям корень — тьма!

Не правда ли, как трогательно!

Немало достается и осетинам, хотя все сообщения о них удивительно противоречивы. Газета их рекомендует то необыкновенно культурной нацией, сознавшей пользу образования и готовой совершенно «слиться с русской душой»... То она их причисляет к общему типу кавказских «дикарей-хищников», к которым не может привиться никакая культура.

Так, например, какой-то «Очевидец» в корреспонденции из сел. Ногкау (№ 68 за 1897 г.), подробно изложив историю инициативы, мотивов и способов

постройки в магометанском селении Ногкау церкви-школы, при описании пышного торжества закладки ее говорит, что когда магометанам-осетинам было предложено «по-своему помолиться богу о том, чтобы господь благословил и упрочил начатое у них дело церкви-школы», то «магометане сел. Ногкау тут же, став в ряд с муллою своим, сотворили по-своему молитву».

«Селение Ардон, — пишет другой корреспондент в № 64 «Терских ведомостей» за 1897 год, — *состоит из станицы и окружающих ее аулов*; первая населена, большею частью, неслужащими нижними чинами казачьего сословия, а последние — исключительно осетинами (православными и магометанами); селение это, в общем довольно обширное, расположено на плоскости, частью окруженной горами с многочисленными мелкими, грязными и зловонными речонками, вследствие чего почва земли, особенно в аулах, имеет болотистый характер, влияющий зловредно на здоровье не только приезжих, но и коренных его обитателей, щедро награждая их лихорадками, головными болями, инфлюэнцей, тифом, скарлатиной, корью и т. д.».

Вот поистине перл достоверности сведений о местностях, находящихся от редакции «Терских ведомостей» на целых 35 верст! «Селение Ардон состоит из станицы и окружающих ее аулов!» Но не в этом дело. Корреспондент очень озабочен устранением выделки противозаконного напитка «раки», в котором «чуть ли не 100% сивушного масла» и который служит «проводником к развитию болезней», но считает, однако, невозможным достижение этого, так как и производство и продажа «раки» происходят тайно и «если бы кому-либо и удалось накрыть этих контрабандистов-осетин, — то он рискует быть или избитым до увечья, или даже убитым».

Несчастливые акцизные чиновники, каково служить вам при таких условиях!

«Говоря короче, — продолжает корреспондент, — коренное население этого селения представляет собою олицетворенную лень, грубость и необузданность, никем и ничем не наказуемые, избегающие дела и грамотности более, чем какой-либо «злосчастной эпидемии», выражаясь: «что-де нам проку в вашей грамоте, па что она нам пужна?.. Вот «духан» или «рака» — нам нужнее, по-крайности можно и выпить и погулять, а гульбища мы любим».

«Проку мало нам в ученье,
Нет нам лучше просвещенья
Как за водкой!..
Эх, ардонец ты ленивый,
Не умом берешь, мой милый, —
Только глоткой!..»

Кого корреспондент называет коренным населением — казаков или осетин и кому он посвящает свое стихотворение, положительно нельзя понять. Зато он дальше говорит гораздо яснее.

«Весьма грустно и больно видеть, что в этом ауле помещается среднее 6-классное учебное заведение (миссионерская семинария), переделанное, неизвестно для какой цели, из «осетинского училища» и для кого?.. Неужели же для этих черствых осетин, которые занимаются исключительно торговлей кукурузой, продажей дров и выделкою «раки»?.. Едва ли... Что им может дать и сделать из этих дикарей среднее учебное заведение?.. Вопрос подлежит серьезной разработке, но пока только можно сожалеть, что это учебное заведение находится в этом ауле, было бы целесообразнее, если бы оно находилось в городе».

Вся эта непозволительная галиматья, конечно, не имела бы места в печати, если бы редакция «Терских ведомостей» более серьезно относилась к своим задачам. Смеем уверить г. Очевидца, что магометане сел. Ногкау «сотворили по-своему молитву» не о том, чтобы «господь благословил и укрепил начатое у них дело церкви-школы», а действительно, «став в ряд с муллою своим» по случаю рождения государя императора, горячо молились о здравии и долгоденствии обожаемого монарха.

Констатированием этой истины я несколько не хочу умалить склонности жителей Ногкау к просвещению, тем более, что они сами гораздо раньше, чем возникла мысль о постройке у них церкви-школы, ходатайствовали по инициативе отставного генерал-майора Цаликова об открытии у них субсидированной школы ведомства министерства народного просвещения. Ходатайство их, как нам достоверно известно, уважено и в настоящее время с отпуском ежегодной субсидии в 700 рублей.

Ввиду такого блестящего окончания их разумного ходатайства они теперь, наверное, вновь станут в ряд с муллою своим и «сотворят по-своему молитву» не только за то правительство, которое так отечески-заботливо относится к нуждам их просвещения, но действительно и о том, чтобы господь благословил и укрепил начатое у них дело народной школы. Говорить же о молитве магометан-осетин по случаю закладки в их селении церкви, по крайней мере, слишком преждевременно.

Другая крайность, в которую впадает газета, еще более неосновательна.

Сел. Ардоп (осетинское селение, а не казачья станица, окруженная аулами!) является редким исключе-

нием не только на Кавказе, как туземное поселение, но и во всей России по тому напряжению, какое оно сделало для целей народного образования. Насчитывая у себя всего 500 дворов, оно выстроило обширное 2-этажное здание и с усадьбой и садом в 3 десятины передало его в распоряжение «Общества восстановления христианства на Кавказе» с тем, чтобы «Общество» открыло в нем соответствующее учебное заведение и при приеме учащихся отдавало бы предпочтение детям ардонских осетин. Так возникло в Ардоне Александровское духовное училище, имевшее исключительной целью воспитывать детей-осетин в духе православия. Впоследствии училище это было преобразовано в миссионерскую семинарию, уже с комплектом учащихся наполовину обязательно русских и только наполовину осетин, число которых стало пополняться по конкурсу без какого бы то ни было преимущества для ардонцев. Когда же семинарии понадобилась и та комната, которую выговорили себе для сельской школы ардонцы, то последние, получив взамен ее от «Общества восстановления христианства» субсидию в 1200 руб., построили новое школьное здание на 200 человек учащихся. Кроме того, у них имеется довольно обширное помещение для девичьей школы. Все эти постройки с усадьбой, садом и участком лучшей земли в несколько десятин, отведенным в постоянное пользование семинарии, стоят много больше 20 000 рублей. Все это должно быть хорошо известно «Терским ведомостям», и потому нельзя не поражаться появлению в этой газете вздора, какой несет ее ардонский корреспондент.

Больше всего, однако, достается ингушам.

Вот что говорит, например, некий Антон Константинович Султанов в № 32 «Терских ведомостей» за текущий год, в статье «По поводу убийств».

«С наступлением ночи они (ингуши) из своих селений, окружающих Владикавказ, подползают в город поживиться достоянием трудящегося люда, лошадьми или рогатым скотом. Умственное развитие ингушей стоит на низкой степени и в силу этого вышесказанная склонность к хищничеству выработалась у них в культ молодечества и удалства; этим не исчерпывается проявление деятельности пресловутых джигитов — нет, в них рука об руку с любовью к чужой собственности замечается стремление пустить пулю в ближнего своего из-за угла, не разбирая ни пола, ни возраста».

На языке «Терских ведомостей» ингуши иначе не называются, как кандидатами на виселицу и хищниками. Прозвище это применяется поголовно ко всему племени, и преступник-ингуш не единолично является юридическим и нравственным ответчиком за свое преступление, а в совокупности со всеми, кто имеет несчастье быть членом не только одной с ним семьи и одного общества, но даже и одной нации.

Ты ингуш, значит — хищник, вор и убийца. Вообще, по мнению газеты, туземцы Кавказа если не все, то большею частью — «кандидаты на виселицу» и потому, конечно, церемониться с ними нечего.

Исходя из такого положения, газета зачастую предлагает весьма интересные меры насаждения в крае европейской культуры. О них-то я и поговорю в следующем письме.

ГОРСКИЕ ШТРАФНЫЕ СУММЫ

Под таким названием в конце 50-х годов в окружных управлениях Терской и Кубанской областей были образованы особые фонды из штрафных сумм, взыскиваемых административным порядком с туземцев за маловажные проступки. Суммы эти должны были расходоваться на нужды самого же туземного населения, и для большей целесообразности их расходования был учрежден контроль из представителей тех же туземцев. В какой степени осуществлялись благие намерения князя Барятинского, учредившего указанные фонды, — сказать трудно, за неимением подробных сведений. Основываясь только на известном судебном процессе бывшего начальника Баталпашинского уезда Кузовлева, можно с достоверностью сказать, что за время его управления уездом горские штрафные суммы Баталпашинского уезда (Эльбрусский округ) расходовались по единичному произволу и далеко не на нужды туземного населения. Ожидаемый в недалеком будущем еще более грандиозный судебный процесс, где в качестве обвиняемых будут фигурировать почти все чины бывшей владикавказской окружной администрации с г. Голубовым во главе, вероятно, также ясно обрисует движение горских штрафных сумм Владикавказского округа до времени предания суду его администрации.

Выяснится, вероятно, и теперешнее положение этих сумм благодаря внезапной ревизии, произведенной 13 августа прошлого года генералом Гунтусом в хозяйственном отделении того же округа, коей обнаружена довольно крупная растрата. Арестован пока только заведовавший этим отделением г. Крыницын и удален от должности начальника округа г. Мищенко. Вообще же нужно сказать, что ни в одном уезде или округе названных областей горские штрафные суммы не подвергались строгой отчетности и контролю за все время 40-летнего их существования. Особенно поразительным примером в этом отношении служит Нальчикский округ Терской области. Здесь и так называемые «кабардинские общественные суммы» имеют своим источником не только административные взимания в виде денежных штрафов, но и весь доход от 315 тыс. десятин общественной земли, высочайше дарованной в 1889 г. кабардинцам. Из этого количества земли 63 тыс. десятин покрыты превосходным (в начале) строевым лесом. Сообразно такому большому, сравнительно с другими округами, богатству и поступления в кабардинскую общественную кассу должны быть, конечно, несравненно больше и обильнее. К сожалению, до сих пор нет никаких данных, чтобы хоть приблизительно определить годовую цифру этих поступлений. Ее не знают даже сами кабардинцы, и не только народ, но и отдельные его представители, так называемые «доверенные», не имеют ни малейшего представления о действительном положении общественной кассы. Это тем более удивительно, что кабардинцам, не в пример другим народностям Кавказа, разрешено прислать в Нальчик своих доверенных для обсуждения под председательством начальника округа общественных дел и нужд и, вместе с тем, для заслу-

шания казначейских отчетов, проверки кассы и утверждения новых мест на текущие и предстоящие расходы. Эта ненормальность станет понятной, если принять во внимание, что все так называемые народные представители — люди поголовно безграмотные, и попадают они на эту должность не по выбору, а по административному назначению, что заседания происходят при закрытых дверях и все участие «представителей» в совещаниях и проверке кассы ограничивается приложением их именных *мухуров* (печатей) к документам (если они имеются), совершенно не доступным их пониманию. Надо добавить еще, что общественный казначей состоит вместе с тем и общественным лесничим и заведывающим эксплуатацией всех «свободных» общественных земель, в том числе и упомянутого колоссального участка в 315 тысяч десятин.

Беспощадное хищническое истребление леса, беспорядочные распределение и сдача покосов и пастбищ в аренду, оставление «за неимением средств» без последствия многих общественных приговоров с ходатайствами об открытии в кабардинских аулах школ и других настоятельно необходимых учреждений и рядом с этим отсутствие какого бы то ни было заметного и целесообразного расхода на народные нужды — не могли не породить в лучшей части кабардинского общества стремления выяснить истинное положение народного хозяйства и принять меры к его наиболее правильному ведению. Все попытки в этом направлении оставались, однако, до последнего времени тщетными, а порой обходились и не без дурных последствий для их участников.

Только весной прошлого года все кабардинское общество обратилось к своим членам, трем генералам —

Шибшену, Алтадукову и Джамбекову, с просьбой взять на себя труд по ходатайству от его имени о предоставлении ему возможности проверить свою кассу и урегулировать свое хозяйство.

Ходатайство генералов закончилось успехом. От 4-го декабря прошлого, 1897 года за № 20 675 было получено предписание командующего войсками Кавказского военного округа на имя начальника Терской области, служащее ответом на это ходатайство.

В силу этого предписания, по кабардинскому общественному лесничеству соединение должностей общественного казначея и общественного лесничего в одном лице не должно быть допускаемо на будущее время. Признано также необходимым принять безотлагательные меры, чтобы заведование кабардинскими лесами было установлено во всех отношениях на началах, принятых в казенных лесничествах. Далее, для упорядочения дела по эксплуатации запасных кабардинских земель, с целью увеличения их доходности, предписано приступить к пересмотру правил об этих землях. По приходу и расходу кабардинских общественных сумм предписано восстановить во всем объеме ныне действующие правила об этих суммах, утвержденные кн. Барятинским, а для обревизования правильности прихода и расхода общественных сумм за последнее время назначить комиссию.

Остается только пожелать, чтобы это предписание как можно скорее было приведено в исполнение. Было бы также очень желательно, чтобы действия его не ограничились одним только Нальчикским округом, а коснулись бы и других округов и уездов как Терской, так и Кубанской областей.

НЕУРЯДИЦЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

I

Уже несколько лет в обществе и в печати циркулируют известия, свидетельствующие о каком-то странном и, во всяком случае, далеко не нормальном положении вещей на Кавказе, населенном многочисленными кавказскими племенами и управляемом, как известно, полувоенной администрацией. За последний год разного рода слухи и известия, — иной раз весьма печального свойства, — не только не прекращаются, а, напротив, усиливаются и на интересующуюся делами Кавказа публику производят впечатление кошмара, в котором никак нельзя разобраться. Не только чувствуешь, а можно сказать, даже 'осязаешь' какие-то угнетающие явления, волнующие всю обширную территорию Кавказа; но в то же время не видишь света; картину окутывает густой мрак, сквозь который нет возможности разглядеть с достаточной ясностью те вызывающие кошмар факты, которые, точно туманные призраки, постоянно проносятся на панораме обширного и далекого края. В прошлом году в газетах были напечатаны заимствованные из официальных «Терских ведомостей»

известия о том, что терская администрация, в видах прекращения каких-то изумительных разбоев и грабежей, приказала не выпускать во Владикавказе после солнечного заката туземцев из их жилищ, дав право полиции арестовывать каждого туземца, который вздумает ночью появиться на улицах злосчастного города. К этим известиям прибавляли, что для усиления местной полиции привлекаются целыми селениями конные стражники. Рядом с этим в кавказских, а затем и в столичных газетах были помещены известия, что 6000 семейств, т. е. около 30 000 человек туземного мусульманского населения решили выселиться с Кавказа в Турцию и в этом смысле возбудили ходатайство перед султаном и что в то же время сектанты-духоборы получили разрешение русских властей навсегда эмигрировать... Если мы ограничимся только приведенными известиями и слухами, то и в таком случае будем иметь полное основание подозревать, что на воспитом нашими знаменитыми поэтами, Пушкиным и Лермонтовым, Кавказе дело весьма далеко от того положения, которое в официальных донесениях обыкновенно резюмируется фразой: «Всё обстоит благополучно».

К сожалению, с Кавказа доходят до нас только сжатые и отрывочные известия о самых фактах тамошних ненормальностей, но о причине их мы, говоря по правде, почти ничего не знаем, а если кое-что и знаем, то как-то загадочно, туманно, и во всяком случае, одно-сторонне. Мы слышим пока одну сторону, а другой стороны совсем не слышим. Быть может, она что-нибудь и говорит; быть может, она и силится что-нибудь нам объяснить, но отзвуки оттуда остаются «гласом вопиющего в пустыне».

По всем версиям, доходящим к нам с Кавказа и пропущенным сквозь официальную призму, оказыва-

ется, что во всей сумятице, бесспорно совершающейся теперь на Кавказе, виновны единственно и исключительно полудикие, недисциплинированные туземные племена, упорно противящиеся приобщению их к все-русской цивилизации. Из патриотизма мы искренно желали бы, чтобы это объяснение соответствовало истине, но... но мы позволяем себе думать, что существуют и другие объяснения происходящих пыне на Кавказе ненормальностей. Отказавшись от напеваемых там толкований, возьмем жалобы местностей, возьмем на себя труд *sine ira* обрисовать положение дел на Кавказе, а это приводит к любопытным выводам, которыми мы и поделимся с людьми, интересующимися судьбами обширного, богатого, благословенного богом и русским оружием дарованного нам края. Для краткости ограничимся пока только Северным Кавказом и, главным образом, Терской областью.

II

В то время, когда народы Закавказья владели свое рабское существование под деспотическим гнетом всевозможных царей, султанов, ханов, беков и князей, туземцы Северного Кавказа: осетины, чеченцы, ингуши, аварцы, абазинцы, кабардинцы, закубанские черкесы и т. д. в продолжение многих столетий, вплоть до водворения там русской власти, пользовались полнейшей свободой. Занимая строго определенные территориальные районы по северному склону кавказского водораздела, — от Каспийского почти до Азовского моря, — все перечисленные народности никогда не были ни в каком подчинении не только друг у друга, но даже и у знаменитых в свое время, могущественных монголо-татарских

завоевателей, вторгавшихся в пределы Северного Кавказа. Правда, невероятная сила последних, после долгой и упорной борьбы, выпуждала туземцев временами бросать свои роскошные равнины и замыкаться в тесных ущельях гор, но эта же «теснота» спасала их и от «обиды»: они избавлялись не только от позорного рабства и данничества, но и от тлетворного влияния своих врагов. Напротив, постоянные набеги храбрых и подвижных горцев, причиняя неисчислимые неудобства оседавшим на их равнинах монголо-татарским завоевателям, очень скоро заставляли последних переносить свои станы и кочевки подальше от гор и более слабую их часть попадать к ним даже в холопы, слуги и данники, а в лучшем случае искать с ними сближения и оставаться на их землях в качестве арендаторов или покровительствуемых гостей. Несомненность этого явления наглядно доказывается остатками монголо-татар и киргизоногайцев, рассеянных по Кубанской, Терской и частью Дагестанской областям и находившихся до освобождения крестьян при Александре II в той или другой зависимости от разных фамилий чисто туземного происхождения. Кроме того, ни одно из перечисленных выше кавказских племен никогда не имело над собой единолично распоряжающейся всем народом власти. Каждое из них, согласно занимаемой местности, распадалось на отдельные, зачастую очень резко обособленные общества, с тем или другим количеством аулов разной величины и населенности. В свою очередь и эти общества, каждое в отдельности, никогда не знали над собой единичной власти. Не было ее, в строгом смысле слова, даже в отдельных аулах. Даже в горах, где ценность земли превышает всякую вероятность, только пахотные участки земли составляли неприкосновенную собственность отдельных семейств, — леса

же, луга и пастбища принадлежали целым обществам или непременно фамплиям. А на плоскостях, в равнинах, земли были в полном смысле слова общинными. Таким образом, и имущественная зависимость народной массы от небольшого числа землевладельцев, как это было, например, в России или Грузии, среди туземцев Северного Кавказа не имела места; о единоличном же произволе над нею и говорить нечего... Даже в Кабарде, где сословная рознь нашла наиболее благоприятную почву, народ никогда не был ни в личной, ни в имущественной зависимости от своих так называемых князей. Все преимущество последних состояло в их предводительстве толпой в набегах или обороне, а затем, конечно, и в львиной доле при дележе добычи, благодаря чему они располагали большим имуществом в виде построек, оружия, домашней утвари, лошадей, крупного и мелкого скота. Дети их наложниц, приемыши, беглецы, укрывавшиеся у них от преследования кровников, или даже просто любители кормиться остатками богатого стола и одеваться в старье с «княжеского» плеча, — составляли обыкновенно их даровую рабочую силу и прислугу, но при неотъемлемом праве оставлять своих «господ» во всякое время. Таким образом, в Кабарде собственно население было свободно от господства единоличной власти. Выработанные веками народные традиции, «адат» и обычное право — вот единственные факторы, которые господствовали и управляли свободными племенами Северного Кавказа, представлявшими собою не правовое государство с властями во главе, а общинное товарищество, управлявшееся лишь обычным правом и выборными лучшими лицами их товарищества. Общинные и народные вопросы всегда решались собранием родовых и общинных представителей, избираемых всегда заново для

каждого случая. При этом все члены таких совещаний пользовались одинаковым правом голоса и на решение вопроса имели преобладающее влияние лишь их опытность, мудрость и красноречие, а не родовитость и происхождение. Одним словом, никогда и нигде среди туземцев Северного Кавказа не было произвола над массой. Выработанные, таким образом, длинным рядом поколений, на исключительной почве свободы, социальные идеалы и верования залегли в таких глубоких тайниках духовной самобытности туземцев, что ее по существу совершенно еще не коснулись ни магометанство, ни даже христианство, несмотря на очень давнее их проникновение на Северный Кавказ.

Вот в общих чертах те особенности строя, с которым пришлось иметь дело русскому правительству с самого начала борьбы за край. Здесь надо было покорить в отдельности не только всякое племя, но и каждую общину, а зачастую и просто фамилию, засевшую где-нибудь на неприступной скале. Здесь каждая община, каждая фамилия в отдельности представляли самостоятельную политическую единицу и имели право располагать своею судьбою по своему усмотрению. Не подлежит поэтому ни малейшему сомнению, что режим, установившийся на Северном Кавказе после его покорения, с первых же шагов пошел совершенно вразрез с духовно-социальным строем туземцев, во всех его разнообразных проявлениях, — до самых пустых мелочей включительно. Новые владельцы Северного Кавказа, к сожалению, не вполне поняли правовые и бытовые особенности завоеванных племен и решили сразу применить к ним такие государственные нормы, к восприятию которых они решительно не были подготовлены предшествовавшей своей историей. На независимого, свободолюбивого, храброго и воинственного ту-

земца решили, без всякой предварительной подготовки, наложить бремя, о котором он ранее не имел ни малейшего понятия. Это и послужило одной из главнейших причин несогласий, установившихся между победителями и побежденными и продолжающихся, увы! до сего дня.

III

Наивные туземцы в первые годы после покорения края не теряли надежды если не вполне вернуть свою свободу, то, по крайней мере, сохранить свою духовно-нравственную самобытность, и потому каждое мероприятие русской власти, направленное против таковой, они встречали с большим неудовольствием (не исключая даже приема на казенный счет в кадетские корпуса и гимназии детей «влиятельных» лиц из их среды), усматривая в этом стремление к их обрусению.

Чувство северных кавказцев возмущалось тем, что правительство предоставляло разного рода льготы и отличия тем из туземцев, которые мирились с правительством и шли добровольно к нему на службу. И нужно сказать правду, что последние послужили немало-таки несогласию, существующему теперь на Северном Кавказе между туземцами и русской властью.

Оно и понятно: посредничество этих «благонадежных» и «влиятельных» лиц систематически вводило последнюю в более или менее крупные ошибки, которыми недобросовестные из этих посредников пользовались для своих честолюбивых и корыстных целей. Потеряв уважение единоплеменников, они не останавливались ни пред чем, чтобы заставить их трепетать перед своим могуществом, и действительно достигали поразительных результатов. Все добровольные и принужденные

единоличные и массовые выселения туземцев в Турцию, в Россию и в Сибирь были последствием самых нелепых доносов, тайной и открытой агитации этих «отщепенцев», которые пользовались народным добром, наследуя земли и имущества высылаемых по их наущениям. Чтобы составить себе ясное понятие о том кавказском типе, который туземцами называется «изменником» и который, вертясь между русской администрацией и туземцами и служа первой ябедничеством, а в отношении туземцев являясь «provокатором», нужно только познакомиться с процессом некоего Хоранова, имевшим место осенью прошлого года во Владикавказском окружном суде и отчет о котором помещен в № 243 «Тифлиссского листка». Это — яркий тип местного смутьяна, действующего в целях личной корысти, возможность появления которого обуславливается именно ненормальностью существующих отношений. Втираясь посредником во всех сношениях туземцев со всеми государственными судебно-административными учреждениями, эти «отщепенцы» развили в крае мздоимство в свою пользу до таких невероятных размеров, что никакой туземец и слышать теперь не хочет, чтобы по русским законам можно было решить правильно даже самое пустое дело. Взятки получают ими (якобы для передачи русским властям) и с правых, и с виноватых, а при недовольстве туземцев исходом вверенного им дела вся вина сваливается, конечно, на русское должностное лицо, которое и рекомендуется ими туземцам или дураком, или очень злым на то, что ему мало дали...

Кроме присущего всякому человеку антагонизма, какой он может питать к врагу, кроме ложного представления о русской власти и правосудии, какое составляли себе туземцы, благодаря ненавистному для туземцев посредничеству презираемых ими их же земля-

ков, большое количество недоразумений и преступлений на Северном Кавказе, в первое время после завоевания его, да и теперь, обуславливается еще тем, что казачьи станицы поселены вперемежку с плоскостными аулами туземцев. Нескончаемые столкновения из-за межи, потравы, порубки и прочего не только не убивают чувства неприязни между только что рознятыми врагами, а напротив, с каждым днем усиливают их взаимную ненависть.

Ни один честный казак не станет отрицать, что охота на «гололобых собак» до самого последнего времени считалась у казаков очень занятным развлечением. И действительно, они их были везде, при всяком удобном случае, — не только в дороге, в лесу и в степи, но и у себя в станицах, ночью, в сумерках и даже днем, на глазах у собравшейся на даровое зрелище толпы. «Кто убил?» — «Не знаем... Должно, лез воровать, — вот его и подстрелили»... Этим кончалось обыкновенно судебно-полицейское дознание о «мертвом теле», найденном в навозе или в луже и вырытом какой-нибудь Агашкиной свиньей. Всякое воровство, всякая пропажа — от лошадей и быков до арбуза и кочана капусты — все взваливалось на туземцев: никому не стало житья от этих «голодных азиатов», «проклятых нехристей», «гололобых собак»... Это озлобление против туземцев с особенной яростью проявлялось в Терской области, где туземные и казачьи поселения перемешаны более беспорядочно и где земельные наделы казаков и по количеству, и по качеству далеко оставляют за собой наделы туземцев.

Само собой разумеется, что и туземцы всячески старались и стараются не оставаться в долгу и подчас жестоко мстят русскому населению. Но какая разница в положении сторон!

О наказаниях, которым подвергались туземцы до окончательного их «замирения», страшно и вспомнить. Да не о них и речь. Преступление, за которое туземца прогоняли сквозь строй, ссылали в Сибирь или просто-таки расстреливали домашним порядком, казаку или вовсе сходило с рук, или ограничивалось дисциплинарным взысканием. Практиковалось это уже после «замирения» и не так еще давно. Но минула и эта пора... На Кавказ стали проникать вести о новых реформах, появились пионеры европейской культуры, стали открываться школы, освободили крестьян, отменили телесное наказание, завели суд, скорый, правый и милостивый... Казалось, вот самый достойный, самый верный и кратчайший путь к приобщению к благам культуры туземцев и к духовному слиянию их с нашей общей родиной. «Но то был сон».

Для возможно большей краткости мы укажем только на то, что, параллельно реформам Александра II и их широкому применению по всей России, предпринималось по отношению туземцев одной только Терской области.

Вскоре после оставления поста начальника Терской области графом Лорис-Меликовым, который, надо отдать ему полную справедливость, умел достичь в короткое время весьма значительных результатов в упорядочении дела народного управления, были изданы особые постановления для охраны имущества прожи-

* Не успели мы закончить свою статью, как в № 41 «Терских ведомостей» появилось уже «опровержение» «неизвестного публициста» Г. В., но прежде, чем отвечать ему, мы будем продолжать свою «печальную повесть».

вающих в области русских от хищничества туземцев. Согласно этим постановлениям, жители всякого аула, в пределы юрта которого будут введены следы, взятые с места происшествия, должны или вывести эти следы за свои границы, или выдать преступника, или уплатить стоимость украденного имущества.

Всякий, кто сколько-нибудь знаком с процедурой «ведения следов», не может не подтвердить, какой это крайне ненадежный способ пахождения действительного места укрывательства похищенного имущества. А в крае, где, благодаря широкой постановке скотоводства и обилия лошадей, не только улицы, дороги, мосты и переправы, но и вся степь помята копытами всевозможных сортов и по всевозможным направлениям, — ненадежность этой «индейской науки» становится еще более очевидной. На протяжении первых же 3—5 верст могут найтись тысячи примет, способных вызвать отклонение от действительных следов грабителей и их добычи. А так как с каждой минутой «свежесть» преступных следов быстро теряется под последующими следами движущихся по улицам, дорогам и выгонам двуногих и четвероногих, то, даже и при верности взятого первоначально направления и правильном доведении следов до выгона соседнего поселения, не может уже быть речи о возможности вывести их из последнего, хотя бы воры и на самом деле пересекли его одним только часом раньше прибытия погони. Да если уже это и вправду так легко, то почему следы никогда не доводятся до самого того порога, за которым скрывается преступник? И если, наконец, даже допустить, что следы преступления действительно укрылись в данном поселении, то разве все-таки возможно требовать от жителей, чтобы они знали каждый шаг каждого своего односельца? Будь это небольшой хуторок или даже аул, население

которого состоит из близких между собою родственников, такое требование имело бы еще хоть какое-нибудь основание, но предъявлять его к селению в 200—300 дворов крайне нецелесообразно и несправедливо. Тем не менее, нам известны аулы, где годовая сумма платежей «за следы» доходит до 25—30 и более рублей с *дыма*, при безусловно равномерной раскладке их между богатыми и бедными, между действительными, быть может, ворами и вдовами с кучей голодных малолетних детей! А как производится самое взыскание штрафов за «следы», как зачастую у несчастной семьи отбирается последняя коровенка, арба, котелок, а иногда даже «священная» цепь над очагом, — это все мы оставляем на совести ревностных сельских старшин, которым поручается сбор штрафов, — помимо судебных учреждений, просто по одному административному приказанию.

Порядок назначения старшин, несомненно, во многом способствует безуспешности борьбы их с преступлением. Общество, лишенное права выбора из своей среды заведомо достойнейшего занять эту ответственную и весьма серьезную в жизни сельского населения должность, считает себя нравственно свободным от всякого содействия успешности мероприятий старшины, ставшего над ним по «постороннему» назначению. Безразличное отношение к нему переходит обыкновенно в неприязнь, если старшина к тому же не коренной житель подчиненного ему селения, прямо во вражду, если он другой национальности и бесцеремонно третнрует духовно-национальные особенности и традиции подведомственных его власти туземцев.

Легко себе представить, каким авторитетом пользуются в туземных аулах старшины из казачьих урядников, в большинстве случаев постоянно пьяные, грубые

в действиях и омерзительно непристойные в выражениях... Не следует при этом еще забывать и то, что старшины, назначавшиеся прежде по выбору, ограничивались жалованьем в 150—200—300 р., а теперь назначаемым администрацией старшинам обществу приходится платить 500—600 руб. при квартире с отоплением, освещением и прислугой.

Заведенный в 1882 году порядок передачи «особо важных» дел, где в качестве обвиняемых фигурируют туземцы, на рассмотрение военно-полевому суду также ни в каком случае нельзя признать скорее достигающим правительственной цели, нежели рассмотрение их в общесудебных учреждениях. Всякий казненный разбойник, какой бы отвратительной репутацией он при жизни ни пользовался среди туземцев, попадая на виселицу, тотчас же в их глазах становится жертвой или мучеником, а более «благородные» абреки навсегда остаются в памяти народа и в песнях, прославляющих их «геройские» подвиги: позорная казнь становится ореолом подвижничества и актом триумфа. А возможность судебной ошибки?

Если даже наши суды присяжных, где подсудимый так широко и всесторонне гарантируется от незаслуженной кары, впадают зачастую в значительные ошибки, исправляемые (всегда ли?) благодаря только существованию последующих контрольных инстанций, то почему непозволительно усомниться в непогрешимости военно-полевого суда, роковую ошибку которого невозможно исправить никогда и ничем?

На Кавказе, при малом распространении государственного языка и изумительно плохой постановке дела предварительного дознания и судебного следствия, судебные ошибки возможны на каждом шагу. Приме-

ров — бесконечное множество. В практике же военно-полевого суда нам известно одно дело, где обвинение было построено: а) на «ссохшихся» сапогах, оказавшихся при экспертизе на суде не соответствующими той мерке, которая была снята со следов на месте преступления; б) на белой костяной запонке совершенно другой формы, чем найденная на месте преступления (круглая и четырехугольная); в) на грязно-желтоватых пятнах старого заплатанного бешмета, как на «вероятных следах крови», а по объяснению подсудимого — просто масляной краски, которою он красил забор владикавказского ремесленного училища, что подтвердил и смотритель училища как один из главных свидетелей процесса; г) на ржавчине кинжала, которая медицинским отделением терского областного правления была признана за «следы крови млекопитающегося», отчего, надо заметить, не гарантировал ни один кинжал в туземном обиходе при частом убое животных, поступающих в пищу, и е) на опровержении alibi подсудимого тем, что он, как туземец(!), мог с 11—12 часов вечера пробежать к месту преступления пешком 25 верст и перерезать семью в пять душ, в то время когда глава ее, «вероятно», отправлялся уже на базар (в 4—5 часов утра), и затем опять пробежать те же 25 верст обратно домой к 6—7 часам утра, т. е. сделать ночью, пешком в продолжение 7 часов 50 верст, больше чем наполовину по отвратительнейшей горной тропе с невообразимыми подъемами, не говоря уже о времени, какое могло понадобиться на месте совершения преступления. И, несмотря на то, что *в деле не оказалось ни одной прямой улики, суд, по совокупности всех косвенных улик, признал подсудимого виновным и приговорил к смертной казни* через повешение. И он, действительно, был повешен при огромном сте-

чении народа в 2—3 верстах от Владикавказа... С тех пор по всем уголкам Северного Кавказа с имением казенного Капрора таинственно бродит мрачный призрак бесправия и беззакония на земле...

V

Но что все это в сравнении с экзекуцией! В то время, когда «мертвые тела» туземцев, «усматриваемые» в юртах, а то и просто на улицах и площадях казачьих станиц, остаются для последних без всякого последствия, каждое «мертвое тело» казака вырастает обыкновенно в экзекуцию для того туземного населения, в юрте которого оно усмотрено, будь это хоть на самой проезжей дороге. Сначала, чтобы дать делу законный «вид и толк», туземцам предлагается выдать преступника, а когда они «не пожелают» сделать этого, то в аул присылается рота солдат, эскадрон драгун или сотня казаков, а то и больше, смотря по величине аула. «Гости» располагаются, как у себя дома, и, получая все свое продовольствие от «хозяев» даром, конечно, не отказывают себе в возможно лучшем его качестве и обилии. Если самое обыкновенное квартирование войск в деревнях редко когда не сопровождается нравственной грязью, духовным растлением и множеством обид и оскорблений, то надо себе представить, что делается в ауле, где «по приказанию командира гуляет» рота солдат или сотня казаков, «чтобы, значит, гололобому нехристю неповадно было бунтовать». Если у самой заурядной, благополучно обставленной туземной семьи всего годового заработка и запасов зачастую хватает только на то, чтобы еле-еле сводить концы с концами, то нетрудно понять, до какого безвыходного положения, отчаяния и ужаса бывает доведена большая часть

населения того аула, где экзекуция стоит месяц, два, а иногда и больше... В этом поголовном разорении сотен и тысяч или в чем неповинных семейств из-за одного подозрения, что в их среде скрывается несколько негодяев, может истощиться не только туземное, но и истинно христианское многотерпение... А если отыскиваемый преступник никогда и не был в разоренном ауле? А если действительно в ауле никто не знает, кто именно совершил данное преступление, хотя бы и в самом деле не подлежало сомнению, что преступление совершено непременно кем-либо из этого аула? Надо только на одну секунду допустить возможность такой ошибки, чтобы понять жестокость этого мероприятия! Для примера достаточно вспомнить не особенно давний случай с балкарским селением Нальчикского округа после гибели известного английского альпиниста с его проводником, кажется, швейцарцем, при переходе их через главный Кавказский хребет. Небольшое селение было заподозрено в укрывательстве предполагаемых убийц иностранцев и подверглось строжайшей экзекуции... И только, когда специально для этого снаряженная английская экспедиция отыскала в расселине одного ледника трупы несчастных альпинистов, удостоверила через главное кавказское управление, что нет ни малейшего намека, чтобы последние могли стать жертвою преступления, с балкарцев была снята опала. Но это было уже после того, как они выдержали *четыремесячную* экзекуцию...

VI

С особенной энергией эти меры применяются в Терской области за последние 7—8 лет. Параллельно с ними с необычайной силой росла и административная вы-

сылка. Опубликованные 20 декабря 1895 года временные меры об изменении узаконений административной высылки, как известно, ограничили исключительные полномочия административных властей тем, что «местные власти, убедясь в необходимости удалить из подчиненной их ведению местности порочное в том или другом отношении лицо, делают о том представление г. министру внутренних дел с подробным изложением мотивов, вызывающих его».

На Кавказе это ограничение существовало гораздо раньше, только в иной форме. «В случае значительного в той или другой местности Кавказа усиления следующих преступлений: сопротивления правительственным властям, убийств, разбоев, грабежей, скотокрадства и притонодержательства — главноначальствующему предоставляется тех, принадлежащих к туземному населению лиц, которые, по имеющимся у местной административной власти достоверным сведениям об участии их в означенных преступных действиях, оказываются вредными для общественного порядка и безопасности, удалять в избранную для сего местность в пределах Кавказского края, с воспрещением всякой из нее отлучки в течение определенного срока, не свыше, однако, пяти лет, а также высылать из края, на такой же срок, на жительство в места, которые будут назначены для сего министром внутренних дел. Та и другая мера приводится в исполнение не иначе, как по предварительному рассмотрению каждого вызывающего применение оной случая в совете главноначальствующего (ст. 26 учрежд. управл. Кавказского края, т. II, изд. 1892 г.). Вышеизложенные, принадлежащие главноначальствующему «чрезвычайные права и полномочия, предоставленные ему по личному доверию верховной власти, не могут быть передаваемы не только началь-

никам областей или губернаторам, но даже, как видно из ст. 29 учрежд. управл. Кавказского края, и помощнику главноначальствующего» (указ правительствующего сената 14 июня 1896 г. № 19 761).

Между тем, директор канцелярии главноначальствующего на Кавказе, в отзыве от 6 августа 1883 года, сообщил начальнику Терской области, что «главноначальствующий признаёт практиковавшуюся до того меру переселения горцев, в видах обуздания их порочных и хищнических склонностей, из одного округа в другой в пределах области, временно, впредь до исправления поведения или прекращения причин, вызывавших удаление таких лиц из сельского общества, вполне целесообразною и полезною и поэтому *предоставляет начальнику области* и на будущее время применять в необходимых случаях означенную меру собственною властью, с донесением о том каждый раз главноначальствующему для испрошения утверждения сделанного распоряжения» (тот же указ правительствующего сената).

Казалось бы, что по смыслу этому туземец, переселенный «в необходимых случаях» из одного округа в другой, «временно, впредь до исправления поведения», подвергается, собственно говоря, не какой-либо строгой каре, а, напротив, заботливо, для ослабления дурного влияния на него данной среды, переводится в такую обстановку, где он найдет разумное применение своим способностям и силам, быстро перевоспитается и делается полезным членом общества.

Насколько эти соображения руководили администрацией Терской области, видно по острову Чечень, куда с «воспитательной» целью ссылаются туземцы со всей Терской области. По описанию газеты «Северный Кавказ», остров Чечень находится в Кизлярском отделе, в 90 верстах от Кизляра и в 23—25 верстах от мате-

рика. Окружность его не превышает 30 верст. Почва — песчаная, с большою примесью ракушек и с самой жалкой, какую только можно себе представить, растительностью. Климат — убийственно лихорадочный; на всем острове нет и признаков пресной воды.

В зимние месяцы остров совершенно отрезан от мира, и только с наступлением весны и с освобождением пролива от льдин с ним восстанавливается сообщение. Вся провизия и вообще предметы потребления доставляются с материка.

Казармы, выстроенные для «переселенцев» на острове, рассчитаны на 100 человек, но в них обыкновенно содержится до 150 и более. Жизнь, какую им приходится здесь вести, не поддается описанию. Лишенные на целую зиму воздуха, тепла и света, питаются круглый год самой отвратительной пищей, не имея глотка пресной воды, им никогда не позволяют отлучиться из казармы, не позволяют заниматься, наряду с промысловыми крестьянами, рыбной и тюленевой охотой, словом, лишают их всякой возможности применения даже мышечной силы, не говоря уже о каком бы то ни было духовно-нравственном усовершенствовании.

Вот в какие палестины попадает туземец, отрываемый от дорогой ему родины, полной чарующих красот, с пышной растительностью, чистой студеной водой и здоровым горным воздухом.

Напрасно бы мы искали между этими переселенцами лиц, проступки которых можно было бы подвести под вышеуказанную статью 26 учрежд. управл. Кавказского края — ничего похожего! По словам той же газеты, «туземец» перемещается не за профессиональное воровство, грабежи, ростовщичество или неуживчивый буйный характер, нет! — в громадном большинстве

случаев перемещаемые — натуры недюжинные, честные, правдивые и уважаемые обществом; чем их влияние на общество больше, тем они скорее попадают в немилость, и уже ни возраст, ни семейное их положение, ни коллективная просьба общества не спасают их от «перемещения». Простого столкновения со старшиной из-за вымогаемого последним «общественного» ли приговора или какого-либо другого действия, идущего в ущерб общественным интересам, достаточно, чтобы попасть на Чечень. «Бунтовщика», тотчас же по донесении старшины, требуют в округ, «делают разнос», сажают в тюрьму и затем, без предварительного следствия и суда, записывают к отправке на остров с ближайшим эшелонем таких же «переселенцев». Зачастую он даже не знает, за что его ссылают.

Некий С. Сикоев был сослан на Чечень только за то, что брат его, приговоренный к каторге убийца, бежал из владикавказской тюрьмы и скрылся неизвестно куда. После долгого пребывания на острове, изнуренный лихорадкой С. Сикоев, возвращаясь на материк, утонул с 3—4 товарищами в проливе, оставив старуху-мать с малолетним братом без всяких средств к существованию.

Срок ссылки назначается произвольно, от одного года до четырех и более лет. По прибытии на остров, в первый же месяц мощный и подвижной туземец бледнеет, осыпывается, впадает в тупое равнодушие, заболевает злокачественной лихорадкой, которая, за полнейшим отсутствием даже самой элементарной медицинской помощи, с поразительной быстротой истощая организм, в несколько месяцев доводит его до полного разрушения; нет почти случая, чтобы кто-нибудь выдержал четырех- и даже трехгодичный курс этой излюбленной местною администрацией школы перевос-

питания туземцев. Вот почему перемещаемых на остров Чечень «беспокойных» туземцев есть полное основание назвать «заживо погребенными» («Северный Кавказ»). И за это «удовольствие» с каждого из них взимается еще по 40 руб. в год на харчи!

VII

Много ли сделала администрация Терской области в смысле просвещения туземного населения, в смысле приведения его к началам гуманности, приобщения к общечеловеческой культуре и улучшения его экономического благосостояния, одним словом, для широкого развития в крае всего того, что составляет постоянную заботу нашего правительства, пекущегося одинаково горячо о всех своих подданных?

Категорический ответ на этот вопрос мы находим, к величайшему удивлению, в «Терских областных ведомостях», в органе местной администрации, в газете, которая в обычное время рекомендует туземцев не иначе, как «кандидатами на виселицу».

«Следует ни на минуту не упускать из виду, — заявляет газета, — доверчиво обращенного на нас восприимчивого взгляда здешнего туземца, жаждущего перенять от нас все доброе, хорошее по содержанию, а не по форме только, хотя последней многие бездарности отдают предпочтение. Между тем, если мы с этой точки зрения окинем цивилизаторскую деятельность наших предков, дедов и отцов, то, положив руку на сердце, должны беспристрастно сознаться во всеуслышание, что вообще немного, к сожалению, ими сделано в этом отношении» («Терские ведомости», № 71, 23 июня 1896 г.).

И действительно, так немного, что меньше уж нельзя! На всю Чечню, Ингушетию, Кабарду и Балкарию (с населением свыше полумиллиона душ) имеются всего три горские школы, открытые еще при кн. Бяратинском в Грозном, Назрани и Нальчике. Школы эти, хотя и содержатся, главным образом, за счет «горских штрафных сумм» (см. № 73 «Сын отечества» за прошлый год), но в них иногда больше чем наполовину учатся дети русских слобожан, мещан и мелких служащих по народному управлению.

Осетины, только благодаря заботам «Общества восстановления православия на Кавказе», в этом отношении обставлены несколько лучше. Этот факт достаточно красноречиво характеризует, какое значение придает местная администрация системе воздействия на туземцев культурно-просветительными мерами. В то же время нам известны случаи, когда она не разрешила интеллигентным туземцам открыть даже на свои средства частные школы в аулах. Больше того, она в 1892 году прилагала все старания, чтобы отнять у туземцев всякую возможность научиться чему-нибудь, видеть и непосредственно наблюдать русскую гражданственность и жизнь, а также деятельность культурных людей, слышать русскую речь, работать рука об руку с русским пионером, отдавать детей в русские школы и мало-помалу ассимилироваться... Прежде всего, власти поголовно стали гнать туземцев из городов и слобод, на места приписки, не обращая внимания на их торговые занятия, ни на подрядовые обязательства или частную службу, ни даже на то, что громадное большинство поселившихся в городах и слободах туземцев, не имея уже в аулах никакой собственности, никаких средств к существованию, хоть поденщиной, хоть мелочной городской работой добывало себе какое ни на есть пропита-

ние... В холодную осень, весеннюю распутицу, под душу раздирающие вопли дряхлых стариков, плач женщин и детей, местная полиция разрушала их хатенки, ломала и разбирала их убогую утварь и, как зачумленных, гнала их вон за околицы... Куда?

Затем приказом по области от 15 марта 1891 года было безусловно воспрещено прожительство туземцев одной народности в районе поселения русских и туземцев другой народности.

Были дотла разрушены многие десятки туземных арендаторских хуторов на общественных и частновладельческих землях и даже таких, которые были выстроены на высочайше дарованных участках самими хозяевами.

Чтобы иметь хоть приблизительное представление о том, как это распоряжение должно было вообще отразиться на туземцах, достаточно только припомнить их земельное обеспечение. Вот, например, что говорит Е. Максимов в «Терском сборнике» за 1894 год на стр. 53 этого официального издания:

«По всей горной Чечне на дым в среднем приходится 3,43 десятины, а на мужскую душу — 1,23 десятины». «В подсчет не включены земли неудобные, которые только в течение 3—4 месяцев, да и то не всегда, могут служить как пастбище для мелкого скота, т. е. для овец и коз. Если принять во внимание, что крестьяне Европейской России имели в 1878 году в среднем по 4,1 десятины на наличную душу мужского пола, что даже на душу обоего пола (на едока) в 147 уездах, в которых производились земские статистические исследования, приходилось около двух (1,95) десятин надела, то тогда станет понятным, как поразительно велико малоземелье горных чеченцев, имеющих в среднем около 1,23 десятины на наличную душу мужского пола.

Землевладения же в размере 0,05 десятины, т. е. 120 кв. сажен, совсем не знает ни русский мужик, ни осетин, ни кабардинец, между тем как земельная собственность, исчисляемая в сотых долях, не составляет исключительно редкого явления в горной Чечне. Сравнивая затем подворное землевладение в России и в горной Чечне, находим, что у государственных крестьян на двор приходится в среднем 15 десятин, у помещичьих — 9 десятин, а у чеченцев всего 3,43 десятины, т. е. почти в $2\frac{2}{3}$ раза меньше. При таком, можно сказать, вопиющем малоземелье качество земельных угодий в горах очень невысоко. Земли многих чеченцев раскиданы участками, которые в свою очередь расположены чересполосно, на значительное расстояние друг от друга, нередко, лепясь по невероятным крутизнам и кручам и имея в большинстве случаев тонкий слой почвы, нанесенной на участок иногда руками самого же владельца. Бывают случаи, что ливень и град в горах не только уничтожают жатву, но и срывают всю почву участка, старательно накопленную в течение десятка лет».

Земельное обеспечение осетин и ингушей во многих местах несколько не лучше, чем у чеченцев.

Рядом с этим масса времени отнимается у туземцев на принудительные работы, которые не имеют ничего общего с указанными видами натуральной повинности. Всевозможные горнопромышленники, туристы, археологи, естественные испытатели и пр. с помощью мелких административных агентов заставляют туземцев, зачастую в самый разгар их работ, сопровождать этих всякого рода «известных» и неизвестных особ в их «научных» экскурсиях, перевозить или даже переносить их багаж, лазить по скалам, разрывать могильники и вообще прислуживать во всем и везде.

Мы отказываемся заглядывать в будущее, но не можем не выразить своего искреннего глубокого убеждения, что если государство преследует всестороннее приобщение туземцев Северного Кавказа к общегосударственному организму и его культуре, то практикуемые до сих пор для этого меры ведут к совершенно противоположным результатам.

1899

З И У

(Письмо к землякам)

Добрые, дорогие земляки!

Обращаюсь к вам, чтобы восстановить в вашей памяти славные традиции наших дедов. Вспомните, как они внимательно относились к своим бедным, больным, потерявшим способность к труду, пострадавшим от стихийных разрушительных сил — ливней, градобитий, наводнений, снеговых и земляных завалов, засух, пожаров и т. д. Вспомните наш лучший традиционный обычай — *зиу*, как каждый осетин от всей души откликался на нужду другого, не принимая во внимание ни родства, ни своих личных интересов. Молодежь отправлялась на луга и, в несколько часов покончив покос лишенной рабочей силы бедной семьи, с песнями возвращалась в аулы. Молодые женщины в свою очередь снимали хлеб с небольшой нивы нуждающейся семьи. При стихийных бедствиях каждый не лишенный способности ходить осетин при малейшей тревоге спешил на место происшествия и по мере сил и возможности помогал пострадавшим чем и как кто мог: личным трудом, хлебом, сеном, соломой, дровами, строительным материалом и пр.

В настоящее время сильно нуждается в такой помощи Гокинаевский хутор Черноярской станицы, страшно пострадавший от пожара 18—19 минувшего ноября. При каких ужасных обстоятельствах произошел пожар и как он уничтожил полхутора — 21 двор, — это ярко изображено в корреспонденции «Казбека» № 624 из Новоосетинской станицы.

Вспомните же, добрые земляки, наш славный традиционный *зу* и спешите на помощь пострадавшим осетинам, кто, как и чем может.

Препровождая многоуважаемой редакции свою лепту, убедительно прошу напечатать мое письмо в ближайшем номере газеты «Казбек» и принять на себя посредничество по сбору и отправлению на место нужды пожертвований.

1899

ИЗБАВИ БОГ И НАС ОТ ЭТАКИХ СУДЕЙ

«Нужна сплоченность, нужно много сил, много дум в голове, много в сердце огня». Это мудрое изречение вещает нам г. Цаголов в № 11 «Северного Кавказа», в статье «Культурное движение среди осетин».

Ни одной статьи г-на Цагорова я до сих пор не мог дочитать до конца без чувства большей или меньшей досады. При всем этом я никогда еще не высказывался. Статья «Культурное движение среди осетин» в этом отношении особенно характерна, а главное затрагивает самое больное место народного организма, — вот почему я вынужден сказать несколько слов в интересах истины и трактуемой г-ном Цаголовым культуры.

Статью свою автор начинает воскуриванием фимиама первым пионером осетинской культуры. Это была небольшая горсть, говорит он, но «горсть людей сильных духом, пожертвовавших своим личным благом и счастьем во имя блага и счастья своего народа, не щадивших ни своих сил, ни своих средств, ни даже жизни для достижения цели. У этих людей была вполне ясная цель: это — религиозно-нравственное просвещение народа в духе, *конечно* *, (?) православия. Объясняется это тем, что вся (?) без исключения (!) семья этих

* Курсив везде мой. (Прим. автора.)

самоотверженных тружеников состояла из *семинаристов*. След, оставленный ими: «осетинская церковная служба» и «грамотная Осетия». Все это во всей полноте может относиться только к блаженной памяти отца протоиерея Алексея Колиева. Что же касается других членов «небольшой горсти», то к огромному большинству их определение г-на Цаголова совершенно неприменимо.

Все эти питомцы тифлисской семинарии вскармливались, одевались и обучались безвозмездно. По окончании курса рукополагались во священники и распределялись по осетинским приходам с хорошим, по тому времени, жалованьем от «Общества восстановления православного христианства на Кавказе».

Кроме того, они от прихода пользовались квартирой, дровами, зерном, а зачастую и сеном, не говоря о доходе за требы. Из такого положения вещей очевидно, что семья этих самоотверженных тружеников никаким самоотвержением не занималась и никогда не жертвовала личным своим благом и счастьем для блага и счастья народа. Ни из чего также не видно, чтобы они не щадили ни своих сил, ни своих средств, ни даже жизни! Напротив, все они были упитаны и по сравнению даже с богатыми осетинами катались, как сыр в масле. Где же их самопожертвование! Переводы Евангелия, молитв и урывков церковных служб и треб? Труд большой, что и говорить. Но ведь это заслуга опять-таки очень ограниченного кружка во главе с протоиереем А. Колевым.

При всем том, все эти драгоценные вклады в осетинскую письменность настолько неудачны, что при чтении их народная масса совершенно не понимает их смысла. Мало того, громадное большинство священников в осетинских приходах до последнего времени были

из грузин, которые за самым незначительным исключением отправляли богослужение на грузинском языке. Да и сами осетинны-священники большей частью служили по-славянски.

Последующее поколение г-н Цаголов рекомендует как людей, для которых личное счастье выше всего — порок, присущий всему человечеству, вероятно, и самому г-ну Цаголову, а потому поголовно упрекать их в излишнем пристрастии к личному счастью несправедливо.

Тогда как в первое время осетинских детей чуть не силою брали в кадетские корпуса и семинарию и, не в пример их русским товарищам, делали им всякие поправки и выпускали корнетами и священниками, в последующее время положение дела сильно изменилось. Потребность в образовании стала заметно прогрессировать и охватила все население Осетии. Явились сотни приговоров с просьбой открыть школу, оказать помощь на постройку школьного здания, масса частных прошений о зачислении кандидатом детей на казенные или горские стипендии в пансионы Ставропольской гимназии и Владикавказского реального училища. Ольгинская владикавказская осетинская женская школа была переполнена. Не оставляли осетины и Тифлисской семинарии и военных учебных заведений. Стало тесно, не было свободных вакансий. Даровое учение давалось только счастливым. При таких обстоятельствах выросло и вступило в жизнь то поколение, которое г. Цаголов упрекает в эгоизме за то, что оно якобы забыло свой народ, не живет на родине и, не покладая рук, работает на пользу своего материального и служебного благополучия *. Многочисленный состав осетин-офицеров всех

* Верно ли? (Прим. автора.)

родов оружия доблестно и с честью служит в рядах великой русской армии. Осетины-врачи, юристы, инженеры, ученые, лесничие и т. д. честно работают для общегосударственной культуры и общечеловеческой пользы. Несмотря на то, что и военные, по долгу службы, и кончившие курс в высших учебных заведениях, по той же и многим другим причинам, не живут в своих аулах, они все-таки оказывают огромную материальную, а главное, моральную поддержку своей родине. Своей блестящей службой, честностью, трудолюбием и способностью ко всевозможным отраслям культурной деятельности они несомненно много содействуют укреплению доверия правительства к осетинам и усилению к ним симпатий и уважения смежных с ними народов и племен. Помимо этого, многие из них даже, при неимении собственных детей, дают образование своим племянникам, а иногда даже посторонним. Многие из них оказывают материальную поддержку не только родственникам, но и общественным учреждениям. Несомненно, что они все хотят быть поближе к родине, чтобы быть ей возможно полезнее, да не все же обладают таким патриотизмом, как г. Цаголов, чтобы бросить свою службу, и, вместо командования ротой, сотней, полком или постройки железных дорог, вернуться в аул и сделаться писарем или старшиной. Но г. Цаголов забывает, что та же «сельская буржуазия» под протекторатом известного осетинского героя ни за что не допустит таких чиновных и образованных патриотов к занятию должности старшины или писаря.

Во всяком случае, рано или поздно, все служащие в разных концах России интеллигентные осетины, как и их предшественники, вернутся в Осетию и, вероятно, примут более активное участие в общей культурной работе осетин.

Не надо забывать также, что из этого «нехорошего, серенького периода» хотя и не вышли такие «печальники горя народного», как г. Цаголов, все же в Осетии есть немало священников, учителей и других общественных деятелей из немилого автору поколения, которые по действительному нравственному влиянию и пользе нисколько не уступают своим «самоотверженным» предшественникам. О новом поколении г. Цаголов отзывается лучше. «Опять заговорили о родине, о народе, об обязанностях интеллигенции и тому подобных вещах. Хотя в этом движении пока нет еще ничего определенного, *хотя* в нем нет точной программы, *хотя* интеллигенция не может формулировать своих идеалов в этом отношении, *хотя* здесь еще много туману, *хотя* о нем можно сказать»... Хотя, хотя, хотя, *хотя*... и т. д., одним словом, осетинская интеллигенция «еще не выяснила себе самого главного вопроса, это — кому она именно хочет послужить». Она обыкновенно на этот вопрос отвечает, что она работает «для родины, для народа, для Осетии». Дальше этого они не идут. А жаль! Жаль потому, что родина, народ, Осетия — нечто *туманное, расплывчатое, неясное, трудно осязаемое*. Ведь в этой родине, в этом народе, в этой самой Осетии в настоящее время благополучно существуют социальные группы с самыми противоположными интересами. Цаголов, видимо, думает, «что открыл Америку». Но он идет еще дальше. Ярko набрасывает он широкою кистью три типа: «настоящего осетина» — «известного кулака-мироеда», затем идет «осетин девяносто шестой пробы», который «в то же время землевладелец, аграрий», третий тип — «серая, грязная, оборванная толпа — это малоземельная, безземельная команда и вообще всякая голытьба, до нищих включительно. Многие из них вовсе не интересуются родными вопросами, у них дру-

зей больше среди неосетин, чем среди осетин. Им не надо этого вовсе: вопросы желудка стоят у них на первом плане». И вот после этой живописи г. Цаголов настойчиво спрашивает бестолковую осетинскую интеллигенцию, «кому, собственно говоря, из этих групп хочет послужить интеллигенция?» Настоящим осетинам или голытьбе?

На этот вопрос отвечает сам автор: «...от того или иного направления деятельности зависит *возможность* ориентироваться в средствах, *возможность* вдохнуть душу живу в свою работу, придать идейность литературным работам, *возможность* не биться головой об стену, *возможность* согласовать свое движение с более крупным мировым движением и не затыкать шапкой кратера Везувия». Ах, страшно. По крайней мере г. Цаголов так думает, что «после серьезного ответа на этот вопрос в Осетии не мечтали бы так о сельских банках. Ведь всем и каждому (?) известно, что устроить сельский банк значит взять у бедняка последнюю копейку и отдать ее богачу-кулаку, чтобы он этой копейкой выколотил из горба оборванного хозяина целковый на свою собственную потребу. Потому, если я стою за оборванного хозяина, то обращаю свое внимание в другую сторону».

Такое «заступничество» за голытьбу вызвано несогласием г. Цаголова с деятельностью г. Баева и сочувствующей ему части интеллигенции. «Г-н Баев — говорит он, — задался целью покрыть свою Осетию сельскими банками и общественными амбарами — кукурузниками... Свою идею г. Баев старается распространить во всех селениях и не теряет надежды через несколько лет видеть на родине целую сеть амбаров и банков. Г-ну Баеву в этом деле сочувствует *большая часть* интеллигенции», и здесь же автор прибавляет: «вообще,

в силу непонятных для меня взглядов, экономическая сторона жизни *мало* интересует осетинскую интеллигенцию, и она *мало* придает ей значения».

Как все это назвать?

Г-н Цаголов, выставляя себя защитником «голытьбы», восстает против сельских банков, потому что копеей «оборванного» осетина «настоящий» осетин кулак-мирод «выколотил» из горба «целковый на свою потребу».

Это говорит «знаток» народной голытьбы, которому, видимо, совершенно неизвестно, что несчастная голытьба эта платит кулаку за ссуду от 30 до 120 процентов, что в сельских банках кулак не имеет никакой привилегии, что капитал сельских банков составляется из общественных сумм и что сельские банки ссужают бедных односельцев до 10—8, а то и меньше процентов, этого г. Цаголов не только не понимает, но и не хочет понять по каким-то неизвестным причинам. Общественные амбары-кукурузники являются самым необременительным для поселян и, вместе с тем, самым надежным органом для увеличения средств банков. Эти же кукурузники и банки, помимо предоставления бедным дешевого кредита, могут сослужить величайшую службу в деле обсеменения полей и продовольствия поселян в неурожайные годы.

Глубоко прискорбно, что такие «печальники горя народного», как г. Цаголов, пользуясь с очень сомнительной правдивостью печатным словом, не только не оказывают заслуживающему горячего сочувствия и содействия делу никакой поддержки, а, напротив, напрягают все силы, чтобы погубить доброе дело.

Присяжный поверенный Г. В. Баев заслуживает глубокого сочувствия и поддержки в своих неустанных трудах и заботах о меньшей братии, и не только об-

щества Ольгинского селения, но и всех честных и правдивых осетин.

Надо умышленно закрывать глаза и затыкать уши, чтобы не видеть и не слышать, насколько Ольгинское селение, где главным образом осуществляют свои разумные идеи г. Баев, и благоустроеннее, и зажиточнее, и грамотнее, чем другие осетинские селения. В деле народного образования там работают священник, три учителя и две учительницы. Из общественного ссудовспомогательного капитала 5 июля минувшего года роздано нуждавшимся в деньгах для полевых работ 1000 рублей. Несколько наиболее нуждавшихся получили по 20 рублей, а остальные по 10 рублей. Проданное зерно из общественного амбара дало 270 рублей, которые присоединены к ссудовспомогательному капиталу*. По окончании жатвы общественный амбар опять засыпан.

На народно-учебное дело селение Ардон сделало единовременных расходов до 30 тысяч, уже около 10 лет Ардонская духовная семинария дает для осетинских приходов вполне подготовленных священников и учителей — осетин. Несколько воспитанников-осетин продолжает свое образование в духовных академиях.

Общественный ссудовспомогательный капитал селения Ардон с большой пользой для беднейшего населения функционирует уже 15 лет.

В сел. Христиановском насчитывается около 1000 дворов. Существующие в нем учебные заведения, несмотря на их хорошую постановку и многолюдность, далеко недостаточны для такого большого села. По инициативе бывшего ректора Ардонской семинарии архимандрита Иоанна святейший правительствующий Си-

* имеющему в недалеком будущем переименоваться в сельский банк. (Прим. автора.)

под согласился отпустить 20 тысяч рублей на постройку здания в сел. Христиановском для двухклассного училища, с условием, чтобы общество, в составе которого числится и г. Цаголов, приняло на себя кое-какие расходы по содержанию училища и чтобы в нем могли учиться и дети из других осетинских селений.

Если бы в этом обществе числился вместо г. Цаголова г. Баев, то, конечно, это щедрое предложение святейшего правительствующего Синода было бы принято обществом с горячей благодарностью. А так как этого нет, то и общество Христиановского селения по недомыслию отказалось от предложенных условий и лишилось щедрого дара святейшего правительствующего Синода.

Между тем г-н Цаголов прекрасно знает, что в Ардонской семинарии, постройку и оборудование которой вынесло Ардонское сельское общество, менее богатое, нежели Христиановское, наибольший процент учащихся приходится на детей из Христиановского.

По инициативе того же г. Баева общество сел. Ольгинского в прошлом году приговором своим ходатайствовало об оставлении во Владикавказе осетинского девичьего приюта, много уже лет дарившего Осетии превосходных учительниц. Совет «Общества восстановления христианства на Кавказе» * уважил просьбу олгинцев и согласился на оставление приюта во Владикавказе.

Не будь вовремя приговора Ольгинского общества, осетины, паверное, расстался бы со своим лучшим учебным заведением.

Таким образом, «затыкание шапкой кратера Везувия» приприсит гораздо больше пользы, чем «обличи-

* порешивши уже перевести приют в Закавказье. (Прим. автора.)

тельная» литература г. Цаголова. И прежде, чем мешать другим действовать по их разумению на пользу общества, надо войти в их среду, посодействовать их сплочению и «научить» их, как надо действовать, чтобы «настоящий осетин кулак-мироед» больше не выколачивал из горба «оборванного хозяина» его же копеейкой «целковый на свою собственную потребу». Да научить надо не умными разговорами, а примером, как это делает г. Баев. Подрывать доверие общества к бескорыстной, неустанной и благотворной деятельности можно только со злым умыслом или при полном незнании. Всякое дело, а тем более общественное, вначале всегда имеет многих разрозненных инициаторов и работников. Бог даст, осетинская интеллигенция окрепнет, умножится, сплотится и докажет г. Цаголову, что она не лишена многих дум в голове и огня в сердце. А пока пусть хоть господа Баевы «затыкают шапкой кратер Везувия» — все же лучше, чем с фарисейским смиренномудрием подрывать к ним доверие в народе, не замечая их бескорыстный и благотворный труд ни единым просяным зерном.

Что касается указания (с сожалением) г. Цаголова, что автор сборника осетинских стихотворений Коста придерживался больше тонического стихосложения, то с полной достоверностью могу сказать, что во всей книжке нет ни одной строки тонического сложения. Стихи написаны общеизвестными формами метрического стихосложения: ямб, хорей, анапест, амфибрахий и дактиль. Последние три формы г. Цаголов припаял, вероятно, за тонические. «Избави бог и нас от таких судей».

〈ДО СИХ ПОР ЕЩЕ НЕ РЕШЕННЫЙ ЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОС...〉

До сих пор еще не решенный земельный вопрос в горной полосе Терской области особенно обостряется в последнее время во Владикавказском округе. Манья во мгновение ока сделаться миллионером обуяла всех, начиная от лапотника и кончая всеми рангами общественного положения. Тысячи «кладонскателей» бродят, как легендарный осетинский герой Бесо, по горным тропам и роются в диких скалах. Открытые месторождения ископаемых минералов отмечаются столбиками или надписями и затем делается заявка в управление государственных имуществ. Самый способ заявок является наиболее интересной процедурой в погоне за золотым руном. На каком бы участке ни была открыта руда, на частном ли, на фамильном ли или общественном — это для кладонскателей безразлично, — они делают заявки, как на казенной земле. Зачастую, чтобы делу дать «законный вид и толк», они входят в соглашение с собственниками земли на грошовых условиях, и все-таки, пользуясь незнанием русского языка хозяев и их безграмотностью, они доверительный приговор или условие пишут не так, как они их переводят безграмотным хозя-

евам. Вместо того, чтобы, как они уверяют хозяев, сдаваемый в аренду участок означить в приговоре собственностью личной, родовой или общественной, они пишут: такой-то участок казенной земли, находящийся в нашем пользовании, мы и т. д. Так поступают не только приятель француз, бельгиец или москвич, но и наши интеллигентные туземцы.

Далеко еще этим кладонскателям до ночи Ивана Купалы, но все-таки то, что они успели натворить с такой энергией, достойно лучшей участи. Все Алагирское ущелье до Мамисонского перевала уже расхищено. Общества «Алагир», «Французское» и всевозможные анонимы захватили целые десятки верст. Когда-то вековые сосновые леса, краса Алагирского ущелья, вырублены дотла. Остались только одинокие сироты, спасшиеся от дикости людской на недоступных карнизах «утеса-великана»; тысячи брусьев, сброшенных с огромной крутизны в ущелье, не выдерживая такого падения, своими искалеченными «трусами» загромодили дно ущелья русла реки Ардон. Больно до слез, какое множество леса гниет здесь без всякой пользы. В договорах казны с действующими в Алагирском ущелье акционерными обществами ясно сказано, что лесом можно пользоваться бесплатно до определенного срока только для специальных нужд рудника, т. е. для подпорок в шахтах и тому подобных надобностей. Служащие в обществе «Алагир» и французской компании пользуются этим лесом бесплатно, помимо специальных нужд еще и для всевозможных построек заводских, частных и даже и для торговли на стороне.

Рядом с этим у населения отобраны все леса, которыми они пользовались как своей собственностью с незапамятных времен, несмотря на неоднократные указания Министерства земледелия и государственных имуществ

на то, что туземному населению Кавказа должно предоставить право пользования лесом для своей надобности в таких местах, которые и прежде были в их пользовании; лесные поляны для пастбы и покоса должны быть также в их пользовании. Между тем усердие не по разуму грубой и совершенно не понимающей своих обязанностей лесной стражи дошло до таких колоссальных размеров, что положительно не верится, каким тяжелым бременем навалилось оно на население. Этому много содействует отвод участков, где тому или другому селению предоставляется пользоваться лесом для своих надобностей. Если селение стоит на северо-востоке Владикавказского округа, то ему отводится лес в юго-западном углу того же округа, а ближайшие леса охраняются, как зеница ока. Если селение находится у опушки леса, то ему отводится лес на таких недоступных скалах, что туда не только на арбе, но и ползком нельзя добраться, а если и вскарабкается какой-нибудь смельчак, то он во всяком случае не принесет домой и охапки сухих веток. Результаты такой усердной охраны «казенных» лесов поразительны. Есть немало туземных селений, за которыми числится от 20 до 40 тысяч рублей штрафов «за самовольную порубку казенного леса». А сколько перебивалось этой голытьбы в тюрьмах за сопротивление власти (объездчик). Все протоколы составляются не на месте порубки, а по дорогам и в селах, там, где объездчик наткнется на полено, еще не сгоревшее на очаге убогой сакли. Население, которое, за небольшим исключением, не имеет печей и всю долгую и суровую зиму проводит с полунагими детьми у очага сакли, поставлено в такое безвыходное положение, что хуже некуда.

ЧИЧИКОВ

Гоголевский Чичиков, оказывается, до сих пор еще благополучно здравствует. В настоящее время он живет в Екатеринодаре и очень популярен как общественный деятель и учепый. Дела его теперь очень поправились. Он теперь не скупает мертвые души, а уже лет десять занимается новым, весьма прибыльным делом, им же самым приобретенным и получившим привилегию. А дело вот какое.

В доброе старое время самые хорошие земли в Кубанской и Терской областях в изобилии раздавались офицерам, чинownikам и даже священникам, кому за военные услуги, кому за усердие, а кому и так. Земля в то время была так малоценна, что были случаи, когда она продавалась от 50 копеек до 1 рубля за десятина. Но это продолжалось недолго... Мелькали годы за годами, и ценность земли стала прогрессировать с необыкновенной силой, и десятина, которую еще 25 лет ^{назад} можно было купить за 30 рублей, поднялась в настоящее время до 150—200 рублей. Вот здесь-то и стал потирать свои руки г. Чичиков.

За 60—70-летний период много кавказских героев, наделенных землей, отошло в жизнь вечную, оставив вдов и сирот. Межевание земель началось очень не-

давно и велось медленно. Громадный процент наделенных земель не имел никаких межевых документов, а с заменой землевладельцев вторым и третьим их поколением многие из наследников совершенно уже не знали, где их участок, а некоторые даже вовсе забыли, что у них есть наследственная земля.

Вот тут-то г. Чичиков и востепенулся. Имея возможность по своему служебному положению рыться в архивах областного управления и межевой при нем части, Чичиков быстро раскопал желанные документы и, не долго думая, двинулся в путь-дороженьку. От станции до деревни, от деревни до селения, от селения до хутора раскатывал Чичиков на тройке вороных, разыскивая наследников затерявшихся в архивах участков тучной земли. Так он за несколько лет объехал почти всю Кубанскую область.

Являясь в своем старомодном цилиндре к дряхлой вдове или к внуку-сироте умершего помещика, Чичиков с обычным своим жеманством предлагал наследникам свои услуги или как покупатель, или как ходатай по разысканию затерянного участка земли и закреплению его за наследником с производством межевания и выдачей на руки межевой книги и плана участка. Охотников принять «любезное» предложение Чичикова оказалось очень много, и Чичиков за короткое время блестяще «поправил» свои дела и теперь живет себе припеваючи, заседаая в ученых обществах и пользуясь громадной популярностью.

Жаль, Гоголя нет, а то бы он, наверное, продолжил свои «Мертвые души», познакомившись с екатеринодарским Чичиковым.

ТАРТАРЕН

Был когда-то знаменитый Тартарен из Тараскона. Хотя говорили, что он умер холостым, но это мало вероятно, и скорее правдоподобна другая версия, что он уехал из Тараскона и больше туда не возвратился, и уже по многочисленным потомкам его видно, что он был женат, и потомство его разбрелось по всему земному шару. Много их и на нашем Кавказе. Между прочим, один из потомков славного Тартарена благополучно проживает в Екатеринодаре. Он, помимо того, что питает юношей наукой, перенял привычки своего родоначальника и часто предпринимает в высшей степени опасные путешествия по ущельям Кавказа. Одно из таких путешествий он описывает с большим талантом в периодическом издании под громким названием: «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» (выпуск 28-й, 1900 г.). Под заголовком «В горах Большого и Малого Карачая» Тартарен из Екатеринодара излагает, как он в компании двух учителей, студента и 26 учеников 5, 6, 7 классов предпринял такое страшное путешествие. В поездке от Екатеринодара до Баталпашипска встречаются несколько важных событий, о которых нельзя не упомянуть. Пре-

жде всего поэзия: «...колеса мерно постукивали... Близилась ночь... Запад горел красным пламенем... Круглая медно-красная луна стала подыматься над фиолетовым горизонтом...»

Теперь наука. «Доктора, доктора! — возопил один из юпошей, — смотрите, что с луной делается: умпирет! доктора!» (стр. 9). «Преподаватель физики и математики подробно объяснил ученикам явление затмения»...

Затем опять поэзия...

Кто-то декламирует:

«Сквозь вечные туманы,
Познанья жадный, он следил
Кочующие караваны
В пространстве брошенных светил.

— Данько! про кого это сказано?

— Не знаю, — равнодушно отвечал ученик пятого класса.

— Про Демона, глупый, про Демона... Скажи-ка, ты читал «Демона» Лермонтова?

— Не читал, но прочту... (!!)

Но вот начинаются страхи. Тартарен предупреждает молодежь: «...нужно отыскать на берегу Кубани чистое, несколько покатоое место, открытое на далекое пространство.

— Г-н Тартарен, а почему же «открытое место»?

— Да потому, что на открытом месте мы будем в большей безопасности: луна будет светить всю ночь, и часовые могут вовремя заметить что-либо подозрительное (!!)... Часа в два я открыл глаза: передо мной стояла какая-то фигура в бурке с ружьем в руках: это был студент.

— Г-н Тартарен! — начал он взволнованным шепотом, — одного из извозчиков нет, он куда-то скрылся. Я с Топорковым обыскал весь лагерь, все окрестности, — а его нет... Нет ли здесь шайки? Не пошел ли он сообщить ей о нас? Ведь это возможно же, г. Тартарен?»

И это все происходило ниже станицы Беломечетской, в 13 верстах от нее, — район исключительно казачий.

В станице Беломечетской в беседе с помощником атамана г. Тартарен просил его указать, как пройти в Мансуровский аул. «Лучше здесь оставайтесь, ваше благородие, переночевать: там очень неспособно будет: грязно живут абазинцы, да и дождь большой будет».

И г. Тартарен поверил, что в ауле Мансуровском живут абазинцы. На самом-то деле там живут ногайцы... Затем армия Тартарена попадает в аул Дарукохт (Дударуковский). «Тут мы заблудились: пришлось без излишних церемоний перелезть через заборы, переходить по дворам, так как улиц здесь не было (!!))». Пылкое воображение Тартарена не нашло даже приличным проверить, есть ли в ауле улицы, а предпочло брать штурмом заборы и дворы, восхищаясь, как «абазинки с удивлением смотрели на нас, стоя у порогов сакль, некоторые смотрели в щели на незваных гостей». Я только удивляюсь г. Тартарену, как его со всей его армией не перестреляли абазинцы за такое безобразное невежество. Вероятно, мужское население находилось на полевых работах... Глубже по Кубанской долине Тартарен с доблестной армией попадает в Хумаринский аул... «Напугав треском барабана и громкой песней аульное стадо, мы прошли мимо большой толпы кабардинцев, сбежавшихся посмотреть на «урус-салдус» — необузданных гяуров, думал, вероятно, каждый адыге». Из Хумариинского аула Тартарен с армией дошел до Хумариинского укрепления, сделав предварительно два выстрела

из берданок и дав сигнал на корнете. Их любезно встретил популярнейший из приставов г. Шмыткин... Следующее утро было посвящено, между прочим, «обозреванию осетинского поселка. Весьма зажиточные люди, осетины этого поселка отличаются далеко не симпатичными качествами; к религии они относятся весьма пассивно: в церковь ходят преимущественно старики и женщины; обмануть, ограбить не прочь; они банкиры несчастных карачаевцев и берут с них проценты прямо чудовищные. Живут они здесь всего около 20 лет*. С 1896 г., когда я поселок увидел впервые, он значительно разросся, так, что теперь ему не к лицу официальное название «поселок». Мы видели две-три лавочки, где продают преимущественно водку, хлеб, иногда баранину. Путешественник, попавший сюда, должен заранее запастись молоком, главным продуктом местного питания, — иначе ему придется голодать, так как к 11 часам все сакли уже дымятся: варится знаменитый на Кавказе осетинский сыр. Женщины ходят с открытыми лицами, и нигде вы не заметите дикой пугливости карачаевских женщин и детей».

Так порешил Тартарен из Екатеринодара, не желая осведомиться, что у осетин сыр не варится, а заквашивается исключительно парное молоко. Сакли дымятся к 11 часам не для варки сыра, а для приготовления обеда, который разнообразится большим выбором блюд осетинской кухни, редко доступных не только русскому крестьянину, но даже казаку. И запастись заранее молоком, которое якобы составляет главный продукт местного питания, — иначе ему придется голодать... Смею уверить Тартарена из Екатеринодара, что туземное население горной полосы Кавказа, как бы оно бедно ни

* Поселок образовался в 1870 г. (*Прим. автора.*)

было, всегда поделится последним куском хлеба с гостем, ему до той минуты неизвестным, и не даст ему голодать, как изволит говорить г. Тартарен, не заглянув ни в одну саклю. А какими качествами отличаются осетины этого поселка, об этом сам Тартарен, конечно, никакого понятия не имеет, а дело-то очень просто: Тартарен такую характеристику осетин заимствовал от «любезного пристава», которому осетины далеко не так поворачиваются, как карачаевцы.

По рекомендации того же «милостивого» осетина якобы обмануть, ограбить не прочь. А что 2—3 осетина снабжают карачаевцев деньгами «за чудовищные проценты», то это во всяком случае нельзя обобщать, — таких кулаков между соотечественниками Тартарена еще больше.

Плохо считал Тартарен и торговые заведения. Там, помимо 2—3 лавочек с продажей водки, хлеба, иногда баранины, есть еще несколько лавок мануфактурных и мелочных. Осмотрев древнюю церковь на Шуанпской скале, Тартарен с армией двинулся в обратный путь. «Дорогою мы забавлялись тем, что соединенными усилиями сдвигали с места каменную глыбу и пускали ее катиться вниз. Громкий смех сопровождал гигантские параболы и гиперболы, которые проделывал стремглав несшийся вниз камень. Внизу шумела речка, и камень с глухим стуком исчезал в воде, вспенив на мгновение ее поверхность». Забава, достойная только диких индейцев. Тартарен в то время не соображал даже того, что его армия этой глыбой могла размогнуть какого-нибудь пастушка, детей, ежедневно бродящих по склону и по руслу речки, которую так героически бомбардировал г. Тартарен. На другой день армия Тартарена двинулась в путь-дороженьку. «Вот шеренга приближается к табуну и к стаду коров: животные насторожились,

слушают и не понимают никогда не слышанного звука барабанного боя; вот они шарахнулись в сторону и несутся с развевающимися гривами и хвостами, но тотчас останавливаются, оборачиваются и широко раскрытыми глазами смотрят на приближающуюся шеренгу с тем, чтобы тотчас продолжать бегство. Особенный эффект на животных произвела атака с громким «ура» (!!!). Большого успеха даже Тартарену из Екатеринодара не надо.

С заходом солнца армия Тартарена подошла к аулу Сенты. «Они стройно замаршировали под звуки барабана и рожка: желание не посрамить себя перед карачаевцами заставляло забыть усталость. Все население аула сбегалось посмотреть на нас... Запах бараньего сала несся из толпы. «Ну и ароматы!» — слышалось в наших рядах... Да, уж действительно аромат!»

Дальше говорится о восхождении на монастырскую гору, знакомстве с настоятельницей... беседы с нею, ее жалобы. «Здесь мы встретили раз нападение со стороны карачаевцев: была произведена у меня потрава: я задержала быков. Так что же вы думаете? Весь аул пришел сюда. Я велела сестрам вооружиться кольями. Мы заперлись в доме и ждали нападения. Уже стемнело. Вдруг стук в дверь! Ну, думаю, настал конец всем: карачаевцы ломаются. Стала я читать молитву. «Отвори-те!» — закричали по-русски. Так от сердца и отлегло. Отворили дверь — то была помощь от хумаринского пристава, которому я послала тайком записку... Теперь мы живем в ладу: они даже посылают к нам своих девочек, а мы их учим рукоделию...»

Из этого ясно, что потрава произошла без умысла карачаевцев. Рабочие быки всегда пасутся на свободе, без пастуха. А что карачаевцы никогда не обидят женщин, по народным традициям, это не подлежит ника-

кому сомнению, и сестрам во главе с настоятельницей напрасно было вооружаться кольями и запирались в доме. Не надо было только задерживать быков, а выгнать их за границу, и не было бы никакой надобности в тайной посылке приставу записки...

В следующую ночь Тартарен стоял лагерем в Джематской долине. «*Sic transit...*», — подумал Тартарен, «когда вышел в полночь из палатки. Темные фигуры часовых, закутавшихся в бурки и неподвижно стоявших, зашевелились...

— Озябли? — спрашиваю часовых.

— Да, есть немного...

— Ничего подозрительного не заметили?

— Нет, только четыре карачаевца проехали верхом».

Вот тут-то занялся Тартарен очень важными размышлениями. «Я находил весьма полезным полувоенный режим, которого держался. Для нас весьма легко было подражать приемам русских солдат — завоевателей этих самых гор, ибо почти все из нас были кавказскими уроженцами, сыновьями, внуками этих завоевателей (в особенности Тартарен), все читали историю кавказской войны, все слышали много драматических рассказов из уст участников кровавой войны с горцами. Всякий из нас понимает, что эта война заставила выработать целесообразные (!) способы путешествия в горах, среди инородцев, а следовательно (!), сознавал необходимость ими пользоваться. Понятно поэтому (?), почему у нас по ночам были часовые по всем правилам военного устава... С чувством благоговения каждый вступал на часы, понимая, что в этот полуночный час его вниманию поручено спокойствие, а может быть, и жизнь (!) спящих глубоким сном его товарищей». Это только пылкая фантазия или врожденная трусость Тартарена могли довести его до такого абсурда, что на

Кавказе до сих пор все то же, что было сто лет тому назад!

На даче Кузовлева и на двух скимшдарных заводах Тартарен испытывал сладчайшее чувство. «Необыкновенно приятное впечатление производят эти культурные уголки среди дикой природы, среди страны дикарей-пастухов». Дальше опять фантазия о будущих локомотивах. Затем армия Тартарена снялась и двинулась в глубь ущелья... «В стороне от дороги, в чаще мелькнул «баз», загородка для скота... повеяло запахом скота и навоза... (Все новые и новые открытия!)... Впереди мелькнуло несколько коров. У кого-то явилась мысль пошутить и погнать их дальше: коровы небольшие, поджарые, с короткими острыми рогами, сначала бежали впереди, но затем ловко взобрались на крутизну, нависшую на дорогу; неугомонные мальчишки (6 и 7 классов) согнали их оттуда и до тех пор регулировали их движение, пока животные не подчинились человеку и не побежали по дороге». Какой удивительно просвещенный человек г. Тартарен! Он не только своих недорослей обучил латинской грамматике, но сделал из них клоунов а ля Дуров и как будто предпринял свою экскурсию в Карачай, главным образом, для дрессировки диких карачаевских коров. О Тартарен! Как все это гуманно, культурно и благородно! Но это еще не все.

«— Каково-то их доить будем? — спрашивали любители молока.

— Ни за что не удастся это без телят, да и опасно: рога острые».

Не будь этих препятствий, Тартарен бы наверно решил своим недорослям подоить коров диких лесных людей. А если бы этот лесной человек застал их за дойкой своих коров и протестовал бы, то Тартарен не постеснялся бы с нарочным отправить записку приставу

с просьбой защиты от нападающих на них лесных людей.

На Клухорском перевале Тартарен открыл «мертвое озеро», не потрудившись даже испытать, есть в этом «мертвом озере» рыба или нет. А я достоверно знаю, что в нем водится превосходная крупная форель в большом количестве. Это, правда, невероятно, так как в настоящее время к нему нет доступа ни для какой рыбы, благодаря высоким водопадам, берущим начало в озере.

На пути к Большому Карачаю «глазам нашим открылись безлесные горные вершины, там и сям бродили стада; кое-где были длинные рубленые сараи, с земляными крышами, на которых росла трава: то были коши. Кто-то вздумал выстрелить: где-то высоко-высоко залаяли собаки, из ближайшего коша выбежали женщины и дети; когда же Миллер затрубил — они попрятались». Каково! Недоросли Тартарена даже женщин и детей заставили попрятаться. Вообще геройская храбрость Тартарена из Екатеринодара и его недорослей поразительна, хотя псевдоним, каким подписал Тартарен описание ученой экскурсии своей указывает на такое происхождение его, главное свойство которого, по мнению Лермонтова, трусость.

В заключение не могу не отметить с глубоким прискорбием, что сами же уроженцы Кавказа настолько индифферентны к духовному миру населяющих богатейший в мире край туземцев, что стыдно за них. Проехаться или прогуляться по горным ущельям повзводно, с барабанным боем, с ерихонскими трубами и с пением: «Гремит слава трубой, — мы дралися за Лабой! По горам твоим, Кавказ, раздается слава об нас!» и с криком «ура» бросаться на табуны лошадей и на коров могут только Тартарены и недоросли. Придавать таким прогулкам научное значение бессовестно! Все свои

научные сведения они черпают из уст приставов, старшин и писарей, которые к людям относятся только, как к номерам исходящих и входящих журналов. Если свой уроженец Кавказа пишет такую галиматью и клевету, то какими глазами на туземцев Кавказа должен смотреть москвич, немец и всякий другой иноземец?

Стыдно мне за вас, г. Тартарен, стыдно!..

1901

〈В ПРОШЛОЙ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ...〉

В прошлой корреспонденции (№ 47 «Северного Кавказа»), касаясь земельного неустройства в горной полосе Терской области, мы главным образом остановились на Алагирском ущелье. В настоящей статье мы имеем возможность сообщить то, что происходит в Урухском ущелье, по существу очень тождественное с предыдущим сообщением.

До 1890 года в Дигурии (Урухское ущелье) существовала такая же форма землевладения, как и во всей горной Осетии: пашни принадлежат отдельным семьям, леса, покосы и пастбища — фамилиям. Благодаря разумному пониманию значения леса в жизни природы и людей, предки осетин многие лесные участки сделали заповедными. Это и способствовало сохранению в целостности части лесов в горной полосе Осетии. В 1890 году в Дигурии леса перешли в общинное пользование, и с этого момента начинается их беспощадное истребление. Причиной такого печального явления было, главным образом, водворение в Урухском ущелье нескольких горнопромышленных обществ, которым и сбывается лес, не исключая заповедных. С особенным озлоблением рубит лес та часть населения, которой запрещалось пользова-

ние чужими фамильными лесами. Не мог остановить такого хищнического истребления леса даже заведующий алагирским лесничеством. Он в 1899 г. предложил четырем дигурским обществам на обсуждение проект лесохранения; по долгому обсуждении проекта доверенные приняли его, но с некоторыми изменениями. Пункт, в котором предлагалось каждому обществу отвечать за своего несостоятельного порубщика, был изменен в том смысле, чтобы такой порубщик подвергался в первые два раза тюремному заключению, а в третий раз — удалению из общества; 3-й пункт был редактирован так, чтобы рубка красного леса в нагорной полосе совсем не производилась до тех пор, пока леса не достигнут размеров строевого леса. В период рубки охраняемый лес отпускать лишь тем обществам, которые поручились за его целость. К 6-му пункту добавлено, чтобы доходы, получаемые с лесов, поступали в фонд для содействия народному образованию в пределах названных четырех приходов. Кроме того, к проекту добавлен новый параграф; заведующий алагирским лесничеством отпускает в интересах населения и охраны лесов в нагорной полосе бесплатные билеты для пользования для своих надобностей черным лесом северных склонов, называемых магометанскими.

В настоящее время на землях сел. Фаснал и Уакан производятся разведочные работы двумя компаниями: «Терская акционерная» и «Вьельмонталь». Общества эти пользуются в народе очень плохой репутацией. Они всевозможными махинациями захватили самые лучшие уголки уцелья.

«Терское акционерное общество» за место под постройку завода обязалось уплатить хозяевам, вместо 10—20 тысяч действительной стоимости его, всего 1000 рублей, да и то до сих пор не уплачивает. Требо-

вания населения относительно выполнения компанией своих обязательств кончаются тем, что вожakov старшины ввергают в клоповник при сельском правлении, а зачастую и под строгим конвоем препровождают в участковую тюрьму, где они без следствия и суда просиживают по 2—3 недели; так поступили, между прочим, в прошлом году с почетными членами общества Дзасаром Цараковым и с его товарищами, которые, как якобы «бунтовщики», просидели по две недели. На самом же деле за то, что они просили за два отвода рудоносных земель, «Нысан-æфцæг» и «Смæг», по 15 десятин удобной земли и 300 (!) рублей, обещанные по договору с компанией и до сих пор не выплаченные.

И об этом в конце концов никто не смеет шикнуть, так как сам старшина состоит агентом компании на солидном жаловании, и потому все идет как по маслу.

Старшине помогает с большим усердием сомнительная личность К., и они, благодаря своему положению, легко узнавали людей, стоящих за или против компании, и о них доносили горному инженеру Стрыжову. Последний тогда увольнял «вредных» для компании людей. Убедившись, что больше всех их предприятию помогали старшины и писаря, г. Стрыжов пристроил писарей при конторах, а старшин награждал деньгами, а детей их пристраивал на заводе. Были случаи, когда г. Стрыжов платил влиятельным старикам «пенсию», якобы из симпатии к ним. На самом же деле эта симпатия награждалась с той целью, чтобы с их помощью захватить еще какой-нибудь жирный кусок рудоносной земли. Г-н Стрыжов зачастую бросал в толпу детей горстями медяки и этим приводил в восторг их матерей... Тактика поразительная! Он даже входил с обществом в соглашение, обещал платить короткими

сроками по три копейки за пуд добытой руды с тем, чтобы по окончании срока аренды завод перешел в потомственное владение туземцев. Условие принято, идут месяцы за месяцами, а г. Стрыжов еще ни разу не уплатил обществу ни одной трехкопеечной монеты. После таких недобросовестных сделок, естественно, возникали жалобы, которые по обыкновению оставались без последствия. Масса народа доведена до полного нищества, а господа Стрыжовы блаженствуют за счет несчастных, разграбляемых самыми бесчеловечными способами. Компания «Вьельмонталь» ни в чем не уступает своему приятелю. Но о ней до следующего раза.

1901

<1894 ГОДА, НОЯБРЯ 9 ДНЯ, СЕЛ. ВАКАЦ.>

«1894 года, ноября 9 дня, сел. Вакац.

Из помещений на описываемом месторождении г. Булатовым выстроены: 1) пороховой магазин, 2) кузница и 3) каменные постройки для рабочих и склада руды. Из Николаевского рудника до сортировочной площадки через ручей Галауз проведена проволочная передача на 48 саженей. В проектированный отвод из горных пастбищных мест вошла площадка менее полудесятины, коей пользуется крестьянин сел. Вакац Ацу Кертибиев, и он же в присутствии начальника 3-го участка Владикавказского округа заявил, что никаких препятствий к отходу в отвод его земли не имеет, так как он заранее уговорился с г. Булатовым о оплате ему ежегодно по 24 рубля, а последний выразил на это полное согласие. Подписали горный инженер В. Швачкин, начальник 3-го участка Владикавказского округа капитан Ермеев, горнопромышленник И. Иванович и Булатов; за неграмотных понятых жителей сел. Каинихта Василия Сагкаева и Елмурза Скотаева по их личной просьбе расписался житель сел. Салугардан Задтанев».

Эта выдержка из акта начальника 3-го участка Владикавказского округа поразительно иллюстрирует способ составления тысячей таких же актов по горнопромышленным делам во Владикавказском округе. Прежде всего, никаких каменных построек для рабочих и склада

руды, ни порохового магазина, ни даже проволочной переправы не существовало при составлении акта. Но удивительнее всего то, что имени Ацу не было никогда не только у Кертибневых, но даже во всей Осетии. И этот акт был составлен не на месте, в сел. Вакац, а в Алагире по диктовке г. Булатова. Понятые Василий Сагкаев и Елмурза Скотаев состоят сторожами г. Булатова. Самая местность, указываемая в акте, — ущелье реки Галауз выше сел. Вакаца, служит пастбищем для всего селения. Участок земли, который по акту принадлежит какому-то мифическому Ацу Кертибневу, — сенокосный и составляет собственность не Ацу, а Кертибия Кертибнева, 90-летнего старика, с 1897 года почти уже слепого. А если этому участку в акте присвоено название пастбища, то это, вероятно, потому, что г. Булатов во время прогулок на нем пас своих лошадей и ставил свои палатки. Тем не менее, на «владении Ацу» стали строить с 1900 г. казармы. Общество «Вьельмонталь», игнорируя мифического Ацу, платит 24 рубля за «пастьбу» Кертибию Кертибневу, а о начатых на этом «пастбищном» участке фундаментальных постройках г. Булатов, конечно, не ведет никаких переговоров, потому что участок по акту принадлежит мифическому Ацу.

Помимо всего этого, в обеих компаниях рабочие без всякого присмотра. Нет ни сколько-нибудь сносных казарм, ни общей столовой, пища отвратительная, — продают рабочим что попало, включительно до дохлятины, нет никакой медицинской помощи, нет никакого санитарного надзора.

Самое дорогое чувство парода — благоговение к могилам предков — попирается самым варварским приемом: торговцы строят на них свои лавки, мясники закалывают на них волов, бродячие собаки, добыв кость, за-

бираются в погребальную пещеру и на груди покойников гложут свои добычи.

Но есть еще худшее зло, которое доводит туземное население до отчаяния — это лесные объездчики. Один объездчик, некий Тазе, сговорился с поставщиком лесного материала в рудники и имеет громадный доход от акционеров. Он по целым неделям отсутствует, а лес хищнически рубится, возится на заводы, а иногда горит, и тогда самим же туземцам приходится тушить его в отсутствие объездчика. Но этого мало. В лесу захватывают бедного и богатого. При составлении протокола богатч отделяется взяткой, а за бедным записывается вся порубка; составляются подложные протоколы за порубку леса на личного врага объездчика, на несовершеннолетнего, давно умершего и на мифического Табинга Авсондзова и т. д. Протоколы составляются, значит, чего бояться ревизии... Протоколы направляются в суд, последний пропизносит свой приговор: бедняк Баснат оштрафован в 50 рублей, ребенок одного года Буцо — в 100 рублей, мифический Авсондзов — в 15 рублей, покойник Кацо — в 35 рублей. При выяснении истины все были освобождены от штрафов: бедняк Баснат — по несостоятельности, годовалый ребенок Буцо — по несовершеннолетию, мифический Авсондзов — за неразысканием его на всем земном шаре, если он только не на острове св. Елены в плену у англичан, покойника Кацо — за смертью. Произволу этих необузданных объездчиков нет границ. Тот же объездчик Тазе арестовывает лес, грозит большим штрафом... порубщик варит пиво, режет откормленного барана и или несет все это на дом объездчику или приглашает его к себе. После ублажения порубщик на стол выбрасывает звонкие монеты, и тогда объездчик соглашается на смягчение, так как окончательно простить его не может ввиду того, что

обыск произвел при старшине, а он будет ходатайствовать перед старшим объездчиком, который, надо заметить, берет львиную долю от «доходов» подчиненных. В конце концов он выдает лесокраду билет 2389 года 96 марта за № 0, якобы за старую порубку (!). По этому билету арестованный лес оплачивается по наименьшей цене,— бревна принимаются за жерди пз валежника... Но и это не все. Объездчик вступает в соглашение с целым кварталом, берет с каждого домохозяина по 4—5 рублей с условием брать лес с какого угодно места, но в такое время, когда он отсутствует. С этой целью объездчик часто отлучается и всегда дает знать своим клиентам о своем отъезде. Куда же дальше!? Но, оказывается, есть еще извороты. Нам известны два объездчика, Губа и Закар, которые настоящей весной перед прогоном овец в горы стали объезжать пастухов и «просить» у них курпеев для шубы. Пастухи, понимая, какую роль играет объездчик в народной жизни, за неимением курпеев одаряли их баранами. За два дня они объехали всех пастухов и набрали 40 «курпеев». О шашлыках и кефире и говорить не стоит. Пастухам, конечно, была разрешена пастьба в лесах и льготный прогон через леса. «Льготный» по понятиям объездчиков значит, что стадо в 1000 голов можно засчитать за 100. Закар проводил пастухов до Мацута (мост в Дигурском ущелье), где имел стычку с жителями Нара, которые просили уплатить стоимость прогона. Закар поручился за пастухов, и нарцы ни с него, ни с пастухов не получили ничего за прогон овец через их земли. На все это давно пора обратить самое серьезное внимание.

Девятнадцать лет тому назад по Урухскому ущелью через Белую гору самим населением была проведена дорога, стоившая ему 43 000 рублей. Помимо этого на ремонт ее расходовалось ежегодно по 3000 рублей. С вод-

ворением в ущелье «Терского акционерного общества» дорога с каждым днем все больше ухудшалась благодаря многочисленным тяжелым возам рабочих акционеров, непрерывною цепью двигавшихся по ней. В настоящее время дорога настолько испорчена, что передвижение по ней сопряжено с ежеминутной опасностью для жизни людей и животных. Во многих местах совершенно невозможно разъехаться, и встречающиеся на таких тропах всегда бывают на волосок от смерти. Дорога требует капитального ремонта, или необходимо провести новую дорогу. Ни на то, ни на другое у разорившегося населения нет никаких средств. Акционерные общества и знать ничего не хотят. Неоднократное обращение населения к начальству о том, чтобы горнопромышленным компаниям поставить условием ремонт дороги, которая с величайшим напряжением была выстроена населением в настоящее время совершенно оголенных гор, остается безрезультатным. Не особенно давно был даже сход по вопросу проведения новой дороги по Урухскому ущелью, на который акционерами был приглашен даже начальник Владикавказского округа. Народные представители утешали себя надеждой, что начальство будет на их стороне. Но не тут-то было. «Ездить по дороге нет никому никаких препятствий, а если хотите строить новую, то стройте с акционерами, иначе заставлю вас самих выстроить новую дорогу, и акционеры будут так же пользоваться ею, как теперешней». На эту речь представители народа, конечно, уже ничего не могли ответить. Вот в каком положении очутилось население Урухского ущелья. В других ущельях горной полосы Владикавказского округа положение дел если не хуже, то не лучше.

РАЗВИТИЕ ШКОЛ В ОСЕТИИ

В конце 18-го века часть осетин, стесненных в своих горах более сильными соседями — магометанами-кабардинцами, принуждена была выселиться из гор и отдать себя под покровительство России. Первым поселением осетин на плоскости был Моздок, куда была вынесена ими с собою из гор известная моздокская икона божьей матери. Екатерина Великая учредила в 1793 году моздокскую духовную комиссию для восстановления в Осетии древнего христианства. Правда, немногое могла совершить в то время моздокская комиссия для успешного распространения евангельского учения, но если принять во внимание, что ею отпечатана первая церковная книга на осетинском языке, создано несколько церковнослужителей из природных же осетин, то и эти результаты нужно признать довольно значительными, судя по времени и обстоятельствам тогдашней боевой жизни края. Комиссия эта скоро должна была прекратить свою деятельность и только при императоре Александре I, когда церковное управление Кавказом было сосредоточено в Тифлисе, моздокская духовная комиссия снова возродилась. В отчете совета «Общества восстановления христианства на Кавказе» за 1870 г. по

этому поводу помещена интересная историческая справка: по высочайшему повелению от 21-го февраля 1816 года учреждена была в Тифлисе осетинская духовная комиссия, которой по тому же высочайшему повелению отпускалось из государственного казначейства на содержание духовенства и школ и на вспомоществование новообращенным горцам 23 552 рубл. в год. Из этой суммы от недостатка причтов и от многих других обстоятельств образовался при комиссии экономический капитал, который с процентами к 1860 г., ко времени учреждения «Общества восстановления христианства на Кавказе», простирался до 231 793 р. 36 к. На проценты с этого капитала комиссия строила церкви и снабжала их всеми необходимыми принадлежностями.

По учреждении «Общества» возникло предположение соединить с ним осетинскую духовную комиссию, так как цель последней во всех отношениях совершенно была тождественна с целями первого и соединение это могло усилить средства «Общества». Предположение это было высочайше утверждено, причем штатные и экономические капиталы комиссии были переданы в распоряжение «Общества», с возложением на него установленных комиссиею расходов, т. е. содержания духовенства, школ и сооружений в горах церковных зданий и снабжения их ризницею, утварью и другими предметами.

«Общество восстановления христианства на Кавказе» со дня своего учреждения вплоть до настоящего времени ревностно продолжало дело насаждения в Осетии христианства и просвещения, начатое вышеуказанными осетинскими духовными комиссиями. За последнее время открылся целый ряд женских школ, важное значение которых в жизни кавказского сельского населения признавал уже на заре своей деятельности совет «Об-

щества», что видно из того, что в 1863 году им была основана Владикавказская осетинская трехклассная женская школа, принятая с самого начала под покровительство великой княгиней Ольгой Федоровной, попечительницей совета «Общества». Школа эта, находясь в г. Владикавказе, умственном и административном центре осетин, оказала самое благотворное влияние на положение женщины в Осетии. Из стен этого заведения, одного из лучших светочей христианского просвещения среди горских племен Кавказа, вышли десятки интеллигентных осетинок, примерных тружениц — матерей семейств и народных учительниц, в которых все сильнее и сильнее ощущается потребность для духовно-нравственного воспитания как мужского, так и женского сельского населения. Опыт земских, министерских, а также церковноприходских школ с несомненностью подтверждает тот факт, что учительницы достигают зачастую более благотворных результатов в сельской среде, чем учителя. Во всех своих отчетах совет «Общества» отзывался самым благоприятным образом о постановке учебной и воспитательной части в этой школе. Правда, в 1889 г. совет «Общества» думал совершенно закрыть эту школу, признав ее почему-то бесполезной после двадцатипятилетнего ее существования. Передовые осетины, которые всегда гордились этой школой, не могли не возвысить своего голоса в пользу оставления ее для просвещения своих темных земляков. Высокое заступничество, оказанное в 1889 г. их ходатайству великим князем Михаилом Николаевичем, сохранило эту школу до настоящего времени, благодаря чему окончившие курс воспитанницы могли послужить толчком к открытию целого ряда женских школ. Без учительниц немислимо было бы никогда достичь тех благотворных результатов, которые мы те-

перь видим. Владикавказская женская школа незаметно сделалась по требованиям и обстоятельствам времени женскою учительскою семинариею. Не о закрытии или перенесении ее из края, светочем просвещения которого она была сорок лет, должен идти теперь вопрос, а о более рациональной постановке в ней учебной и воспитательной части согласно требованиям настоящего времени. Наиболее успешные ученицы из сельских школ могли бы поступать с известной подготовкой в эту школу, что дало бы возможность расширить программу и достигнуть более благотворных результатов. В особенности дорого сохранение этой школы в настоящее время, когда стремление к более полному просвещению женщин уже пробудилось в народе. Если школа эта давала, судя по отчетам совета «Общества», полезные результаты в 60-х, 70-х и 80-х годах, когда просвещение и начала гражданственности только проникали в жизнь осетин, то нет никакого сомнения, что школа эта в настоящее мирное гражданское время окажет неоценимую услугу целому краю, будучи преобразована.

Прежде всего необходимо, чтобы во главе школы стояло лицо с подготовкой к педагогической деятельности. Настоящая начальница и ее предшественница ничего общего с педагогикой не имеют. Попали они в школу только благодаря своей связи, как в какую-то богадельню. При первой из них, несмотря на то, что она морила пансионеров голодом и холодом и большую половину года кормила их недоброкачественной постной пищей, во время ревизии школы обнаружено более двух тысяч недочета. Из-за нее и была тогда закрыта школа среди учебного года, и только благодаря протесту осетин и их жалоб школа была оставлена под названием приюта. Теперешний состав служащих несколько не лучше. Преподавание идет настолько пло-

хо, что детям, поступившим в школу с 7—8-летнего возраста, приходится трехклассный курс проходить в продолжение 8—10 лет — время, за которое учащиеся в женских гимназиях окапчивают 8 классов. В школе в составе преподавателей, исключая учительницы рукоделия, нет осетиннок, которые, несомненно, с не знающими русский язык детьми проходили бы более успешно все предметы преподавания. Было бы желательно расширение программы по крайней мере до типа общеучительских семинарий с рукоделием, шелководством, пчеловодством, огородничеством, садоводством и молочным хозяйством. Отпускаемые в настоящее время «Обществом восстановления христианства на Кавказе» средства если будут недостаточны для такого типа школы, то можно войти с ходатайством в подлежащие учреждения о пополнении недостающих для такой школы средств хотя бы даже из епархиальных сумм. А школьное здание можно выстроить на суммы, ассигнованные Синодом на дело церковного и школьного строительства в Осетии. Владикавказская городская дума, судя по многим примерам, вероятно, не откажет в отводе для оборудования школы необходимого участка городской земли. А если слух о переводе Ардонской семинарии во Владикавказ верен, то ардонцы, несомненно, предоставят семинарское здание осетинской женской школе и она раз навсегда избавится от занимаемого теперь тесного здания с мизерным грязным двором, на узкой грязной улице. Местоположение здания Ардонской семинарии с громадным садом при нем и всевозможными падворными постройками даст школе все необходимое для гигиены и занятия сельским хозяйством.

УЧЕБНИК ГЕОГРАФИИ РОССИИ

КУРС ГИМНАЗИЧЕСКИЙ

Составил Михаил Мостовский

Какими источниками пользовался автор этого учебника, мы не знаем, но уже одно причисление всего Кавказского края к азиатской России показывает, что он не вполне знаком с географией Кавказа, которую он трактует как авторитет. Учебник его между тем выдержал восьмое издание и одобрен ученым комитетом Министерства народного просвещения. Ввиду того, что учебник этот введен и в наших кавказских гимназиях, я и остановлюсь исключительно на Кавказе.

«Горы, понижаясь отлого, образуют долины, куда стекают бесчисленные ручьи и речки, освежающие эти большие долины, наделенные теплым климатом; в пяти верстах от них климат наших северных губерний; еще выше встречаем климат Сибири с зимними стужами, метелями и снегами». Все это шиворот-навыворот. Вся северо-кавказская равнина подвержена страшным ветрам, зимою здесь бушуют такие бури, что нет ни прохода, ни проезда, случаи замерзания людей и

животных не только в степях, но даже на площадях станций и городов очень часты. Несколько лет тому назад под пасху, 5 апреля, над северо-кавказской равниной разразилась страшная снежная буря, продолжавшаяся двое суток, которая населению стоила сотни тысяч мелкой и крупной скотины и многих человеческих жертв. Пятиверстное расстояние никакого значения не имеет, если только автор учебника это расстояние не измеряет вертикально. В глубоких ущельях даже на высоте 5—6 тысяч футов никогда не бывает ни сильных ветров, ни метелей. Правда, в горах больше выпадает снега (5—6 аршин), зима более продолжительна, но зато там и солнечных дней больше и климат ровнее. «Самым дождливым местом из всех берегов Средиземного моря считается бассейн реки Риона». Каким образом бассейн р. Риона попал в число берегов Средиземного моря, этого даже сам автор не объяснит. А вот распределение населения Кавказа: 1) «Черкесы или адыге, т. е. жители оврагов, населяют пространство от Черного моря до верховья Кубани, следовательно — западный Кавказ». Словом *адыге* с таким же успехом можно назвать жителя оврагов, как и словом *калмык* — жителя степей или *русский* — жителя лесов. Автор, видимо, очень опытный лингвист. Но это неважно. На берегах Черного моря нет ни одного аула, где бы жили адыге. Их по среднему течению Кубани, после переселения в Турцию, осталось очень мало.

В верховьях Кубани живут карачаевцы; ниже от них попеременно живут ногойцы, абазинцы и 2—3 аула кабардинцев. На север от Эльбруса живут балкарцы, родственные карачаевцам. На северо-востоке — опять кабардинцы. 2) «Абхазцы живут у берегов Черного моря и у верхних притоков Кубани». Это тоже абсурд, так как абхазцы всегда жили только на берегу Чер-

ного моря в нынешнем Сухумском округе. Громадное большинство их в последнюю русско-турецкую войну переселилось в Турцию. 3) «Чеченцы (нахче) живут на среднем Кавказе, к востоку от черкесов». И это неправда, так как между чеченцами и черкесами живут еще ингуши и осетины. 4) «Лезгины живут по соседству с чеченцами... Племя это вело самую ожесточенную борьбу против русских до 1859 года под руководством Шамиля». И это абсурд. Между чеченцами и лезгинами живут кумыки, казы-кумыки и аварцы. Лезгины никакого общения с чеченцами не имеют. Они упорно отстаивали свою свободу самостоятельно под руководством своих ханов, хотя и во время Шамиля. Сам Шамиль был аварец, и главную силу его составляли аварцы. Все же, что было иноплеменного в его армии — кумыки, казы-кумыки, чечепцы и ингуши — все ему изменяли за русское золото, пока, наконец, не довели его до сдачи Гуниба. 5) «Осетины, имеющие по физиономии, языку и образу жизни большое сходство с гермапскими народами, живут вблизи Военно-Грузинской дороги, в Терской области... особенная страсть осетин наниматься в кунаки (т. е. защитник и покровитель)». Это уже верх совершенства. Сходство осетин с германскими народами по физиономии, языку и образу жизни — уже отжившее свой век заблуждение. Осетины живут не только близ Военно-Грузинской дороги, но они спускаются на южный склон главного хребта, населяют большую часть Горийского уезда, северную часть Кутаисской губернии, граничат с юга с Сванетией; граница их переходит на север через главный хребет и по левому водоразделу Урухского ущелья доходит до впадения Уруха в Терек, пересекает Терек и по гребню холмистого предгорья идет на восток, пересекает около Владикавказа Камбилеевку, переходит

на Терек и идет по левому берегу в глубь Дарьяльского ущелья до Гудаура. Что же касается до особенной страсти осетин наниматься в кунаки, так это уже полное невежество и непонимание, что такое кунак. В кунаки никто не нанимается, так как кунак значит гость. А покровительство сильного слабому бывает всегда безвозмездно. Ввиду таких несообразностей в учебнике географии Мостовского, который, к сожалению, преподается даже в кавказских гимназиях, я бы от души советовал автору еще раз исправить, дополнить и издать девятым изданием. То-то деньгу наживет!

1901

ВНУТРЕННИЕ ВРАГИ

Население Кавказа, как и все человечество, чуть ли не с сотворения мира руководилось единственным правилом: «У сильного всегда бессильный виноват». История грузинского племени с его многочисленными разветвлениями наиболее ярко доказывает необузданность в отношении народа разных «тауади», «азнаури» и т. п. Таким «аристократизмом» заразился теперь и Северный Кавказ. Осетинские так называемые «алдары», «тауби» и «бадилата» нисколько не отстают в своих претензиях от грузинских «тауади» и «азнаури», хотя, к счастью, у первых * руки много короче, чем у грузинских «тауади» и «азнаури». Наиболее характерными типами осетинской «аристократии» являются «бадилата». Захватив во время выселения горцев на плоскость громадную полосу лучшей земли, они завели близкое дружеское куначество с кабардинскими «князьями», переняв от них же несколько раньше магометанство, и отдались полному безделию. В настоящее время, когда вся их земля заложена, перезаложена

* В исходном тексте — «у последних», явная опечатка. — *Сост.*

и еще перезаложена, они стеснили до крайности население поселка Дур-Дур и другие соседние селения. Возникают судебные процессы, тратятся громадные суммы на адвокатов, на взятки и на прочие расходы. Жители Дур-Дура с последних пожитков набрали тысячу рублей и отвезли их во Владикавказ присяжному поверенному Берману. Прошло уже более 8 месяцев со дня вручения денег, а защитник себе и в ус не дует, — до сих пор не написал даже прошения. Между тем у населения Дур-Дура имеется документ, свидетельствующий о безусловной принадлежности ему недавно захваченной Тугановыми земли. Документ этот относится ко времени занятия должности главноначальствующего на Кавказе генерал-адъютантом кн. Воронцовым. Помечен 25 августа 1852 года № 1401. Вот что в нем сказано:

«1. Землю эту, в которой, по снятии, на плане оказалось 13 564 десятины пахотной, сенокосной и выгона, разделить на участки между фамилиями старшин и народом следующим образом: а) всем членам фамилии Кубатиевых — 3000 десятин; в) фамилии Караджаевых — 800 десятин; с) капитану Абисалову — 200 десятин; д) остальные 9564 десятины отдать в общественное владение вольным сословиям, отводя особо участок для христиан и особо для мусульман, в соразмерности числа душ мужского пола, на которых и поселить тех и других отдельными аулами.

2. К отмежеванию этих участков и переселению вольных сословий на указанные места приступить немедленно, для чего из Тифлиса командирован топограф Ильющенко в распоряжение пачальника центра Кавказской линии, а если бы одного топографа было не-

достаточно, то прикажите отправить туда офицера или топографа из штаба вверенных вам войск.

3. Лес, которого на плоскости, как исчислено по плану, 21 168 десятин, а в горах — 21 266 десятин, до времени оставить в общем пользовании.

4. Часть земли Николаевской станицы, прилежащую к земле генерал-майора Туганова, весьма удаленную от станицы, заменить, если окажется возможным, землею, ближайшею между реками Дур-Дуром и Белою. Составление соображений о том, каким образом произвести замену, поручить корпуса топографов штабс-капитану Герасимову, на которого возлагается размежевание земель Тагаурского общества.

5. Аул из дигорцев-христиан поселить на месте, избранном князем Эристовым, в котором назначить местопребывание пристава. Насчет назначения благочинного, постройки церкви и учреждения духовной школы делается сношение с экзархом Грузии.

6. Аул Кабанова, поселки Нар и Лескен, отдаленные от своего общества и надзора пристава, водворить около аула Караджаева, где, как объясняет кн. Эристов, хотя теперь мало пахотных земель, но по сделанному им осмотру оказалось там много мест, на коих очень удобно вырубить леса и очистить их под пашни, и притом же как жители названного аула, так и другие дигорцы остаются довольными этим переселением и не будут оным стеснены.

7. С поселением вольных сословий на участках общественных они не отбывают поземельных повинностей бадилатам.

8. Остающиеся или поселяемые на собственных старшинских участках дигорцы простого народа отбывают по-прежнему как земельные, так и личные повинности.

9. «Кумнякам» — христианам предоставить право разобратся с бадилатами по народным обычаям, и если по таковому разбирательству окажется, что «кумняки» имеют право на переселение от владельцев и если прежде были примеры подобных переселений, то и им дозволить переход в христианский аул, в противном случае оставить их на земле бадилатов и стараться склонить владельцев и «кумняков» на взаимные друг другу уступки, во внимание к освобождению от зависимости владельцев и переселяемых на общественные участки христиан и магометан.

10. Показанные на плане в горных местах сенокосные и пахотные земли, присвоенные тем, кто их расчистил, оставить в их владении, но с тем, чтобы на будущее время никто без разрешения начальства не делал расчистки лесов для обращения в пахотные и сенокосные поля; участки сии отмежевать ныне же.

11. Владеемые генерал-майором Тугановым участки, сверх высочайше дарованной ему земли, должны быть непременно обращены в надел других дигорцев, а ему теперь же воспретить пользоваться ими.

Сообщая все сие Вашему превосходительству к зависящему распоряжению, честь имею присовокупить, что для выиграния времени копия с сего предписания и план дигорских земель препровождены прямо к начальнику центра кавказской линии. Подписал главнокомандующий генерал-адъютант кн. Воронцов, скрепил исправляющий должность начальника главного штаба свиты его величества генерал-майор Вольф».

Это распоряжение главноначальствующего достаточно ясно рисует истинное положение вещей. За исключением отведенных генералу Туганову, фамилиям Кубатиевых, Караджаевых и капитану Абисалову, вся остальная земля принадлежит населению. Что же ка-

сается до «кумиаков», то и они не крепостные крестьяне, а люди совершенно свободные в выборе местожительства. «Кумиак» это то же, что и осетинское «кавдасард», родившийся от того же представителя бадилат не от главной жены, а от второй, а то и третьей и даже четвертой. Они члены семьи и во всякое время могли отделиться от нее и жить где угодно. Претензии осетинских «аристократов» после освобождения <крепостных> крестьян, которых в Осетии в настоящем смысле этого слова совсем не было, слишком смелы и недостойны истинного патриота своей родины. Добиваться каких-то титулов и владельческих княжеских поместий, чтобы их закладывать и перезакладывать, бездельничая всю жизнь, возбуждая население, угнетая и лишая всяких средств к существованию и так обездоленный народ, бессмысленно, не честно и не достойно людей, претендующих на благородство. Когда в стране ничтожная кучка самообольщенных начинает агитировать против трудолюбивого и обремененного до крайности населения, то такую кучку людей не только нельзя считать своими единоплеменниками, но прямо самыми злейшими врагами экономического и нравственного благополучия одноплеменного населения. Это враги внутренние, которым для общей пользы давно пора бросить бессмысленную рознь с народом.

ЦЕРКОВНОПРИХОДСКИЕ ШКОЛЫ В ОСЕТИИ

Состоявшийся текущим летом съезд учителей церковноприходских школ Северной Осетии затронул очень важные вопросы школьной жизни. За отсутствием сколько-нибудь сносных учебников, съезд постановил ввести в осетинских школах известный учебник русского языка Я. Гогобашвили — «Русское слово».

Для более рациональной постановки родного языка в осетинских школах съезд решил теперь же приступить к составлению учебников. Кроме того, решено организовать общество взаимопомощи учителей и учительниц церковноприходских школ.

Постановлением того же съезда решено открыть в сел. Ардон, при духовной семинарии, склад учебных пособий для осетинских школ. Там же открывается учительская библиотека.

Все это превосходно. Но есть в жизни церковноприходских школ Осетии очень много недочетов. Во-первых, положение учителей и в особенности учительниц. Труд, которому эти сеятели «разумного, доброго, вечного» посвящают все свои лучшие годы, оплачивается

каким-то нищенским подаванием в 12 рублей в год, за небольшим исключением. Это положение ухудшается еще тем ветхозаветным порядком получения жалования, который сохранился только на Кавказе в среде священников и учителей, получающих свое содержание из средств «Общества восстановления христианства на Кавказе», — по третям, да еще с большими запозданиями. Вот что говорит по этому поводу г. Тульчинский, в «Терских ведомостях».

«Добро еще, если бы эта получка аккуратно совпала в срок, но дело в том, что жалование высылается из Тифлиса и всегда месяцем позже данной трети, причем не следует упускать из виду, как указано выше, то обстоятельство, что содержание получается по истечении трети, в продолжение которой надо было жить без денег, а следовательно, влезать в долги. Все это в совокупности значит: за свой адский труд получай от 40 до 100 рублей и эту гомеопатическую сумму размежуй, как знаешь, чтобы хватило с долгами расплатиться и жить целых пять месяцев. Задача не из легких. Но на деле и это еще не все: учителя и учительницы за своим жалованьем должны ехать в Ардонское селение, что естественно сопряжено с потерей времени и более или менее с значительными расходами, в особенности для тех, которым приходится ехать из Стыр-Дигорского, Махчешского приходов и других отдаленных местностей. Кроме того, такие поездки для многих учителей еще более удлиняют срок получения своего жалования.

Неприглядность такого положения еще выпуклее обрисовывается, когда скажем, что каждый служащий в других учреждениях, вследствие ежемесячного получения жалования, к великим годовым праздникам рождества Христова и святой пасхи может иметь для

себя и семьи обновки, а для стола традиционных гуся и поросенка, тогда как эти труженики сельского просвещения не только лишены этой относительной роскоши, но подчас многие из них не имеют для себя и семьи достаточного количества хлеба, ибо свое скромное жалованье они получают в три присма: в январе или феврале, в мае или июне и в сентябре или октябре».

В горной Осетии положение учалцих невыносимо еще потому, что там школьные здания похожи скорее на хлев, чем на просветительное учреждение. Тесные, низкие, ничем не обмазанные каменные сараи, большею частью с земляным полом, с маленькими оконцами и жестяной плитой вместо печи. Несмотря на громадные ассигновки высшим духовным начальством на постройку церквей и школ на Кавказе, <необходимые средства редко направлялись> в горную Осетию, где, по крайней бедности населения <и ввиду> суровой и продолжительной зимы, особенно необходимы отвечающие своему назначению школьные здания, церкви и квартиры для священников и учителей.

Ненормальным и чрезвычайно обременительным является также преподавание славянского языка детишкам 7—10 лет, не умеющим еще читать и говорить по-русски. В газетных сообщениях о заседаниях съезда учителей церковноприходских школ ничего не упоминается об этой ужасной постановке в горной Осетии церковноприходских школ. В Карачас, Кубанской области, сельские школы Министерства народного просвещения, содержимые на счет населения, имеют пансионы, благодаря чему детям из разбросанных по ущельям аулов не приходится бегать в школу зимою по морозу полунагими. Учителя этих школ получают 600 рублей (50 рублей в месяц) с квартирой, прислугой,

отоплением и освещением. Школьное здание в Уч-Кулане большое двухэтажное, выстроенное при бывшем уездном начальнике Петрушевиче. В горной Осетии, где население приходов разбросано на разных крутизнах, на расстоянии 5—6 верст, где суровая, долгая, с глубоким снегом зима совершенно лишает возможности посещения школы детьми из отселков,— необходимы такие же школы, как в Карачае. Об этом надо подумать местному епархиальному начальству, училищному совету, съезду учителей и самому населению. С божьей помощью только общими силами этих учреждений вопрос о правильной постановке школьного дела в горной Осетии может разрешиться в самом благоприятном смысле.

1901

НАСУЩНЫЕ ВОПРОСЫ

Обострение земельного вопроса в Терской области в последнее время поставило население, в особенности туземное, почти в безвыходное положение. В горной полосе земли до того истощились, что при тяжелом каторжном труде жители поголовно питаются впроголодь. Плоскостные земли, благодаря громадному увеличению населения, стали до такой степени недоступны горцам, что об их аренде через 2—3 года не может быть и речи.

Назойливое слово «иностранец» в казачьих станицах — в осетинских селениях заменилось словом «временнопроживающий», оно тем более ужасно, что ни у одного из них нигде не осталось ни кола, ни двора. Неся наравне со всеми коренными жителями, а зачастую и вне очереди, все общественные и земские повинности натурой и деньгами, платя обществу за усадьбу, арендуя для пахоты, покоса и пастбы за дорогую цену участки коренных жителей, эти несчастные пасынки не пользуются даже правом голоса на сходах. Но и это, куда ни шло, можно стерпеть, но горе, что вопрос о «временнопроживающих» дошел до такого напряжения, что далее некуда. Начинают

выступать уже адвокаты в защиту коренных жителей и, главным образом, кулаков и мироедов, которые не хотят примириться с тем, что они уже не могут вспахивать так много земли, которую они до наплыва «временнопроживающих» арендовали за бесценок. Как теперь от них избавиться? Очень просто! — Найдем адвоката и выгоним их вон! «Но тогда, — говорит г. Цаголов в «Терских ведомостях», — еще назойливее ведь будет мучить нас вопрос: куда деть эту голодную армию, этих изгнанных и обездоленных своими братьями горемык. От вопроса избавилось только селение, но для области он по-прежнему остается вопросом, даже еще более обострившимся.

Нужно, стало быть, искать другого пути для разрешения, и именно такого, который дал бы возможность этим земледельцам приложить свой труд. Иными словами — нужно постараться так или иначе снабдить этих горемык землей, так как, собственно говоря, отсутствие земли и заставляет их тянуть нелегкую лямку «временнопроживающего».

Но откуда взять землю? Да оттуда, откуда берут ее переселяющиеся в нашу область немцы, латыши, русские крестьяне и др. Часть этих переселенцев, как известно, покупает землю у наших землевладельцев при помощи разного рода кредитных учреждений. Такие земли еще не все скуплены. Обширные площади ждут еще покупателей. Наши землевладельцы не подготовлены к ведению хозяйства и потому рады сбыть поскорее с рук свои земли. Другая же часть арендует земли у тех землевладельцев, которые, не занимаясь сами хозяйством и воздерживаясь пока от продажи, все свое благополучие стремятся создать на ренте. Есть затем у нас в области и свободные казенные земли, часть которых можно передать «временнопроживаю-

щим» если не в собственность, то, по крайней мере, на праве вечнонаследственной или долгосрочной аренды. Однако самое главное внимание все-таки должно быть обращено на частновладельческие земли, которые для сельскохозяйственной эксплуатации являются наиболее пригодными.

Да, наконец, многие селения плоскости, особенно Кабарды, не так уж бедны землей, чтобы не могли выдержать двух-трех семейств «временнопроживающих». Препятствовать селиться в них «временнопроживающим» является делом далеко не основательным. С какой стати ограничивать людей правом выбора места жительства? Что сказал бы тот же «коренной» житель, который так гонит теперь «временнопроживающего», если бы ему, например, не дозволили проживать нигде в России, за исключением места коренного жительства? Ведь он завопил бы, что это несправедливость, беззаконие и пр. и, пожалуй, прибег бы опять к «компетенции адвоката». Так почему же он не хочет предоставить это право «временнопроживающему»? Не давай ему пая из пахоты, сенокоса и т. д. Но зачем не давать усадьбы, если он тебе за это посаженную плату будет вносить? Зачем не давать ему возможности арендовать землю у коренных жителей, не могущих, в силу тех или иных условий, использовать свои паи? Говорят, земли мало! Там, где ее мало,— она дорога и коренной житель к тому же не отдаст ее в аренду, если она ему необходимо нужна. И затем, не насильно же отбирают земли «временнопроживающие». В конце концов ведь все эти слезы о тесноте исходят от тех, которые, за исключением своих паев, распахивают и паи своих односельчан. Для этих богатеев, действительно, «временнопроживающий» неприятен, так как увеличивает

арендную плату и заставляет его, богатея, выкладывать лишнюю копейку.

Наконец, пример переселения безземельных осетин горной полосы Владикавказского округа в 1870 году в Кубанскую область ясно свидетельствует, что и теперешние безземельные туземцы еще с большей охотой поселились бы на казенных землях Терской и Кубанской областей. В семидесятых годах не было железных дорог, переселение совершалось на арбах. Сто пятьдесят семейств плелись длинной вереницей скрипучих арб больше месяца от сел. Ардона до слияния рек Теберды и Кубани. Благодаря превосходному климату, тучной непочатой земле с обилием леса, обширных пастбищ, лугов и воды, эти бедняки в продолжение 30 лет больше чем удвоились и сделались настолько зажиточными, что в настоящее время ни одно осетинское селение, не говоря о других туземцах, не может сравниться с ними... Обширное овцеводство, пчеловодство, скотоводство и коневодство, с постоянным хорошим урожаем всех видов хлебных злаков, дали возможность переселенцам преобразить свой небольшой поселок в городок с массой домов под железной крышей, прекрасным школьным зданием и торговыми заведениями. В Кубанской области еще очень много земель, освободившихся после переселения кабардинцев в Турцию. Из этих земель наиболее подходящими для безземельных осетин горной полосы были бы, несомненно, земли, расположенные на предгории.

Для улажения этого назойливого и обострившегося до крайности вопроса необходимо участие областной администрации. Надо собрать точные сведения о числе безземельных и «временнопроживающих» в Северной Осетии и снести с главным кавказским управлением

и Министерством земледелия и государственных имуществ по вопросу о поселении на казенных землях Терской или Кубанской области безземельных осетин Северной Осетии. Другого исхода нет.

1901

ПУТИ СООБЩЕНИЯ В ГОРНОЙ ПОЛОСЕ КАВКАЗА

Из года в год продолжительные ливни, снеговые завалы, осыпи и т. д. приводят в горной полосе Кавказа и так очень опасные дороги, вернее — тропинки, в совершенную негодность для проезда, а местами и для прохода. К расширению их и постоянному уходу за ними применяются только самые примитивные меры. Зачастую население гор по неделям и месяцам не имеет доступа на плоскость. Между тем, при скудности урожаяев, сказочном малоземелье и современной дороговизне продуктов первой необходимости, периодически замкнутому в глубоких ущельях населению приходится испытывать такие трагические моменты, о которых плоскостный житель не имеет никакого понятия. Многочисленные туристы, скитающиеся в последнее время по Кавказу в самую лучшую пору года, на каждом шагу переполняют воздух восклицаниями, вызываемыми то прелестью чудной панорамы гор, то ужасом зияющей под ногами бездны. Интересно бы видеть этих туристов в позднюю осень и глубокую зиму в дебрях гор, тогда, несомненно, их летние восторги заменились бы ужасом предсмертной агонии. Они увиде-

ли бы тогда, как в Касарском ущелье (Военно-Осетинская дорога) с узкой, пробитой в отвесной скале тропы, покрытой сплошь льдом, срывается в бездну наполненная кукурузой арба с последней лошадейю одетого в лохмотья осетина. Они увидели бы тогда, как снежными завалами снесено с высоких крутых скатов сенокоса в бездну ущелья все собранное в копны сено, как население копошится в этих колоссальных лавинах, разыскивая свое сено, с бранью оттягивая друг у друга раскопанную кучку сена, стараясь убедить всех, что это сено мое, а не его. Такие драмы разыгрываются теперь в Нарской котловине. Осматривали испорченную дорогу некие инженеры, которые предлагали охотникам за исправление дороги только 50 рублей — за работу, которая на худой конец обойдется в 250—300 рублей. Такое ужасное бездорожье по всей горной полосе Кавказа необходимо как можно скорее устранить. Средствами для удовлетворения этой вопиющей нужды миллионного населения могут послужить неизвестно в каких сундуках и где храпящиеся горские штрафные суммы, а при их недостатке можно было бы войти с ходатайством в подлежащее учреждение о казенной субсидии. Во всяком случае, дорожный вопрос в горной полосе Кавказа является самым насущным, ставящим на карту многие человеческие жизни с трагической кончиной.

НА ЧУЖБИНЕ

...Родная земля!
Назови мне такую обитель, —
Я такого угла не видал,
Где бы сеятель твой и хранитель,
Где бы русский мужик не стонал?

Некрасов

Далеко-далеко, в Киевской губернии, в Уманьском уезде есть волость Тальновская, в которой имеется село Майдановское.

С освобождением крестьян, крестьяне села Майдановского были наделены землей в очень незначительном размере. С увеличением населения «стало тесно», земля вся перепахана, скот приходилось кормить ветвями, сажень соломы стоила 25 рублей, пуд дров 10 копеек. Стали арендовать землю у графа Шувалова и у киевских монахов, но это продолжалось недолго, так как графская земля вся пошла под сахарный тростник, а с монахами не было никакого ладу, — курица забежит к ним за межу, и то целое горе!

Становилось все тесней и тесней... Скотина падала, — летом негде пасти, зимой нечем кормить... Что делать? Куда деваться? Долго судили, долго рядили, и, наконец, порешили искать счастья на чужбине. Часть их пошла в Оренбургскую губернию, другая — в Нижегородскую, а третья на «погибельный» Кавказ.

Что случилось с первыми двумя партиями — неизвестно, но та партия, которая попала к нам, находится в самом ужасном положении.

Хутор Фальмановский, где поселились эти переселенцы (малороссы), отстоит от станции Бороково Владикавказской железной дороги в 30 верстах. Дорога от станции Бороково к хутору пересекает аулы Малой Кабарды — Муртазово, Астемпорово и Исламово.

С первого взгляда всякий сколько-нибудь знакомый с условиями гигиены поражается антигигиеничности места поселения хутора. Болотистая котловина со стоячей водой, где размещены наскоро сколоченные жилища, быстро напирала организмы переселенцев малярией, и с 7 июля по 5 октября из 170 душ умерло 16, из них семеро детей.

Ко всему этому — многократные нападения ингушей, оканчивающиеся похищением у крестьян лошадей, коров и быков.

Такое безвыходное положение не могло остаться тайной для его превосходительства г. начальника Терской области, который немедленно распорядился отправить стражу из пяти казаков во главе с офицером; население снабжено ружьями, больным оказана медицинская помощь, устроена по частной инициативе столовая, дети и взрослые снабжаются платьем, обувью и другими необходимыми вещами. Однако всего этого пока недостаточно — необходимо обеспечить их до нового урожая и помочь им построиться на более высоком месте во избежание новых заболеваний. Пожертвования деньгами, платьем, обувью и другими вещами можно направлять на имя Варвары Григорьевны Шредерс.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО К ОСЕТИНСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Кавказское кустарное производство давно уже обратило на себя внимание нашего правительства и общества.

Многочисленные и до крайности разнообразные изделия этого производства с каждым годом с неимоверной быстротой увеличиваются и совершенствуются безостановочно.

К величайшему прискорбию, до сих пор сбыт кустарных изделий остается таким же убыточным, как пятьдесят лет тому назад.

Расплодившиеся повсеместно мелкие лавочки, с гнилым ситцем, залежалым хламом и разными негодными отбросами, всецело завладели трудом кустарей, меновой торговлей, доводя до минимума действительную стоимость кустарных изделий и перепродавая их в городах втридорога.

С этой возмутительной эксплуатацией и так бедного населения необходимо бороться, бороться долго, упорно, чтобы раз навсегда искоренить ее.

Борьбу эту должна начать наша интеллигенция и для достижения цели должна принять самые радикальные меры.

Прежде всего надо открыть во Владикавказе контору с магазином, куда бы население Владикавказского округа, а там, бог даст, и все население Терской области могло направлять все изделия своего кустарного производства.

Для полного регулирования притока в эту контору кустарных изделий необходимо призвать на помощь священников, учительниц и учителей, чтобы они оповестили население об открытии во Владикавказе конторы для приема и продажи по действительной стоимости кустарных изделий, а, главное, просить их о том, чтобы они заведовали сельскими конторами, которые должны служить передаточными пунктами для доставления из них в городскую контору партий кустарных изделий.

На оборудование конторы с магазином и, в первое время, на ее содержание необходимы, конечно, средства, достаточные для начала дела. Помимо членских взносов, частных пожертвований и небольшого процента с проданных кустарных изделий, надо обратиться к самому народу, чтобы каждое селение для этого всенародного дела ассигновало одновременно доступную ему сумму и ежегодные сравнительно небольшие субсидии до укрепления дела.

Устав и программу действий для скорейшего осуществления этого, жизненного для всего трудящегося туземного населения области, учреждения в самых широких размерах можно разработать в предварительном заседании живущих во Владикавказе интеллигентных туземцев, без различия национальности, в качестве учредителей «Общества покровительства кустарному производству в Терской области».

**ПИСЬМА
1886—1904**

А. Я. ПОПОВОЙ

21 мая 1886 г. Владикавказ.

Вы, вероятно, помните слова Пушкина, написанные пером Татьяны к Онегину: «Я к Вам пишу, чего же боле?». Не думайте, Анна Яковлевна, что подобное письмо только для девушки может служить весьма щекотливым вопросом. Уверяю Вас, нет. Оно рискованно если не в большей, то, по крайней мере, в такой же степени и для нашего брата. Рискованно и очень рискованно... Почему?— это понятно почти всякому, а тем более Вам, ибо Вы прекрасно знаете (насколько я Вас понимаю), как подавляюще действуют общественные предрассудки на людей, которые в силу жестокой необходимости принуждены если не всецело, то до некоторой степени подчиняться им. Лица, которые стоят между мной и Вами, заражены этими предрассудками до мозга костей. Они (как говорит Шиллер) «исказили свою здоровую природу безвкусными условиями» и потому делают всякое свободное движение неиспорченной души положительно невозможным. Не бесчеловечно ли это? — вот уже почти пять месяцев, как я впервые увидел Вас на бульваре и, подчиняясь голосу сердца (совершенно не зная еще, кто Вы такая), готов был

пожертвовать бог знает чем, чтоб иметь возможность хоть одну минуту побеседовать с Вами. В то время Вы, вероятно, и не подозревали, что какой-то оборванец-осетин, мозоливший всем глаза на бульваре, только затем и просиживал там по целым дням, чтобы обменяться хоть одним взглядом с поработившей его незнакомкой (которая, впрочем, очень нещедро награждала его за долгое томительное ожидание). Вы впоследствии оказались этой незнакомкой. Я с восторгом узнаю, что Вы подруга Веры. Все мои желания, все мои мысли сливаются в одно: «Аня, Аня! Я хочу во что бы то ни стало познакомиться с тобой!» Эта мысль делается моим девизом. Все, что неприкосновенно к этому, не имеет с тех пор ровно никакого места в моем черепе. Сначала я надеялся очень скоро достичь этого, но... потом... потом я стал все более и более убеждаться, что для меня это почти (если не совсем) невозможно. Не знаю, кого винить, — или я заблуждался все время, или... Нет! Я уверен, что Вы не были против этого знакомства, Вы не избегали меня... Словом: чем неудержимее я стремился к этой цели, тем сор общественных пред-рассудков (позвольте мне так величать преграды нашего знакомства) все сильнее и сильнее стал препятствовать каждому моему шагу. Не раз я выбивался из сил, падал... поднимался... снова падал... и вот в этом прошло более 4 месяцев. Окружающие стали смотреть на меня, как на сумасшедшего, но... я все-таки если не отдалился от цели, то и не приблизился к ней, кажется, ни на одну линию. Вы не можете, Анна Яковлевна, вообразить себе мои мучения в продолжение этого времени! Такое скромное, невинное желание, и я не мог удовлетворить ему!.. Мне нравится такой-то, я хочу с ним познакомиться, поговорить... (хотя бы для того, чтобы убедиться в том, что я ему противен),

а мне отвечают: «Нет, постой... ведь это не принято, неудобно, нельзя»... Судите сами — где же тут справедливость? Теперь, чувствуя свое полнейшее бессилие, я падаю снова, но с этим падением у меня вырывается вослед уходящему от меня призраку крик отчаяния и тяжелый мучительный стон от невыносимой усталости... Вы оборачиваетесь на крик... и... что же? В Вашей воле или отвечать на него горьким презрительным смехом, или почтить сочувственным вздохом, или... — но это будет слишком немилосердно — наградить холодным, мертвящим невниманием... О боже мой! На что же нам дано сердце?! Неужели это только кусок мяса, отправляющий известную механическую работу в нашем организме? Неужели оно не может проявляться в симпатиях и антипатиях?.. О, тогда я отвергаю всякую веру, я с негодованием оттолкну все, что принято называть прекрасным, божественным. Я сумею посмеяться над своими ошибками...

Дорогая Анна Яковлевна! Я, как видите, наговорил даже слишком много, по Вы все-таки, быть может, в недоумении спросите себя: «Чего же он хочет?» Сказать Вам — чего? Я прошу, я жажду каких-нибудь минутных бесед с Вами... Кажется, не многого, но вместе с тем очень многого. Я хочу, чтобы мы время от времени обменивались с Вами нашими мыслями... Поймите, Анна Яковлевна, от этого Вы сами почти ничего не потеряете, а для меня это необходимо... Одно Ваше слово может возратить мне потерянный покой. Я хочу услышать истину из Ваших уст или прочесть ее на клочке бумаги, перешедшей через Ваши руки... Мне нужно рассеять мои подозрения, иначе я мучаюсь, свидетель бог — слишком сильно мучаюсь. Скажите мне одно слово — «я Вас ненавижу» — и я буду спокоен. Я подозреваю, что Вы не прочь со мной познакомиться,

поговорить... что Вам что-то постороннее, а не Ваше сердце мешает это сделать... И если это так, то я хочу просить Вас, как человека, а не как светскую барышню, пренебречь глупыми формальностями общественного приличия и быть со мною откровенной настолько, конечно, насколько это Вам позволяет доверие к человеку, который никогда никому не подавал повода назвать его подлецом, негодяем. Видите, Анна Яковлевна, — какое смелое требование. Но нет, это не требование, это просьба, поверьте — просьба, сопровождаемая почти слезами. Просьба, основанная на вере в симпатию душ и гармонию сердец. Ах, дорогая Анна Яковлевна, как мало людей, наделенных счастьем святой гармонии дружеских сердец! И это все благодаря общественным предрассудкам. Трудно, Анна Яковлевна, ей-богу, трудно жить

Без божества, без наслажденья,
Без слез, без дружбы, без любви...

А впрочем, быть может, я ошибаюсь, быть может, Вы имеете и друзей и... быть может, Вы счастливы... Простите! Я безоружен, беззащитен... Вы можете перед всеми хвастать своей победой, показывать своим друзьям этот листок, как неоспоримое доказательство такой победы... Ну, что ж? Разве Вы не будете правы? Но Ваше великодушие, Ваше благородство (ведь я рассчитываю на их покровительство) разве позволят Вам показать мое письмо кому бы то ни было — будь он даже Ваш брат, Ваш друг?..

Будьте же справедливы, и если это нужно — беспощадны, но только искренни — произнесите надо мной Ваш (понимаете, Ваш, только Ваш личный) приговор. Я жду его с нетерпением и, клянусь Вам честью, выслушаю его с мужеством, будь он для меня смертель-

ным. Я буду Вам век благодарен, если Вы раскроете мне глаза и дадите мне узнать истину. Оставив это письмо без внимания и ответа, Вы тем самым лишите меня права считать себя членом интеллигентного общества. Но Вы это не сделаете — не правда ли?

Весь в Вашей власти

Коста.

Р. С. Об этом письме не знает никто, кроме меня и Вас. Прилагаемое к письму стихотворение прошу хранить до тех пор, пока Вы не захотите сгладить из своей памяти воспоминание о злосчастном знакомом незнакомце.

А. А. ЦАЛИКОВОЙ

15 июня 1891 г.,
сел. Георгиевское.

Может показаться странным, что я адресую письмо на Ваше имя... Имею ли я на это право — не знаю и даже не стараюсь знать. Я пишу, потому что чувствую в этом потребность... Адресую Вам, потому что верю в свой собачий инстинкт, который мне говорит, что Вы охотнее других будете делиться со мною владикавказскими новостями. Неприятно Вам — разорвите письмо, нахмурьте брови, надуйте губки и назовите меня глупцом. Улыбаетесь... ну, и слава богу!.. Я очень рад побеседовать с Вами издали... Прежде всего, позвольте Вас поздравить с окончанием курса. Теперь, надо полагать, к Вам невозможно будет подъехать и на буланой козе; но ничего — мы Вам и издали с полным нашим удовольствием будем ломать шапку, а Вы нас удостаивайте легким кивочком. — Хорошо? Как бы я хотел взглянуть на Вас хоть одним глазком... Я до сих пор не верю, что я за 400 верст от своих владик-

кавказских друзей, а между тем это так... Пять дней я уже дома, а не могу оглядеться. Сегодня только развязал свои чемоданы и привел в порядок свою комнату... Ваш портрет (я до сих пор скрывал, а теперь признаюсь, что я нарисовал для себя Вашу физиономию...) я повесил рядом с изображением матери. Простите за такое «присвоение чужой собственности» — я не юрист, а художник, которому позволительна некоторая вольность... Эх, Анна Александровна! Хорошо Вам... Вы так молоды, полны жизни и энергии. Вы еще не знакомы с разногласием совести и житейской мудрости... Я Вам завидую. Горе Вам, если Вы с своей отзывчивой душой и способностями заразитесь предрасудками «мишурного света». Воспитайте до непоколебимости Вашу любовь к труду и человечеству, и Вы будете счастливейшею из смертных. Не смейтесь. Я не учить берусь Вас, а говорю то, в чем глубоко убежден. Мне вообще очень часто хотелось с Вами беседовать, как друг и брат, но... странно слагаются мои обстоятельства. Едва только я перехожу за пределы простого знакомства, начинаю привязываться к человеку, как родному существу... едва я начинаю чувствовать потребность в его обществе, в его нравственной поддержке, как неумолимая судьба выдвигает между нами буквально непроницаемые стены... То самое случилось со мной и тогда, когда я поселился в Вашем доме. Есть очень характерная поговорка (русская): «Лучше не свыкаться, чем нам расставаться». Я так привязался к Вашей семье, что положительно отвык воображать себя вне Вашей среды... Все Ваши интересы делались мне дороги, как собственные... Казалось — не было мысли, не было мечты, которую я мог бы скрыть от вас (говорю обо всех). Лично Вы могли этого не понимать... Елена Александровна также не могла знать,

но Александр, вероятно, чувствовал это хорошо. Людей пугает это сближение сердец... Они не понимают жизни без расписок, векселей и нотариальных обязательств и, «рассудку вопреки, наперекор стихиям», разрушают человеческие отношения. В одно время я был почти в приятельских отношениях с Аликовой (Анечка), а теперь она говорит обо мне, что я ее сватал, но она отказала... О, жалкое тщеславие! При случае передайте ей, что я не сержусь на нее и во всяком разе не стану платить ей той же монетой... Остерегайтесь, как друг говорю Вам — остерегайтесь этих институтских замашек... Пишите, умоляю Вас, обо всем, что придет в голову... Буду благодарен до бесконечности. Других не смею просить — они народ занятой, серьезный... Как Ваша музыка? Поклон всем.

Как прошли экзамены Михаила? Уехал ли Газп? Как собираетесь провести лето? Словом, пишите все, все подробно и почаше.

Коста.

Адрес: через Баталпашинск (Кубанской обл.).
В Георгиевско-Осетинское селенне.

Адрес: В г. Владикавказ.

Ее высокоблагородию

Анне Александровне Цаликовой
Тарская улица, д. Кочинова.

В. Г. ШРЕДЕРС

19 сентября,
сел. Георгиевское.

Всегда так бывает, дорогая Варвара Григорьевна, — разъедутся друзья, поскучают месяц, другой, настрочат друг другу по небольшому листку почтовой бумаги и забывают все минувшее.

«Кто устоит против разлуки». Я не упрекаю Вас — боже сохрани... Человеческую натуру трудно переделывать. Мы с Вами — не исключение, а о других и говорить нечего.

Больно одно — я слишком нуждаюсь в нравственной поддержке, чтобы так скоро выбросить меня за борт товарищеской заботливости. Положение мое не поддается описанию... Я отрезан от всего. Предлагают поступить писцом в управление отдела или конторщиком на серебро-свинцовом руднике в Карачае. Последнее все-таки лучше. Жду, что будет дальше... Спасайся, кто может... Разве Шиллер мог бы теперь сказать мне: «будь доволен и тем, что любишь безнадежно», так как по его свидетельству — «любовь лишь знает тот, кто любит безнадежно». Ха-ха! Старая песня!

К 10 ноября приглашаю Вас, и вообще всех друзей на свадьбу. То ли дело — «жена да боится мужа, а муж да колотит неразумную жену»... Коротко, ясно и вместе с тем очень глупо... Что делать?!

Иссякла мысль, тускнеют очи,
Остыла кровь, изныла грудь...
Душа мрачней осенней ночи,
Замолкла песнь... Утерян путь...

Былого нет... В игре ничтожной
Без назначения и следа,
Как сон болезненно-тревожный,
Промчались лучшие года...

В грядущем... нет, не надо счастья,
Я не привык, я не хочу...
Один лишь звук, лишь миг участия.
За них я жизнью заплачу...

Но, видно, не судьба. Во всяком случае еще не все потеряно. Я жду... Ради Христа пишите, пишите — Христа ради. Поклон всем.

Ваш Коста.

Маленький Хорадзе с большим успехом может быть назван большой свиньей. Что случилось со школой осетинской?

А. Я. ПОПОВ

10 апреля 1893 г.,
г. <убернский> г. Ставрополь.

Вы уже «бабушка», а я тем более дедушка с значительной сединой и солидною плешью на голове... Идет восьмой год, как я, впервые встретившись с Вами, уже ни на минуту не забывал Вас — достаточное, кажется, время для обсуждения наших взаимоотношений. Давайте же решим наконец роковой вопрос: быть или не быть? Я предлагаю Вам незапятнанную совесть, честное имя, любящее сердце и трудовую жизнь, и если найду в ответ «Один лишь звук, лишь миг участия», то — «За них я жизнью заплачу»...

Скажите прямо, дорогая Анна Яковлевна, — да или нет. Не томите слишком долго в ожидании ответа.

Всегда, ныне и присно безгранично преданный Вам и безмерно любящий Вас Коста.

Р. S. Адрес: в г. Ставрополь. В редакцию газеты «Северный Кавказ». К. Л. Х.

Хотел на этом закончить письмо, но не могу... Я должен высказаться более откровенно... Анна Яковлевна!

В чем Вы сомневаетесь? Что Вас особенно пугает? Почему Вы боитесь выходить за меня?.. А Вы боитесь, именно *боитесь* — это я чувствовал всегда, чувствую и теперь... Но не вполне ясно понимал причины такого страха... Вы, конечно, никогда не питали ко мне и сотой доли моей привязанности к Вам, но Вы не чужды были теплого участия и сердечного расположения ко мне — это верно — и при этом как будто боялись более сильного сближения со мной — почему? Главная причина, конечно, — моя материальная необеспеченность, вторая — мое неопределенное положение в обществе, третья — неодинаковость религиозных исповеданий и национальная рознь. Дорогая Вы моя Анна Яковлевна! Разве я говорю, что было бы худо быть материально независимым и уважаемым членом общества? Разве религия и национальные традиции — последняя спица в житейской колымаге? Я говорю только, что им нельзя придавать такого громадного значения в деле семейного счастья, нельзя из-за них разрушить величайшую гармонию мироздания, лучшее проявление бога на земле — созвучие сердец, сродство душ... любовь. Послушайте, что говорит С. Смайльс в своей знаменитой книге «Ум и энергия». «Домашнее счастье зависит от сердца, ума и вкуса, от разумности, предусмотрительности и доброй нравственности, основанных на любви» — и всего этого как у Вас, так и у меня хватит настолько, что мы, вероятно, не выцарапаем друг другу глаза. Бедность — не порок, а честная трудовая жизнь — вернейший путь к приобретению уважения порядочных людей. Национальная рознь наша ничтожна, а в религии мы, вероятно, солидарны.

К чему ж мы лишили возможного счастья
Цветущую юность свою?

Поборите же наконец свое малодушие, дайте мне смело Вашу руку и, клянусь Вам — мы из когтей самого ада вырвем свое счастье. Мое изгнание Вам, конечно, известно, но оно нисколько не помешает нам устроиться где и как только мы с Вами найдем нужным и удобным. Если хотите, я могу продать свою землю и приобрету домик в Владикавказе... Словом, скажите только *да* и все пойдет, как по маслу. Нет, если хотите, то даже и окончательного ответа пока не давайте. Не откажите мне только в совместном обсуждении вопроса... Напишите мне откровенно свои взгляды на жизнь, свои сомнения, надежды и желанья... На все, о чем бы Вы меня ни спросили — на все я дам Вам самый чистосердечный ответ — клянусь Вам! Посмотрите кругом себя — чем люди живы? Неужели же Вы хотите походить на тысячи наших дам, всю жизнь прозябающих на шелковых подушках и не имеющих никакого другого призвания, как постоянное удовлетворение своих мизерных, а подчас даже пошлых страстишек при полном бездействии ума и сердца. Поймите, дорогая Анна Яковлевна, что это самые несчастные создания в мире, никакие богатства и никакие почести не замаскируют их духовного убожества. Отношение ваших родных ко мне не настолько, думаю, враждебно, чтобы они усиленно отговаривали Вас соединить со мной свою судьбу, а когда они увидят, что мы действительно счастливы (а что мы будем счастливы, в этом я положительно не сомневаюсь), то, конечно, примирятся с Вашим выбором и Вы снова встретите в них тех же дорогих и любящих братьев, сестер, племянников, племянниц и пр. Что же касается Вашей матери, то уверяю Вас — я ее люблю не меньше Вашего, потому, конечно, что она *Ваша*, а то, что связано с Вами, и Вас самих я, кажется, люблю больше, чем Вы сами.

Следовательно, и Ваша мать скоро полюбит если не меня, то мою привязанность к Вам... Говорил ли с Вами относительно меня Петр Яковлевич? Ему было в некотором роде поручено спросить Вас, как Вы смотрите на меня... И Вы, говорят, ответили, что смотрите на меня, как на хорошего знакомого — не больше и не меньше. Насколько все это правда — не знаю. Вообще признаюсь Вам откровенно — я никогда не старался особенно скрывать свои чувства к Вам, потому что, если и было во мне что-нибудь достойное уважения, то именно эта непорочная и бескорыстная привязанность к Вам. Писал я о Вас и Степану Яковлевичу и получил ответ в таком приблизительно роде: «только сам совершеннолетний и здравомыслящий человек вправе располагать своей судьбою — и никто не должен вмешиваться в его личное дело». С тех пор прошло больше 1½ года. На масленицу я был во Владикавказе... встречался, бывал... (Вам, должно быть, писали)... но не осмелился заговорить о Вас... Господи! Когда же кончатся мои страдания? Поймите, дорогая Анна Яковлевна, что только Вы, Вы, никто и ничто больше не служит источником моего бытия. Откликнитесь же, наконец. Доверьтесь, протяните руку... Пишите просто, не стесняйтесь зачеркивать, как я, а главное отвечайте скорее, скорее... Ваш, всецело и неизменно.

Ваш Коста.

Сообщите мне свой адрес, если, конечно, и пр.

Адрес: Заказное.

В г. Гори, Тифлисской губ.

Ее высокоблагородию

Анне Яковлевне Поповой.

А. Л. ХЕТАГУРОВУ

20 августа 97.

Зная твою «строгость», дорогой Андуканар, я и пишу тебе так «часто» о ходе моей болезни. Беспокоиться теперь уже не следует, так как рана совершенно уже заживает и есть полное основание думать, что я даже и хромать не буду.

Хожу я в настоящее время пока на костылях и не дальше как по комнатам, но, кажется, не сегодня-завтра рискну проехаться в фэатоне. Доктор Акимов, который меня лечит, не только не имеет ничего против, но даже настоятельно советует. Днем я уже не валяюсь в постели. За время своего лежания я окончательно обработал свои осетинские стихотворения, и некоторые из них, говоря не хвалясь, поразительно хороши. Надо будет их издать наконец. Недели через 2—3 решусь-таки поехать в Пятигорск принять несколько ванн, так что ко времени твоего возвращения я настолько окрепну, что ты если и захочешь за что-нибудь отколотить меня, то уже не осилишь.

Будь здоров, дорогой, весел и счастлив!

Твой Коста.

В. И. СМЕРНОВУ

25 дек. 97 г.

В этой громадной, мрачной больнице, среди сотен страдающего люда, ни о ком я так не скучаю, как о Ваших детях, дорогой Василий Иванович!

С каким бы наслаждением я провел в их обществе текущие праздники, как дорого бы дал, чтобы посидеть с ними хоть один час в этот,— особенно радостный для детей,— день великого христианского праздника! Но, видно, не судьба мне быть таким счастливецом. Лишенный с самого раннего детства материнской ласки и радостей семьи, я до сих пор с поразительной восприимчивостью переживаю волнения, радости и печали счастливого детского возраста. Нигде мне так не весело, как с ними, ни за кого я так не страдаю, как за них. Передайте же, дорогой Василий Иванович, мои горячие поцелуи, поздравления и искренние пожелания самого цветущего здоровья всем Вашим малышам и мою приятельскую просьбу Гале и господам гимназистам, чтобы они своими успехами в науках и искусствах и своим поведением не только в гимназиях, но и дома постоянно радовали бы сердца отца и матери, которые их так безгранично любят и так много, так неустанно трудятся для их воспитания, настоящего и будущего благополучия. Пусть они помнят, что для отца и матери их нет выше радости, как видеть их честными, трудолюбивыми людьми. Исполнением этой просьбы они сделают и меня своим неизменно верным другом. Поздравление мое с праздниками примите, дорогой Василий Иванович, и сами, и благоволите передать его «многострадальной» Анисье Федоровне с пожеланием вам обоим здоровья, силы, мужества и энергии для доведения до конца вашей многосложной и трудной задачи. Примите уверение в искренности всего сказанного и горячей привязанности к Вам Вашего всегда благодарного и признательного ученика Коста.

〈ПРИЛОЖЕНИЕ〉

СО ЗВЕЗДОЙ

Стук, стук!..

— Кто там?

— Отворите...

— Кто ты?

— Свой... Ну, вот смотрите...

Я пришел Христа послать,
Всех вас с праздником поздравить:

Васю, Дуню, Нину, Лушу,
Гимназистов — Сашу, Мишу,
Галю, строгую артистку,
И Катюшу-гимназистку.

Коли праздник — веселитесь,
А коль дело — не ленитесь!
Будьте ласковы, сердечны,
И тогда — друзья мы вечно.

А теперь за поздравленья
Дайте к чаю мне варенья!
Вышло коротко и просто...
До свиданья! Друг Ваш Коста.

С.-Петербург, 1897 г., 25 дек.

А. А. ЦАЛИКОВОЙ

6 декабря 1898 г. Пятигорск.

Остается всего несколько дней до моего отъезда. А между нами еще так много недоговоренного... Уехать в том мучительном неведении, в каком я нахожусь по настоящее время, было бы настолько тяжело, что я просто-таки боюсь угадывать, к каким последствиям оно может повести меня...

«Зачем мы встретились»... Вы помните, как политично выселил меня во Владикавказе из вашего дома один наш общий приятель. Рагæй мын ацу дæ цæстæнгас

дзуры,— обращался я к Вам в своем прощальном «Хæрз-бон», за день до ухода... «Один, опять один, без приз-рака родного», — с отчаянным рыданьем вырвалось из груди моей, когда я, как сумасшедший, метался всю первую ночь в своей новой квартире у Червинской. Затем я был выслан из Владикавказа... Попал в трущобы Карачаевских гор, на серебро-свинцовый рудник... «Бес-трепетно, гордо стоит на откосе джук-тур круторогий в застывших снегах», — старался я передать свое чув-ство, действительно, как тур, скитаясь по неприступ-ным скалам центрального Карачая... Я не выдержал и написал Вам письмо... вероятно, очень дикое, смешное... «Я еще хочу пожить на свободе... я только что окон-чила гимназию». — В такой необыкновенно деликатной форме передал мне Ваш отказ Гаго... И я его не по-нял... Я тайком поехал во Владикавказ и в самой гру-бой форме поставил вопрос ребром; ответ был тот же, почти в тех же выражениях, но только более внуши-тельный... «Тяжело... как тюрьма, жизнь постыла», — застонал я тогда от невыносимой боли... «Иссякла мысль, тускнеют очи»... — плакался я в другом сти-хотворении и т. д. Вообще все мои стихи того пери-ода отличаются особенно мрачным тоном... Смерть отца окончательно потрясла мои нервы... Я почувствовал себя совершенно одиноким во всем огромном мире... Вначале меня обуяло чувство полнейшего отчаяния, затем я несколько овладел собой и стал рассуждать... Положение мое было совершенно исключительное. У меня во всем мире не оставалось ни одной паутинки, которая могла бы хоть на секунду удержать меня от любого рокового шага... Я был в самом широком смыс-ле свободным делать все, что могла подсказать мне моя совесть. Какое великолепие! Ведь это высший че-ловеческий идеал. Но, боже мой!.. Какая это головокру-

жительная высота! Какую бездну раскрывает она под ногами! Даже сам «царь познания и свободы», печальный изгнанник рая не выдержал ее чрезмерного величия... Нет, не надо такой свободы! Она выше сил человеческих. Не надо! Я не могу жить без привязанности, без божества... «В грядущем все. Не надо счастья! Я не привык, я не хочу. Один лишь миг, лишь звук участия,— за них я жизнью заплачу!» Я найду себе дело и предмет поклонения. Раз мечта о личном счастье так беспощадно обманула меня,— я сумею отвязаться от нее навсегда, убить ее окончательно,— так я стал рассуждать, когда припадок отчаяния и ужаса заметно стал ослабевать. «Благодарю тебя за искреннее слово.» — обращался я тогда к Вам: «Прости, прости, навек! Отвергнутый тобой, я посох и суму благословляю снова, благословляю жизнь, свободу и покой». «Начну по-прежнему я странствовать по миру,— закончил я стихотворение. — Молиться и любить, любя страдать за всех»... Да, за всех! Это поставил я себе тогда целью жизни. Воодушевление мое, казалось, не имело границ... «Я не пророк, — заявил я гордо с непоколебимой верой в святость принятой мною на себя миссии.— В бесплодную пустыню я не бегу от клеветы и зла»... «Весь мир — мой храм, любовь — моя святость, вселенная — отечество мое!» — закончил я стихотворение (для сборника цензура это не пропустила).

Я переехал в Ставрополь... Трудно себе представить, с какой горячностью я отдался там самой разнообразной общественной деятельности... Но, увы! Ни газета, каждую строчку которой я переживал, казалось всеми фибрами души, ни живопись, которой я увлекаюсь всегда до изнеможения, ни всевозможные благотворительные, научные и артистические учреждения и собрания, в которых я принимал всегда самое лихорадочное уча-

стие, ни балы, ни пикники, ни кутежи — ничто не могло заслонить от меня дорогого видения. Я опять стал хандрить. Временами я даже навязывал себе злорадно идею жениться на первой попавшейся Аграфене или Матрене и, создав себе самую мелочную, мещанскую жизнь, хоть этим отравить мучительно сладкую мечту о новой встрече с Вами... К счастью, эти болезненные припадки были всегда мимолетны, и я с негодованием клеймил их в себе. «Прими меня», — обращался я с горячим раскаянием к «любимой подруге заветных дум», — «И эта мысль позорная о счастье мещанском, верь, сегодня же умрет!» И она действительно умирала, и я еще с большим увлечением отдавался своей заветной мечте, как морфинист — своей сладострастной отраве. «Не верь, что я забыл родные наши горы», — вырвалось опять из моей пылавшей груди. И Вы, кажется, отлично поняли, к кому относилось это стихотворение. Вскоре я узнал, что Вы невеста. Это событие вызвало ряд стихотворений самых разпоречивых, не чуждых горечи и даже озлобления... Упоминать о них не стоит, укажу только на два стиха более спокойного характера. Это «Утес» и «О чем жалеть». Весною прошлого года я уехал в Петербург рассеяться. Вернулся я через два месяца еще более развинченным, больным. Заболел я серьезно. Ну, думал я, наконец-то самое providение указывает мне подлежащий исход... 18 июля я с полным равнодушием разлегся на своем рабочем столе и заснул под хлороформом. Проснулся я уже на кровати забинтованным, при веселых остротах производивших операцию врачей. Жив, значит — не то, не так решила судьба.

Я еще не мог встать с постели, как приехавший из Владикавказа осетин сообщил мне, что молодой офицер Дз(ахсоров) безнадежен, что за ним в Кисловодск

поехали родственники, рассказал он мне при этом и его предшествующую историю...

Нет надобности уверять Вас, как глубоко опечалило меня это известие и как мучительно хотелось мне разделить с Вами Ваше горе... Но я не посмел сделать Вам ни единого намека на то... О трагическом исходе болезни Дз(ахсорова) я узнал уже в петербургской больнице, когда после второй операции и сам я почти не подавал надежды на выздоровление. Развязка поистине трагическая! Вы, как живая, стояли неотлучно предо мной, полная неисчерпаемой скорби и молодого отчаяния... С какою готовностью я отдал бы тогда висевшую на волоске свою жизнь, чтобы сказать Вам хоть одно слово утешения... Но я не смел... Да и имел ли право?

Десять месяцев отчаянной борьбы изнуренного организма со смертью и невообразимые ужасы, ежечасно наблюдаемые в продолжение 7 месяцев в огромной больнице для чернорабочих, развинули мои нервы до того, что для меня становилось необходимым провести лето как можно покоенее, да и рана требовала еще очень внимательного ухода... Мне советовали ехать в Крым, в Одессу или Кисловодск, поближе к Вам. Но мысль о встрече с Вами пугала меня, и я решил провести лето во Владикавказе, в обществе Шредерс... и влопался! Мое «инкогнито» полетело к черту... Я очутился лицом к лицу с Вами... Только бог и мое сердце знают, какие чудовищные усилия я делал за все эти последние пять месяцев, чтобы затушить все более и более разгоравшийся в груди моей пожар. Но Вам самим отлично известно, как плохо мне это удавалось. И вот я снова весь перед Вами — безумный, жалкий, беспомощный... О, если бы бог не наделил меня рассудком, так назойливо контролирующим все, —

я, быть может, был бы счастливейшим из смертных. Я любил бы тогда весь мир истинно христианской любовью без строгого различия дурного и хорошего, без противопоставления злу и без мысли о вознаграждении на земле. Не всматривался бы я в окружающее, не изучал бы и себя, а только бы блаженно улыбался, так велика во мне любовь ко всему мирозданию, ко всем творениям бога. Но вот горе — рассудок. На каждом почти шагу он становится в прямое противоречие с лучшими порывами нашего сердца и вносит в жизнь такую дисгармонию, от которой волосы становятся дыбом и ногти синеют. Еще большее горе, когда рассудок начинает колебаться под напором большой фантазии и низменных страстей: оно неизбежно приводит к роковой развязке. Мое горе — горе совсем особого рода: общественно-социальное мое положение настолько «шатко», что всякая попытка связать с своею судьбою судьбу другого живого мыслящего существа — «безумие». Мои жизненные задачи, мои требования и принципы так своеобразны, «непрактичны и химеричны», что навязывать их питомцу существующего теперь порядка — «жесток», «бесчеловечно».

Чего же я хочу? Зачем я, «рак с клешней», лезу туда, куда и конь с копытом?

— Да ведь я люблю, люблю сильнее, чем сорок тысяч братьев,— отвечаю я на эти доводы руководящей современною жизнью мудрости. — Я люблю и потому хочу, потому требую, чтобы это любимое существо было безраздельно со мною, хочу ежечасно, ежесекундно наслаждаться его созерцанием, упиваться дыханием его уст, беззаветно отдавать ему каждое мгновенье моей жизни... хочу, требую... — Постой, постой! что же эти все мгновенья твоей жизни дадут твоему любимому существу взамен дыхания его уст? — Что?

Как что?! Любовь, мою горячую, неизменную любовь. — Это мы слышали... Еще, еще что? — Еще честный труд, еще благородные стремления, еще заботы о меньшем брате, униженном и оскорбленном, еще живопись, музыку, поэзию... — А дети? А безработица, болезнь, нищета? Ха-ха-ха! — Да, и это бывает, но ведь существо, которое я люблю, не такое, как большинство... Оно живет такими же мыслями, как я, лелеет те же принципы, стремится к достижению тех же идеалов... Бедность нам не страшна, потому что интеллигентный труд двух добросовестных работников всегда найдет спрос и соответствующее вознаграждение. Если бог захочет наградить нас детьми, то забота о них сделается для нас высшим наслаждением, и мы всегда сумеем воспитать из них трудолюбивых работников и честных граждан. А от более крайних случайностей никто никогда не гарантирован. — Но так рассуждаешь ты, а она? — И она так. — Ты это знаешь? Уверен ты в этом? — Знаю! уверен! Иначе я разве мог бы ее так безгранично любить!

— Да-а. Ну, тогда скатертью дорога! — говорит мне уже мой рассудок... И я, очертя голову, как школьник, готов бываю тогда броситься к Вашим ногам и покрыть их поцелуями... И как непоколебимо верю я тогда в наше счастье! Как поразительно ясно вижу тогда, что каждый из нас создан только друг для друга, что, как Вы только со мною, так и я только с Вами можем осуществить ту величайшую гармонию в жизни, освященную всеми религиями, к которой все человечество с такой неослабной энергией стремится десятками тысячелетий... Что это? Бред, безумье, продукт больной фантазии или истина, та именно истина, которая только и дает жизнь и счастье?

Давайте, дорогая, решим этот вопрос! Давайте раз-

рубим наш гордиев узел. Откройте и Вы мне так же прямо и смело Ваши чувства, мысли и колебания.

Клянусь Вам, какую бы горькою ни была поведенная Вами правда, она, кроме глубокой признательности, не вызовет во мне и малейшей тени неудовольствия... Поверьте мне, — я далек от заблуждения. Ни молодостью, ни красотой, ни богатством, ни блестящей карьерой — не отметила меня судьба. Бедный поденщик-осетин, если я и осмеливаюсь делать этот рискованный шаг, то только потому, что я так несказанно, так безгранично люблю Вас, такую же бедную труженицу-осетинку.

«Теперь я Ваш»... Казните, но прежде обдумайте все как можно обстоятельнее. Соединить свою судьбу с моей можно только при неперменной солидарности и с моим образом мыслей, стремлений и действий, а главное, при наличности любви хоть в одну сотую долю той, какую переполнена грудь везде и неизменно Вашего неисправимого Коста.

9 декабря

До сих пор у меня не хватало смелости передать Вам эту «докладную записку». Сегодня я вручу ее во что бы то ни стало. Если Вы не сочтете нужным или удобным ответить мне, пока я здесь, то я во всяком случае буду ожидать Вашего письма до 20-го декабря в Ставрополе. Адрес: в редакцию «Северного Кавказа».

А. Л. ХЕТАГУРОВУ

8 февр. 99 г.

И письмо генерала Цаликова и личная беседа приехавшего ко мне из Владикавказа Гаппо Баева передают мне за достоверное, что Кахановым достигнуто

соглашение министров военного и внутренних дел относительно выселения меня из пределов Кавказского края — куда? На какой срок? — этого не говорят. Что делать? Что предпринять? — Я совершенно теряю голову. Никаких преступлений я за собой не знаю, никакой агитацией я не занимался, если не считать моего сотрудничества в газетах. Ведь это возмутительнейший произвол! Цы фестут Гуыбаты тыхджын азнауритæ? Уæ цæхæрцæст хæрæфырты уын... къабæзтæ кæпынц.

Если мне будет предоставлено право выбора местожительства во внутренних губерниях России, то какой город предпочесть? Да хорошо, если бы какой-нибудь университетский город — Киев, Харьков, Одесса — или хотя бы просто губернский, а как запрут в какой-нибудь уездный городишко, откуда хоть три года скачи — ни до какого государства не доскачешь, что тогда? Ложись и помирай! Какой я там могу иметь заработок! Если Василия это письмо застанет еще в Петербурге, то пусть заедет на обратном пути в Пятигорск. Мы бы все-таки лично перетолковали о чем-нибудь. Поймите же, что у меня во всем огромном мире нет никого ближе вас.

Привет всей осетинской колонии. Откликнись, Ахъа!

Рана моя закрылась, рубец величиною с воробьиное яйцо. Хожу, чуть прихрамывая. Болей вокруг рубца почти никаких.

Ваш Коста.

Адрес: Пятигорск. К. Л. Х.

Лидии Николаевне, Ольге Ивановне, Наталье Ивановне, Лише и вообще всем дамам и девицам столицы особенно низкий поклон и горячий привет!

13 марта 99 г.

Фини ля комеди! — как говорят французы, —
Фиппи! — приходится и мне теперь сказать,
Хоть и не следует в устах кавказской музыки
Французские слова в речь русскую мешать...

Фини ля комеди... да, фини! Черт знает что! Пенза!
Хоть бы Тула или Калуга, — все бы веселее, — пел бы
себе: «Тула — родина моя»! а то Пенза! — фи!.. Да,
фини!!! Кн. Голицын не пожелал даже видеть меня, —
не принял!..

Сегодня он через своего чиновника особых поруче-
ний кн. Куракина (все ведь князя!) объявил моей
патронессе — фрейлине, что он теперь ничего не мо-
жет сделать... Вопрос, говорят, решен в совете (при
главноначальствующем), и он не имеет права отменять
постановления совета, и сам он здесь не при чем... «За
что ж его, за что?» — О!!! Очень много, очень много
доводов и неопровержимых доказательств его агита-
ции против правительства и администрации... О, очень
много!.. — с пафосом заявил кн. Куракин на вопрос
моей патронессы. — «Какие же, какие доказательст-
ва?» — О-о-о!!! Очень много !!! Ему никак невозможно
помочь...

Врут, оба князя врут! Постановления совета глав-
ноначальствующий может и утвердить, и изменить, и
отменить. Он просто, чтобы отвязаться от Каханова,
подмахнул свою подпись на протоколе совета, и теперь,
конечно, ему уже неудобно взять ее назад. Формаль-
ность соблюдена вполне, так что и обжаловать их ре-
шение некуда. Когда я упомянул о прошении на высо-
чайшее имя, то сама фрейлина заявила решительно,

что прошение все равно не дойдет до него и на него ответят отказом без его ведома... В Сенат... опять в Сенат?.. Но, кажется, состоявшееся в таком порядке постановление главноначальствующего не подлежит никакой кассации.

Спросим юристов, послушаем, что скажут, а пока я все-таки твердо верю, что «если бог не выдаст,— свинья не съест».

Сейчас почтальон принес 4 простых и два заказных письма... По конвертам и почеркам на них я уже узнал, какое от кого. Прежде всех распечатал, конечно, Ваше. Батюшки! — цветы... Ну, думаю: «маргариновые»... Читаю... Нет, не могу понять... не разберу, — настоящие или маргариновые.

Удивительнейший у Вас талант, Юлиана Александровна! Но и на этом большое спасибо! Отцу передайте, чтобы он бросил всякое электричество. Вот приеду и вылечу его тицовским вином, а то выдумали электричество! пхе!.. Если Елена Александровна получила мое первое письмо, то Марья Петровна, вероятно, уже знает о чувствах, какие я питаю к ней даже в этом далеком, противном и холодном (temp. 12—20° мороза) Вавилоне. Передайте их ей и Вы, только, смотрите, не обожгитесь... Случай с Салам-Гиресм меня очень интересует, но теперь, если бы Елена Александровна и изменила своей скупости на беседы со мной, то и тогда, все равно, ее письмо уже не застало бы меня в Петербурге. Потерплю уж до первых минут нашей скорой встречи... Забыл вставить «приятной», хотя в этом и само собой не может быть сомнения.

Учителя Вашего мне очень жаль... Посоветуйте ему скорее поправиться и ехать со мною в Пензу, — охота поступать в монастырь! Лидии Иакинфовне я нежно

жму ручку, закатываю свои глазки и вкрадчиво-сладко пою: «Он далеко, он не узнает, не оценит тоски твоей!..» Барону желаю блестящего успеха в ролях à la Ромео, Зибеля и т. п. Джетагазу и Салам-Гирею пропойте Сосейы зарæг: «Ой, Сосе! Хæрпсæй дам цæвæджы хæр нал хъуысы... Ой, Сосе! Фæдисæй дам дæ лæджы хæр нал хъуысы».

Дауту передайте, что Дзамболат очень беспокоится о нем и очень недоволен, что мало сведений дает ему о себе... йæ зæрдæ та йæм цæмæйдæр æхсайы... Что случилось с Антониной Карловной? Успокойте ее — я опять вернулся на путь праведный, — и попросите, чтобы заготовила побольше рекомендательных писем в Пензу. «Кто, мол, старое вспоминает, тому глаз вош...»

Статья моя о неурядицах на Северном Кавказе уже набирается. Сегодня мне прислали корректуру, — она будет для Каханова ничуть не слаже, чем для меня Пенза. Хочу воспользоваться личным знакомством кн. Ухтомского с царем и рассказать ему о своей истории, авось он доведет ее до его сведения. На днях я стал переписывать (с пропусками) одно заграничное издание — удивительный документ о деятельности русского духовного ведомства и особенно грузинских экзархов — ахнете, когда будете читать. Издание нигде нельзя купить. Вот бы показать вашему соборному ареопагу! Однако я Вас слишком балую:

На Ваше дипломатическое письмо с «маргариновыми» цветами в три страницы я Вам отвечаю восемью страницами, полными живейшего интереса, признаниями и сведениями. Будет! Фиии ля комеди! Будьте здоровы, веселы, счастливы и не забывайте душевно преданного Вам Коста.

28 марта 99 г.

Копия

Штаб
Кавказского Военного
Округа
Отделение Походной
канцелярии
27 марта 1899 г.
№ 138
г. Петербург

И. д. помощника делопроизводи-
теля Управления Кавказских
Минеральных Вод
Константину Левановичу
Хетагурову

На просьбу Вашу относительно назначения Вам местом жительства Таврической губернии командующий войсками Округа изъявил согласие, но при условии, чтобы пункт Вашего постоянного пребывания находился в западной ее части, о чем, вместе с сим, и сообщается Окружному штабу для зависящих сношений.

Начальник штаба генерал-майор Белявский.

Старший адъютант генерального штаба полковник

Трофимов.

С подлинным верно:

И. д. помощника делопроизводителя Управления Кавказских Минеральных Вод не имеющий чина К. Хетагуров.

Прощай, Пенза!.. Но... начнем по порядку. После отказа Голицына принять меня я побывал у сенатора Кони. Он очень горячо принял к сердцу мое положение, но с прискорбием объявил, что теперь уже ничего нельзя поделать. Что такого рода действия Голицына можно было обжаловать еще до прошлого года, а теперь ему предоставлено на это полное бесконтрольное право...— Да ведь это насилие,— я за собой не знаю никакой вины...— «Ничего не поделаешь... Теперь весь

мир держится на этом... Надо примириться», — успокаивал меня Кони... — Значит... — «Да! — решительно заявил г. Кони, — конец, finis! — ...» Я крепко пожал ему руку и, «главу опустивши на грудь», гамлетовской поступью удалился из сенаторской приемной... «Быть или не быть?» — Га! Конечно, — быть! — решил я, выходя из широко раскрытого передо мной величественным швейцаром подъезда на «улицу роскоши, моды, офицеров, лореток и бар, где с полугосударства доходы поглощает заморский товар». Невский, как «Терек в теснине Дарьяла», в это время особенно сильно клокотал своими огромными волнами многотысячной толпы движущихся во всевозможных направлениях и всевозможным способом с быстротой живых существ... «Быть или не быть?»... Конечно, — быть! Вот эти тысячи суетливо, болезненно, озабоченно снующих людей предпочитают же оптимистическое «быть» пессимистическому «не быть». Что же я-то за исключение такое!

Конечно, — «быть»!.. Попробую, — рассуждал я сам с перчаткой, гуляя по Невскому, — добиться хоть того, чтобы мне место жительства назначили в южной полосе. Решение этого вопроса зависит, говорят, от министра внутренних дел. Бывший кутаисский губернатор генерал-лейтенант Томич состоит членом совета при министерстве внутренних дел. У него был инженер Гиоев, — он знаком с ним давно, — и рассказал ему о моем деле. Пользуясь этим обстоятельством, я и заявился к нему «по рекомендации инженера Гиоева».

Генерал меня принял очень любезно. Посокрушался и так же, как Кони, объяснил, что обжаловать дело уже никуда нельзя. Что же касается до назначения места жительства, то об этом можно хлопотать перед министром внутренних дел. «Не надо терять времени. Доставьте скорей медицинское свидетельство и пишите про-

шение... Я с своей стороны сделаю все, что в силах»... В тот же день из Александровской больницы я получил медицинское свидетельство. Тем временем Андухъапар вел переговоры с своим клиентом, членом Государственного совета Мансуровым. Он обещал, что «завтра же после заседания совета, где будут рассматриваться проекты Голицына, он непременно поговорит с ним и о результатах сообщит немедленно»... И действительно, он через день вызвал к себе письмом Андухъапара и передал ему приблизительно следующее: «На что уж я старался поддерживать его в совете, как только я произнес фамилию вашего брата, он раскричался на меня, как на школьника... — Пойдите, пойдите! — говорю, — чего Вы кричите на меня, — ведь Вы еще не знаете, что я хочу сказать... «Я не могу его принять, — кипятился князь, — я никого не принимаю... я с женой помещаюсь всего в двух комнатах — где мне его принять...» — «И не надо, не надо его принимать!.. Я Вам хочу только сказать, что он человек больной, ему нельзя жить в северных губерниях, ему нужен южный климат...» — «Да, но мне, пусть он живет хоть в Крыму, только не на Кавказе!.. Пусть он подаст мне докладную записку, я с нею снесусь с министром внутренних дел...» При этом Мансуров сам изъявил согласие передать мою докладную записку лично Голицыну. На другой же день докладная записка и. д. помощника делопроизводителя Управления Кавказских Минеральных Вод с приложенным медицинским свидетельством была вручена Мансурову, а тем — Голицыну. В четверг 25 марта появилось в «С.-Петербургских ведомостях» начало моей статьи. Вот, думаю, Голицын прочитает, так покажет мне такую Ялту где-нибудь в Архангельской губернии, «откуда хоть три года скачи, ни до какого государства не доскачешь»... Но не тут-то было!

Вчера вечером мне принесли пакет с бумагой, копию с которой я и поместил на первой странице настоящего моего донесения.

Гнопев, между тем, успел нам телеграфировать из Тифлиса, что меня ссылают в Курскую губернию, а затем в полученном от него письме говорит, что ему Абрамов передал, что «Коста очень повредило его присутствие на беспорядках и сопротивлении осетин, кажется, нарцев, полиции и войскам во Владикавказе, в декабре». Понимаете!?. «Сопротивление осетин полиции и войскам... в декабре...» Да ведь это пахнет подлогом! Никогда, не только в декабре, но и ни в каком другом месяце я не присутствовал ни при каком сопротивлении осетин ни полиции, ни войскам.

Подлог! Самый невероятный, самый подлый подлог!

Я припоминаю одну газетную заметку о том, что в Осетинской слободке ночью на свадьбе толпа стала очень шуметь, производя даже выстрелы, что на этот шум явилась полиция и военные патрули и что между ними произошла свалка... Весьма вероятно, что в числе попавших в полицейский протокол осетин был и Чьебойы фырт Коста, иначе — такой же Константин Хетагуров, как и я. Он в одно время служил в полиции, а теперь живет постоянно во Владикавказе. Весьма вероятно, что Каханов воспользовался совпадением моего имени с именем моего сородича и представил полицейский протокол в Совет главноначальствующего как доказательство моей преступной развращающей деятельности. Вот будет история, если это действительно подтвердится! А уж я не оставлю никого в покое, пока не добьюсь раскрытия этого ларчика.

У княгини Тархановой (Сопа) есть приятель — генерал, служащий в департаменте полиции. Он обещал разузнать, какие обвинения предъявлены в Совет про-

тив меня. А если и ему этого не удастся добиться, то есть еще и другие пути... Параллельно с этим я буду добиваться и того, чтобы меня не стесняли в выборе местожительства вне Кавказского края... А там... Пришел Андрухъапар... А пока поеду в Крым... Губернатор Таврический и особенно вице-губернатор большой приятель Сона. Запасшись ее письмом, можно надеяться, что меня особенно не будут стеснять... Буду ухаживать за крымскими ханшамми, петь им восточные мелодии, писать с них «минуты неги», «поцелуй волны» и т. д., буду есть крымский виноград, пить крымские вина, купаться в широком открытом море и отдыхать в густой прохладной тени бананов под убаюкивающий плеск бахчисарайского фонтана. Последнее обстоятельство, наверное, вдохновит меня написать на осетипском языке лирическую поэму «Бахчисарайский фонтан»...

Пробуду я здесь теперь уже недолго, хотя к таким своим заявлениям и сам я отношусь не с особенным доверием, но меня, кажется, теперь ничего не задерживает... Хотелось бы мне только, чтобы статья моя была напечатана при мне, под моим контролем, а то я немножко поделикатничал с газетчиками, и они мне некоторые места напечатанной части статьи так извратили, что собираюсь писать для восстановления их смысла «письмо в редакцию».

Очень уж я здесь соскучился по Пятигорску и браню себя, что сболтнул Юлиане Александровне, что письмо Елены Александровны меня может уже не заставить здесь... А как бы я был счастлив, если б получил от нее хоть несколько строк, продиктованных ее метким остроумием! Но, видно, не судьба! Терпел много, потерплю еще малость, а там и явлюсь перед Вами, *как лист перед травой...*

Больно уж глупое выражение — «как лист перед травой». А там... Никогда не следует заглядывать в будущее...

Не знаю, как назвать, не знаю, что такое,
Но ясно чувствую, при взгляде на тебя,
Что что-то высшее, безмерно дорогое
Теряю навсегда с моим изгнанием я...

Все стихотворение Вы прочитаете в посмертном издании полного собрания сочинений Вашего непутевого Коста.

Привет и низкий поклон всем!

Адрес: В г. Пятигорск, Терской обл.

*ЕВБ Анне Александровне Цаликовой
(Эмировская ул., д. Сеферова).*

А. И. ЦАЛИКОВУ

8 мая 99 г.

Ну-с, дорогой Александр, очередь за тобой!.. На этот раз мне даже не жаль нарушить свой прекраснейший обычай — вести переписку только с женщинами, — до того интересно все то, что я имею тебе сообщить. Слушай! — Эпопея моя известна тебе до того момента, кажется, когда Голицын изъявил согласие на назначение мне местом ссылки Таврическую губернию. На этом, конечно, дело не остановилось. По совету одного генерала из департамента полиции я подал прошение на высочайшее имя. Посредницей, удивительно энергичной, была Сона Тарханова. Она же передала лично прошение помощнику начальника комитета по приятию прошений на высочайшее имя — он ее знакомый, — дополнив при этом мое прошение многими

подробностями с присущим ей талантом не давать своему собеседнику ни отдыха, ни срока. Прошение было подано до пасхи; доклад о нем начальнику комитета состоялся в пятницу на пасхальной неделе. — «Надо предварительно повидаться с Голицыным, а потом или прямо доложить государю или передать дело департаменту полиции», — так выразился начальник комитета.

В прошении и памятной к нему записке я очень подробно изложил свое времяпрепровождение после первой высылки меня из Терской обл. и, не считая себя ни в чем виновным, прошу о расследовании и тщательной проверке возводимых на меня начальником Терской области и усиленно скрываемых от меня обвинений. А до выяснения их действительного характера прошу оставить меня в занимаемой мною должности при Управлении Кавказских Минеральных Вод. В ожидании ответа я и стал откладывать свой выезд со дня на день. Вдруг 27 апреля мне вручают повестку из полицейского участка. Являюсь. Читают мне бумагу: «По представлению начальника Терской области и по постановлению совета главноначальствующего, утвержденному г. главноначальствующим, такой-то высылается из пределов Кавказского края на пять лет в Курскую губернию, о чем»... дают расписаться, что содержание бумаги мне известно, отбирают паспорт и преподносят мне «пропуск» на «безостановочное следование» в Курскую губернию...

— Позвольте, говорю, — ведь это распоряжение уже отменено... Мне разрешено в Таврическую... вот смотрите... — Показываю сообщение начальника штаба.

— Я этого не знаю... У меня есть свое начальство... Обратитесь в департамент полиции... и скорей, а то я Вам долго не позволю здесь оставаться...

Ах, ты!.. Ведь молодой офицер, а сколько паглости!.. Нечего делать... Побрел я домой и молча подал Андрухьяпару свой «пропуск»... Он изобразил из себя большой вопросительный знак... Я объяснил... Оказывается, нашел-то меня в Петербурге сам Каханов. Бумага поступила прямо от него, хотя она должна была пройти через Кубанское областное правление и правления Баталпашинского отдела и нашего селения. Не долго думая, я сажусь и строчу прошение и докладную записку в департамент полиции и Голицыну. В первом прошу об ограждении меня от притеснений полицейских агентов до окончательного выяснения действительной моей виновности и места моей ссылки, ввиду поданного мною прошения на высочайшее имя и ввиду несогласия высылки моей в Курскую губернию с последующим постановлением главноначальствующего. Последнего же я прошу приостановить высылку мою в Курскую губернию, как несогласную с его последующим распоряжением, и дать мне двухмесячный срок на *сдачу своей служебной должности* (!!!) и на приведение в порядок своих домашних дел (!!!)... Жду день, другой... 2-го мая получаю опять повестку из участка... Ага, думаю, не терпится приставу... Являюсь... «А, здравствуйте!.. (улыбка). Вам разрешено в Таврическую губернию...» — Я же вам говорил... — Вот позвольте прочитать... «Канцелярия начальника Терской области... Ввиду и т. д.» Сообщая о распоряжении Голицына о разрешении мне жить в Крыму, эта скотина Сенька Любоедов не удержался, чтобы не прибавить от себя: «Я настаиваю, чтобы место пребывания его было в наиболее отдаленной от Кавказа части Таврической губернии, о чем буду просить и главноначальствующего»... Вот до чего сильно у этой собаки озлобление против меня!..

«Что же, вы скоро уедете?» — спросил меня пристав на прощанье. — Не знаю, как только получу ответ на прошение... — «Да вы скорей...» Так и треснул бы!.. — Тебе-то, болван, какая корысть?.. — хотелось очень спросить его... но предпочел остаться неуязвимым и, вежливо откланявшись ему, твердою поступью вышел из его кабинета... Между тем ни от Голицына, ни из департамента полиции ни гу-гу. Ничего не сообщают и из комитета по принятию прошений на высочайшее имя. Что за оказия, думаю... Надо опять взять Сона за бока... Мчусь к ней... — «Сейчас уезжаю в Варшаву...» — Ах, чтоб тебя!.. Как же я-то? Ведь погонят до вашего возвращения! — «Ничего, я вернусь скоро... во вторник или среду...» Опоздала она ровно на неделю. Но зато на второй же день отправилась к г-ну Финне (начальник комитета по принятию прошений на высочайшее имя).

Голицын говорит, что он сам не знает, за что ссылают Хетагурова. Все это, говорит, сделалось без меня, в мое отсутствие... Каханову послан запрос: в чем он обвиняет Хетагурова, что к нему приходится применять такую жестокую кару, когда нам *достоверно* известно, что он последние 7—8 лет не жил в Терской области и когда ни начальник Кубанской области, ни ставропольский губернатор, в районах ведения которых он жил все это время, ничего не имеют против него... Приостановить приведение в исполнение состоявшихся распоряжений мы не можем... надо потерпеть... Надо выяснить дело... А там видно будет... «Я ему клялась, что вы ни в чем не виноваты», — добавила Сона от себя... — «Ну, а завтра пойду к Сандрыгайло...» (новый директор канцелярии главноначальствующего)... «Не принял... Приходите, говорит, завтра... теперь нет ни минуты свободной... еду к князю завтра в час дня... К 1½

будьте на углу Невского и Литейной»... На другой день ровно в 25 минут второго я был уже на своем посту... Прождал минут 20—30... Вдруг Сона... летит, вся сияет... — Ну, что? — «Вам и во сне никогда не приснится, какую я вам новость скажу...» — Ну, ну... говорите... — «Каханова прогнали...» — ?!!!?!!?... — «Ей-богу... Сейчас мне сообщил об этом Сандрыгайло... Мы с ним разговорились... Он очень симпатичный... Говорю, что вы ни в чем не виноваты, что вас Каханов преследует из личной мести за то-то и за то-то... Ну, говорит, тогда и я вам скажу приятную новость — его погнали... Я просто ушам не верю...» — Да вы, может быть, слышались... Неужели правда??. — «Клянусь вам... А о вас доклад будет делать другой, который по военному ведомству... Он с ним уже говорил, поговорит еще... В понедельник сделает доклад, а во вторник в это время вы можете узнать результат — приходите...» — Да черт его бери с моим докладом! Каханова-то, Каханова действительно погнали?.. — «Да говорю же вам!.. Теперь, говорит, и я сообщу вам приятную новость...» Повторяла опять с сильным подчеркиванием бедная Сона, стараясь убедить меня в несомненности сообщаемой новости... И так до самого угла Знаменской площади, куда я охотно предложил сопровождать ее... Попрощались... — До вторника? — «Да!..» Лечу на телеграф и даю депешу в «Северный Кавказ»... «Начальник Терской области генерал Каханов оставляет свой пост». Прихожу домой. — Ну, Андухъапар, да хэрзæгкурæггаг маен — Кахановы атардтой?!!!!!! Сейчас же отправляем телеграммы Василию и Иналуку Гайтову, что «Семена Любоедова выгнали со службы». Во Владикавказ и Пятигорск боимся телеграфировать, так как могут перехватить, а на это подозрение имеются данные... С Магомета Абацеева мы уже получили 5 бутылок

вина — хæрзæгкурæггаг да, кроме того, на завтра (воскресенье) приглашены к нему на торжественный обед... Но и это не все. Сегодня я был у кн. Ухтомского, редактора «Петербургских ведомостей». Он встретил меня чуть не с распростертыми объятиями. — Ну, говорит, паделали же мы своей статьей... Читается нарахват... только и разговоров... Куропаткин прислал ко мне своего адъютанта... Министр, говорит, страшно возмущен... надо, говорит, положить конец этим безобразиям... Такой порядок вещей не может продолжаться... В это же лето пошлем целую комиссию подробно исследовать все, что происходит в Терской области... Если хоть сотая доля того, что передается в «Петербургских ведомостях», правда, то и тогда это выше всякого вероятия... Просит дать ему несколько номеров... Я дал. Окончание статьи вошло в завтрашний номер, и если не случится что-нибудь экстраординарное, вроде пожара, то оно появится завтра. Ту часть, которая касается вашего дела, лучше выпустить, чтобы не придали статье личного характера... (Я, конечно, вполне с ним согласился). Мы лучше пошлем ее в отдельных оттисках кое-кому — ... Ушел я от Эсперки совершенно восхищенный и, как видишь, на радостях изменил даже своему обычаю и написал тебе письмо, на содержание и величину которого может рассчитывать даже и не всякая барышня.

Итак, дорогой Александр, начинает оправдываться лучшая в мире мудрость: «Бог не выдаст, — спянья не съест». Да... Тебе, вероятно, известно, что Каханов задержал с помощью Фрезе выпуск сборника моих осетинских стихотворений.

4-го мая от Василия мы получили из Тифлиса такую телеграмму: «Сегодня цензурный комитет в моем присутствии разрешил выпуск стихотворений Коста».

И здесь бедному Сеньке утерли поганый нос... А ты еще, кажется, не веришь в силу Хетæджы Уасджырджыйы. Можешь не верить самому Николаю-чудотворцу, но Хетæджы цæхæрцæст Уасджырджыйы должен почитать и чувствовать. Перед Юлианой Александровной делаю глубокий поклон и приношу 100 000 000 000 000... извинений, что не ответил на ее письмо. Единственная причина — глупое неопределенное состояние духа и со дня на день ожидаемый и откладываемый выезд из столицы Питенбрюх... Деловую часть письма я выполнил: навел справки относительно Угалука. Желających перевестись в резерв очень много. Он зачислен, как и другие, кандидатом. Не мог найти никого, кто бы мог ему посодействовать. Обо всем этом я уже сообщил Угалуку письмом от 3 мая, прося его приехать между 10—15 мая в Пятигорск, куда рассчитываю попасть в это время и я... За мою бедную «Дуню» я очень рад. Большущее спасибо Марье Петровне за ее великие хлопоты за нее. Ну, пока довольно, а то при встрече не о чем будет говорить... Припасай побольше английской и тицовского. Пока буду сдавать свою должность, мне придется, для поддержания бодрости, принимать их в усиленной дозе. Елене Александровне передай, чтобы она приготовилась с своим пменным пирогом испечь хоть небольшой *гуыл* для моего патрона. Шлю привет, кланяюсь всем низко. До скорого свидания.

Твой Коста.

Приплату по 8 коп. за мои поздравительные карточки взяли неправильно. Они не были запечатаны и имели значение открытых писем... Мошенники!..

3 июня 99 г. Херсон.

Ты уже истощил, вероятно, весь запас бранных слов, что я так долго не подаю о себе весточки... Как видишь, я уже в Херсоне... Но все по порядку. В Пятигорске ждало меня в управлении отдела предписание Каханова — в случае моей явки выслать меня по этапу, и хотя атаман отдела проговорился, что до сентября у них нет этапа, но ввиду того, что меня могли подвергнуть аресту, я взял и солгал, что мне директор канцелярии Голицына устно разрешил поехать в Пятигорск и пробыть там до получения ответа на мое прошение об отсрочке. Тогда Пегушин (и. д. атамана) настоял на телеграмме директору, чтобы он сообщил атаману отдела, позволено ли мне... Я дал телеграмму в расчете, что ответ будет получен не раньше 25 мая, когда я и так уже решил покинуть Пятигорск. Так и случилось. «Объявите Хетагурову, что на временное его пребывание в Пятигорске со стороны главноначальствующего не последовало разрешение». Эту телеграмму я прочитал уже в полиции, где от меня отобрали подписку о выезде в тот же день. Жандармский генерал, к которому я имел письмо от Похитонова, принял меня очень любезно, сейчас же поехал к губернатору, где встретил и полицеймейстера, и уже сам попросил меня к себе. — «Так и вышло, говорит, как я вам говорил... Одесса совершенно изъята из ведения губернатора и разрешение на право жить там вы должны просить у градоначальника сами. Вмешиваться ни губернатору, ни мне не следует, — вам тогда он скорее может отказать... мы частно с ним не знакомы... Я уже говорил и полицеймейстеру о вас, так что вы можете явиться к нему, как знакомый... С своей стороны я и губернатор

будем делать все, чтобы облегчить ваше положение, только вот относительно Одессы ничего не можем помочь...» Полиция оказалась необыкновенно предупредительной... Исполнена формальность, и я теперь гражданин г. Херсона... Заметь — все эти визиты я делал в черкеске при кинжале... И полицеймейстер при последней нашей встрече предупредительно заметил мне, чтобы я, в случае чего-нибудь... Если кто-нибудь из полицейских по незнанию... здесь ведь не привыкли к такому костюму... то ради бога без стеснения прямо ко мне... мы вас сумеем защитить... Итак, я уже со всеми жандармами и полицейскими на «ты» — все очень мило улыбаются и горячо пожимают мою руку. Генерал уже в антракте, в театре, демонстративно беседовал со мной и предложил работу (копию с портрета)... Публика очень внимательно осматривала меня и заметно шушукалась, особенно дамы, хотя заметь — ни одной путевой рожи. Сегодня отправляю два пакета, один в Одессу — градоначальнику, куда я уже директору одного банка Кожевникову послал письмо Башкирова — письмо необычайно лестное. Прошу я банкира повидаться с градоначальником и подготовить почву для благоприятного исхода моего ходатайства... Другой пакет отправляю в собственную канцелярию по приему прошений с *дополнением* к памятной моей записке. Из Пятигорска я нашего Лекси командировал во Владикавказ, и он мне привез все подробности столкновения. Было это на вечере, когда женившийся из дома шафера водворяется в свою семью. Участников до сорока осетин. Между ними и Константин Хетагуров, по не сын Чебо, а сын Созруко Дзапарты. Он не только не зачислен в число зачинщиков, но даже освобожден от полицейского надзора — это, вероятно, сделано умышленно. Все это я пишу в *дополнение* и привожу длин-

ный список участников, привезенный Лекси. Говорю, что все попавшие в протокол осетины могут подтвердить, что большинство их не только в этот вечер, но и вообще никогда в жизни не встречались со мной и не знают меня в лицо. Полиция также не могла принять того Константина Хетагурова за меня, так как она знает меня хорошо, не говоря о несходстве отчества и мест приписки моих и его. Полиция же не могла не доложить начальнику области, что «попавший в протокол К. Хетагуров не тот Кон. Хетагуров, которого его превосходительство преследует с такой непонятной настойчивостью в продолжение 9 лет». Между тем, говорю, я теперь смею заявить с полной достоверностью, что в совете главноначальствующего единственной веской аргументацией, решившей вопрос о моей ссылке из пределов Кавказского края, было донесение генерал-лейтенанта Каханова о том, будто я, житель Георгиевско-Осетинского селения Баталпашинского отдела Кубанской обл. К. Л. Хетагуров в декабре прошлого года в г. Владикавказе, «во главе толпы вооруженных осетин оказал сопротивление военным и полицейским властям». Все остальные обвинения составляют продукт личных предположений г. Каханова и нелепых измышлений подставных свидетелей из запискивающих перед его превосходительством лиц сомнительной нравственности и дурной репутации. Во главе их, говорю, стоит мой личный враг, поведение которого я не раз осуждал в печати и которого я публично отказался признать своим знакомым, несмотря на двукратную попытку его вызвать меня на разговор. За один из многочисленных доносов, переполненных возмутительной ложью, он уже приговорен Тифлисской судебной палатой к месячному аресту за клевету, а алагирским мировым судьей — к двухнедельному

аресту за оскорбление священника. Несомненная ложность показаний этих свидетелей будет немедленно установлена, как только мне станет известным их содержание. «Донося о вышеизложенном»... и т. д., прошу расследования и тщательной проверки возводимых на меня обвинений, «всемилоостивейше разрешив мне дать на них объяснение, дабы этим успешнее раскрыть святую истину во всей ее чистоте».

Если Софья Власьевна еще там, то перешли ей прилагаемую записку. Нет ли каких новых сведений?

Письмо пока, если будешь писать, направляй в Херсон до востребования, а то я пока стою в гостинице, откуда я могу уйти каждый день, хотя до 8 июня я заплатил пм. Из Одессы ответ получу не раньше, должно быть, как через 2 недели. Где ты тогда будешь? Привет всем иронам во главе с Магометом, Лидии Николаевне особый, Ольге Ивановне — поцелуй.

Коста.

Адрес: Заказное.

С.-Петербург.

ЕВБ Александру Левановичу Хетагурову.

Ипколасевская, д. 4.

А. А. ЦАЛИКОВОЙ

Херсон. Гостиница
«Гранд-Отель».

8 июня 99 г.

Вслух не читайте...

Ровно две недели, как мы расстались... И действительно, надо платить большие деньги за удовольствие переживать то, что переживаю я... О дороге говорить не

стоит. Она скучна, и я, как всегда, почти всю ее проспал. Единственно, где она заинтересовала — это, когда мы ехали по берегу моря между Ростовом и Таганрогом. На станции Долинской я промучился в ожидании харьковского поезда целых 5 часов. Станция в степи, солнце палит, ветер сбивает с ног — хоть удаться! С горя написал по-осетински открытое письмо Раисе по случаю нахождения ее от ст. Долинской в двухчасовом расстоянии по железной дороге к Харькову. В Николаев я попал только часам к 10 вечера. Переночевал в гостинице и на другой день к 10 час. был уже на пристани, чтобы плыть в Херсон... Все, что я пережил за дорогу дурного, все было искуплено поездкой на пароходе. Не будь несколько «крепкого» SW (!), — эти несколько часов, проведенных на пароходе, были бы верхом блаженства. Накормили меня совсем по-великокняжески, так что я не отказал себе даже в $\frac{1}{2}$ бутылки вина. В Херсоне я был принят как чиновник из Петербурга с секретным предписанием. Жандармский генерал, к которому я имел письмо, оказался удивительно симпатичным и предупредительным. Он принял меня, как очень желанного гостя, при мне же прочитал письмо, расспросил о подробностях и сейчас же отправился (близко) к губернатору ввести его в курс дела. Через полчаса прислал за мной и передал свою беседу с губернатором. Оказывается, к сожалению, что Одесса изъята из ведения губернатора и разрешение жить там надо просить у одесского градоначальника. Генерал мне рассказал, как это сделать, и я уже 1-го июня отправил в Одессу свое прошение, мотивированное необходимостью (!) морских купаний и заработком живописью, который я могу пмечь только в Одессе, как в художественно-промышленном центре южной России... Не правда ли, красно? У Некрасова

в одном стихотворении говорится: «Хорошо поет собака, убедительно поет!» — так и я, когда припрут к стене, то и пою убедительно. «Бирæгъыл мæгуыры бон куы 'рцæуы, уæд æвзæр куыдзы бын дæр атулы». Написал и уже послал 3 июня я и «дополнение» к памятной записке при всеподданнейшем прошении моем, где передаю подробности «сопротивления полиции во Владикавказе», перечисляю бывших там осетин и точно обозначаю того Константина Хетагурова, который был в числе сопротивлявшихся осетин. Сильно упираю на то, что здесь ошибки не могло быть, так как кроме несходства отчеств и мест приписки, моих и моего родственника — тезки, еще и сама владикавказская полиция знает меня настолько хорошо, что того Константина никак не могла принять за меня. Полиция же не могла не доложить Каханову, что попавший в протокол ее совсем не тот К. Хетагуров, «которого его превосходительство преследует с такой непонятной настойчивостью в продолжение девяти лет». Участие К. Хетагурова было, говорю, видимо настолько незначительно, что он даже не попал не только в разряд зачинщиков, но даже и в число тех, которые отданы под надзор полиции, «если, конечно, это не сделано с умыслом». Между тем я теперь смею с полной достоверностью заявить, что единственной веской аргументацией, решившей в совете главноначальствующего вопрос о моей ссылке из пределов Кавказского края, было донесение ген. Каханова о том, что я (подробный титул) тогда-то, там-то, «во главе толпы вооруженных осетин оказал сопротивление военным и полицейским властям». «Остальные обвинения, говорю, являются результатом личных предположений Каханова и нелепых измышлений подставных свидетелей из заискивающих перед его превосходительством лиц сомнительной нрав-

ственности и очень дурной репутации среди всех слоев населения. Во главе их стоит мой личный враг, поведение которого в общественной его деятельности я не раз осуждал печатно и, кроме того, в июле прошлого года, при встрече нашей на одной железнодорожной станции, я публично отказался признать его своим знакомым, несмотря на двукратную его попытку вызвать меня на разговор. За один из своих многочисленных доносов, переполненных возмутительной лжи, этот лучший свидетель в моем деле недавно приговорен Тифлисской судебной палатой к месячному аресту за клевету, а алагирским мировым судьей — к двухнедельному аресту за оскорбление священника. За клевету судился он и раньше».

Из этого Вы видите, что я все поставил ребром. Не пощадил даже Вас с сестрой, как весьма возможных в будущем свидетельниц оскорбления мною Хоранова, хотя до таких деталей они по своей инициативе не дойдут, а сам Хоранов побоится допустить этот инцидент до спроса свидетелей. Поживем — увидим. Остановился я в гостинице «Гранд-Отель» (!). Окна моего № выходят на театральную площадь — совсем в центре города. Гостиница довольно чистая, без буфета, так что никакого шума и скандалов... Пробовал найти «комнату с мебелью», обошел весь город и нигде ничего путного. Я, таким образом, ввиду моего неопределенного положения относительно Одессы и ввиду уступки мне номера за 15 р. в месяц, и остался в гостинице. Все знакомство мое, если не считать недавней встречи с одним ставропольским студентом, ограничивается гостиничной прислугой и полицией. Последняя во мне души не чает. Вообще мне везет по отношению к полиции, — я везде с нею на самой короткой ноге... Но нет, есть курьезы, которые я должен рассказать по

порядку. В тот же день, как я приехал, я пошел и купил себе две крахмальные сорочки, галстук, запонки и черную пару (!!!) ¹. Надо же, думаю, явиться европейцем, а то явлюсь в черкеске, — они меня сразу же оскандалят, отобрав у меня кинжал. Принес я свой наряд в номер и стал приспособлять его к своей грации. Ужас! Я не мог даже приладить галстука... Вспомнил я себя тогда в роли Ботова в пятигорском кружке и со мной сделался истерический припадок... Ну, думаю, вас — к черту! Не надену! Пусть и кинжал отберут, пусть и в тюрьму засадят — не надену... к черту! Сбросил я все с себя и повесил их на стену. Так моя черная пара и осталась без визитов по начальству... Отправился я в своей серой черкеске, в чесучовом бешмете да серой папашке... Ну, думаю, держись, Херсон! Напущу пыли, авось не посмеют... Генерал жандармский, как я уже говорил, оказался необыкновенно милым; он же у губернатора встретил полицеймейстера и поговорил и с ним обо мне, так что, когда я оттуда явился в полицию, то полицеймейстер, как будто встретил старого приятеля, чуть не обнял меня, так же, как пятигорский. Быстро мы покончили всю формальность, прочитал я законы о поднадзорных, дал ответы на предъявленные вопросы и расписался, что мне все известно, что требуется; выдалли мне «свидетельство» на право проживания в Херсоне, и мы, горячо пожав друг другу руки, разошлись. Полицеймейстер ко всему этому, перед моим уходом, очень предупредительно высказал мне, чтобы я без всяких стеснений обращался прямо к нему, если что-нибудь нужно, если кто-нибудь себе позволит... (при этом оглядел мой кинжал)... знаете, — здесь к такому костюму не привыкли... Я-то всем объяв-

¹ Далее несколько слов густо замазаны. — *Сост.*

лю, чтобы ни-ни, но все-таки, если что, так вы прямо ко мне — мы вас сумеем защитить... Был я затем в прошлое воскресенье в театре (гастроли Далматова и Давыдова), загубил два целковых за кресло. В антракте генерал подошел ко мне, любезно поздоровался и очень долго демонстративно разговаривал. Публика (о, провинция!) стала тогда внимательно оглядывать меня, дамы лорпировать, и все заметно обо мне шушукались. Губернаторская дочка (очень хорошенькая, хотя еще слишком молодая) особенно преследовала меня своим биноклем. Ложа их в первом ярусе около сцены, так что и во время действия приходится сидеть к ней лицом. Генерал, между прочим, сообщил мне, что уже нашел для меня работу — сделать копию с портрета, написанного масляными красками. Я, конечно, рассыпался в благодарностях и выразил сожаление, что к работе раньше получения красок нельзя будет приступить, а напишу, говорю, сегодня же, чтобы выслали. Как соврал-то... И генерал и полицеймейстер озабочены относительно моей квартиры — как я устроюсь? в гостинице дорого и проч.; один полицейский раз даже целый час ходил со мной разыскивать квартиру — совершенно нет ничего подходящего — или совсем никуда пегодная, или без мебели и вообще без ничего... Настроение у меня самое благодушное, и мне временами даже очень нравится, что пахожусь в совершенно незнакомой мне толпе; воображаю, что испытывает путешественник, когда он к тому еще не понимает языка этой толпы. <...> По вечерам гуляю по берегу Днепра — красивая река, местами очень широка; купаться еще не рискнул. Читаю только газету «Юг». Написал, чтобы выслали «Северный Кавказ». Будут высылать мне и «Петербургские ведомости» (розничную продажу им опять разрешили). Надо бы и владикавказскую

газету, да не знаю какую, «Казбек» я не люблю, а «Терские ведомости» — ненавижу, а между тем, первую придется просить даром, обещав посылать им что-нибудь, а «Терские ведомости» — выписывать из-за приказов Каханова и передовиц Вертепова. Как бы ни было, но мне надо быть всегда в курсе событий в Терской области. Перерыл я и старые свои тетради — масса интересного.

Например, один мой товарищ по гимназии в 1897 г. привез мне из Нижегородской губернии листок из альбома одной бывшей ставропольской гимназистки; на этом листке оказались мои рисунки и первое мое стихотворение, обращенное к «Вере» — подруге хозяйки альбома и подписанное «Осетин Коста». Был я, когда писал это стихотворение, в пятом классе, а «Вера» — в седьмом, и мы с ней, будучи совсем незнакомые, считались страшно влюбленными друг в друга. На мое стихотворение она ответила тоже стихотворением, которое помещено тут же на обратной стороне листа, хотя я хорошо не помню, чье стихотворение появилось раньше в альбоме. Я Вам их приведу целиком, потому что уж очень интересные. Видите, как я заволновался, — опрокинул даже чернильницу — до того удивительно приятны воспоминания о счастливом минувшем... Простите, что с этим *кляксом* и отправляю Вам письмо, — переписывать — это для меня самая большая каторжная работа. Читайте.

К К. Л. X—y

О, если б могла сказать в звуке
Всю силу страданий моих,
В душе твоей стихли бы муки
И ропот сомненья затих.
И я б отдохнула, мой милый,

Страданье высказав все,
Заветному звуку внимая,
Разбилось бы сердце мое.

«Вера»

Мое стихотворение, конечно, с виньеткой и даже с наброском пером профиля Веры. Вот оно: написано гекзаметром (!)

ВЕРЕ»

Вера! Кого полюбить *одного* лишь могло твое сердце,
Хочешь присвоить себе ты вполне и по праву!
Но он и так твой вполне нераздельно и свято!
Милая, знай: мне вдали от тебя все движенье
Шумное быстро-стремительной жизни
Кажется легкой тафтой, сквозь которую я
Вижу твой лик непрестанно, — и светит
Мне он, приветливо-верный, как вечные звезды,
Ярко горящие радужным блеском из мрака.

«Осетин Коста»

И почему-то наши подписи в кавычках. А все-таки это время и этот возраст самые лучшие в жизни, и при взгляде на этот клочок бумаги с этими изъяснениями, — рождается масса светлых воспоминаний, которые сильно облегчают тяжесть всякого рода заточений и одиночества. И какая разница между этим моим стихотворением и таким, например, которое я написал, хотя как будто в игривом тоне, незадолго до последней поездки в Питер, — кажется, в январе. Впрочем, на нем есть отметка: 19 января 99 г. Озаглавлено «Отчего»:

Отчего ты, с другим щебеча так бойко,
Избегашь со мной поддержать разговор,
И молчишь так геройски упорно, так стойко,

И лишь изредка буркнешь какой-нибудь вздор?
Отчего уловить не могу того взгляда,
Что слепит так других в твоих чудных глазах,
И всегда в них глядит на меня пль досада,
Иль тоска, пль плохо скрываемый страх?
Не предчувствие ли то, что придется пам снова
И падолго расстаться, не выждавши вновь
Все того ж небольшого, короткого слова,
Что так долго я жду от тебя за любовь?!

Замечаете, какая громадная разница между обоими стихотворениями. Кого, говорит, *одного* (подчеркнуто в подлиннике) лишь могло полюбить твое сердце, ты хочешь себе присвоить вполне и по праву! Но он и так твой вполне, нераздельно и свято. А себе-то он просит за это какой-нибудь награды? Нет, он довольствуется тем, что сквозь тафту, какою ему кажется окружающая шумная жизнь, видит только ее образ непрестанно, который светит ему приветливо-верный, как вечные звезды, ярко горящие радужным блеском из мрака. И ему больше ничего не надо, он счастлив, что его воображению постоянно светит приветливо-верный лик Веры, как вечные звезды, ярко горящие радужным блеском из мрака. А здесь? Недоумевание по поводу наблюдаемых, а может быть и воображаемых взглядов и разговоров, которые, по мнению поэта, не такие, как с другими, и затем предположение: не предчувствие ли это, что придется опять расстаться надолго, не договорившись до того маленького слова, которое он так долго ждет от нее за любовь. А это маленькое слово не то, что «он и так твой вполне нераздельно и свято», а то, чтобы и ты принадлежал ему вполне нераздельно и свято. Иначе говоря, за дар требуется такой же совершенно равноценный подарок. А если его нет, при всем желании? Поневоле станешь глядеть тоскливо и молчать, когда из чувства жалости не хочешь сказать прав-

ду человеку, который действительно очень уж хочет этого короткого слова. Вот что значит любовь идеальная и любовь корыстная! Не думайте ради бога, что это я пишу Вам с какой-нибудь дипломатической целью. Я сейчас ни больше, ни меньше, как самый беспристрастный критик двух стихотворений, которые были написаны с промежутком в 19 лет. А стихи я пишу только в такое время, когда потребность высказаться всецело охватывает все мое существо. Над многими стихотворениями я рыдал, как нервная институтка, когда их писал. Немало было написано и в минуты страшного негодования, но такие стихотворения я никогда не отдавал в печать — потому что они прямо-таки ужасны по чувству высказываемых в них ненависти и презрения к объекту обращения. Немало у меня и комических стихотворений, но неудобных для печати. Эти уже писались в минуты полного равновесия и спокойствия нервов. Ну, я, однако, слишком увлекся темой, которая для Вас, должно быть, не особенно интересна — Вы, кажется, предпочитаете прозу. А вот я, представьте, при самой скверной, переживаемой мною прозе, с особенным увлечением отдаюсь искусствам. Это, конечно, тоже имеет свою психическую причину, но об этом когда-нибудь, в другой раз, если Вы не откажетесь после этого письма переписываться со мной. За эту неделю я очень многое поисправил, закончил и пообдумал из начатых мною раньше вещей. И кроме того, жду не дождусь моих красок... Здесь, как и в Пятигорске, имеется транспортная контора «Надежда». Я просил уже Джетагъаз, и он это сделает. Вы только передайте ему, чтобы он немедленно отправился в эту контору и с человеком, которого ему дадут в конторе, пошел бы на мою квартиру и из 4-х корзин отдал бы этому человеку *корзину № 3*, считая самую большую

корзину № 1, а следующую за ней по величине № 2. В конторе ему объяснят все, что надо. Плату за пересылку корзины пусть пересведут сюда, и корзину застрахуют пусть в 75 руб. Остальные я еще не буду выписывать — надо выждать, что ответит мне одесский градоначальник. Если осетинские стихи получены и на мою долю, то соблаговолите выслать. Что кто намерен делать летом? Пишите, все пишите, все, что взбредет в голову. Бросьте всякую дипломатию! Мне безусловно необходим обмен мыслями, впечатлениями и вообще всем, что так или иначе касается Вашей семьи, меня, наших знакомых и Осетии. Не верьте особенно моему «благодарному» настроению, это тоже своего рода проявление нервного настроения, а может быть и дипломатия, хотя мне теперь нет никакого расчета заниматься ею. Ведь 5-летняя ссылка это не то, что 3-летняя поездка Чацкого за границу, да и тот не удержался, чтобы не прийти к заключению: «Ах, тот скажи любви конец, кто на три года в даль уедет», не говоря уже о знаменитой его карете... Ай-ай-ай! уже четверть третьего ночи. Вот так записался! С Вами только заговори! Ну-с, adieu! Покойной ночи! Неужели Елена Александровна до сих пор путешествует? Пишите же скорее все, все... Письмо это не показывайте даже отцу родному, прошу Вас — никому. По делу можете говорить, что я застрял в Херсоне, а обо всем и прочем — это исключительно написано для Вас, и оно должно остаться между нами. Привет, крепкие рукопожатия и поцелуи всем сторонникам мира, братства, свободы и любви, не называя имен и отчеств.

Ваш неизменный изгнанник

Коста.

Итак, Одесса моя тю-тю! Сегодня получил ответ из канцелярии одесского градоначальника, что «по приказанию его сиятельства объявляется К. Х., что ходатайство его о разрешении переехать из Херсона на жительство в г. Одессу, как преждевременное, признано не подлежащим удовлетворению и оставлено без последствий». Почему оно преждевременно? — Шут их знает. Одним словом, мне волей-неволей приходится сделаться херсонским гражданином, а это мне очень-таки не по нутру, так как город этот мне с каждым днем все больше и больше не нравится... Совершенное отсутствие интеллигенции... Все <...> какие-то замухрышки-чабаны. В толпе ни одной путной физиономии не видно, ни педагогов, ни судейских, нет даже военных, все какая-то сплошная бесцветная масса маклеров, приказчиков, модисток и только в гимназическом саду попадаются в довольно большом обилии студенческие и гимназические фуражки. Женского персонала видимо-невидимо! На одного проходящего мимо вас кавалера (я вчера серьезно считал) приходилось 6—8 девиц и дам... И все это одна больше другой безобразнее, разнузданнее и одетая с большой безвкусицей. Ни одной грации à la Лидия Иоакимфовна! Музыка — боже! что это за музыка! из вольной пожарной команды, играет почти непрерывно с 7 часов вечера до 2 ночи. Вот уже в полном смысле Демьянова уха — да какая! Даже при саламгиреевской любви к музыке нельзя ее без ругани слушать больше пяти минут. Ходить погулять совершенно некуда. Тротуары городские вымо-

щены такими острыми камнями, что кажется вот-вот продырявишь подошву. За город далеко, да и окрестности все — голая степь. По Днепру — неприятно, берега заняты всякой «посудой» (пароходы, лодки, баржи и т. д.), складами товаров, лесных и других материалов. Шум, свист, крик, стук, ругань, пыль, вонь — одна мука! Знакомства никакого, исключая студента-ставропольца, о котором уже полиция наводила справки... Она вообще, видимо, хотя это от меня скрывает гостиничная челядь, — очень аккуратно осведомляется обо мне каждое утро — дома ли я, да как мое здоровье? Хорошо ли спал и был ли у меня аппетит?

На днях в газете «Юг» прочитал я объявление: «Требуется опытный корректор». Прихожу в редакцию... Ведут меня к редактору... <...> Говорю цель прихода... Измерил меня с головы до ног (я был в черкеске), предложил сесть и, спросив, занимался ли я когда-нибудь этим делом, изложил свои условия и обязанности корректора... Приходить в 4 часа после обеда и оставаться до исправления ночных телеграмм и проверки номера с машины, т. е. до 3 часов утра. Жалованье 35 р. Газета ежедневная... — И все это возложено на одного только корректора? — Да... — А объявления?.. — Это как придется... — Нет, — говорю, — объявления надо отстранить... — Да, это можно... — Попробую. — Попробуйте... — Когда же начать?.. — Сегодня же и начните. — Являюсь... С большими промежутками приносят корректурные листы... Бьет 12 ч., бьет час... — Завтра, — говорит редактор, — у нас номер в 1½ листа, потому так много... Бьет два... Ну, видно, телеграммы запоздали... Справляются по телефону... «Принимают... очень длинные». Ждем... — Ну, вы уж теперь сами, а я пойду спать... вы идите в типографию... там проверьте

номер с машины и подождите телеграмм... Жду — бьет три... Телеграмм нет.— Верстайте, говорю. Поздно.— Да, надо верстать, а то не успеем напечатать,— соглашается метранпаж. Верстка кончилась к 4 ч. Пока я просмотрел весь номер, взошло солнце — было 5 ч. утра... Можете себе представить, в каком расположении духа я вернулся домой?.. Ах <...> проклятый! Я от волнения и переутомления не мог даже лечь спать. Сел и написал письмо к редактору, что я наглядно убедился, что работа корректора в предлагаемой Вами форме, при теперешнем состоянии моего здоровья, и особенно нервов, совершенно не по моим силам, а потому... и т. д. Отправил письмо с извозчиком... Так эту <...> редакцию и не вижу до сих пор. Понимаете — 13 часов самого трудного времени в сутки, каждый день продать за 35 <...> руб. в месяц! А самая работа корректурная! Ведь нет ничего более притупляющего и бессодержательного... Нет, лучше в поденщики!

Я совсем упустил из виду, что в той корзине, которую я просил выслать мне, нет ни холста, ни фотографических снимков. Но ввиду громадной тяжести той корзины, в которой они упакованы (№ 2) — ее пока не надо высылать, а лучше и практичнее выслать мне, обернув в бумагу и холст, тот сверток холста (не самый большой, а второй, 1 аршин с чем-то в ширину), который я оставил на верху шкафа, и несколько фотографических снимков, которые находятся у Вас. Выслать их надо почтовой посылкой с переводом платежа на меня, хотя этого, кажется, нельзя... Ну тогда заплатите — сочтемся. Будьте здоровы, веселы, счастливы и не забывайте Вашего Коста.

Привет и глубокий поклон всем добрым приятелям.

26 июня 99 г., г. Очаков.

Прошел всего месяц, как мы расстались, а мне кажется, что я Вас не вижу целую вечность... И это потому, должно быть, что действительно трудно пережить за один месяц такую массу впечатлений, какая выпала на мою долю... Один сегодняшний день чего стоит!.. Путешествие из Херсона до Очакова было еще более восхитительно, чем из Николаева в Херсон... Несмотря на лихорадочно проведенный в Херсоне последний день и «проводы» в компании с земляком-ставропольцем и в обед и на пароходе, я с 11 ч. вечера (отход парохода) и до 4 ч. утра не мог покинуть палубы... Дивная летняя звездная ночь причудливо воспроизводилась сначала широким Днепром, затем лиманом и зеркальной поверхностью необъятного моря. Рассвет, заря и восход солнца были полны певыразимого великолепия... На пристани я наткнулся, конечно на <...>, который и повез меня в «превашходнай гаштиница Петербухсскай». Это было вчера утром... Проспал я в этой «превашходнай гаштиница» в вонючем номере до 10 ч. утра и, затем, после чаю отправился сделать визит моим приятелям. Застал только помощника пристава, а сам пристав, что-то вроде опереточного Аякса, заставил себя ждать чуть не целый час. Прочитал он, как обыкновенно читают священники предавонную молитву, напирая на одно какое-нибудь слово, а остальное произнося без малейшего памека на человеческую речь,— мое проходное свидетельство, произнося внятно только «запрещается ему»... Затем он распечатал конверт с запиской херсонского полицеймейстера... «Пожалуйте со мной»,— обратился он ко мне очень озабоченно, пробежав записку... Повел он меня во фли-

гель, в свою квартиру... Усадил в кресла и с очень милой улыбкой начал речь... «Вот мне полицеймейстер херсонский пишет, чтобы я оказывал вам самое большое участие и исполнял бы все ваши просьбы... а имя того, кто за него просит, он скажет вам сам... — так кто же это?» — А... — говорю, — это вероятно начальник губернского жандармского управления генерал Том... — «Ну, так вот видите... Здесь ведь особое положение... Очаков — крепость, и здесь все подчинено коменданту... и здесь поднадзорным жить нельзя или в крайнем случае только с разрешения коменданта... Но я человек не такой — я же не пойду рассказывать по городу, что к нам приехал такой-то и такой-то... Живите, конечно... подыщите себе квартиру и живите. Жаль, что я сегодня уезжаю в Одессу, а то бы я вам помог в приискании квартиры... Очень жаль»... Мы горячо пожали друг другу руки и расстались... В тот же день я обошел весь город в поисках квартиры... Измучился, как торгожник. Солнце палило с невероятной силой; пыль на улицах лежит таким слоем, что в нем буквально тонет сапог... Сдуру меня попесло по линии артиллерийского лагеря, в надежде найти за ним какую-нибудь слободку на берегу моря... Шел я, шел, шел, шел... нет конца проклятым пушкарям, хоть ты тут в жареного поросенка превратись — с каждым поворотом открывалась новая перспектива с рядами палаток, как будто лагерь только отсюда и начинался... В степи в это время происходила стрельба, что еще больше раздражало мои нервы... Нет, не вмоготу... назад! Ни малейшего колебания воздуха... в горле пересохло... Вспомнил, что у меня в кармане карточка с запиской ставропольца к одному офицеру... Пойду, спрошу... познакомлюсь, если у них есть табель-дот — попрошу зельтерской... — А... Никитин? — «Он в первой

батарею — пожалуйста». Нашли наконец... — Привез я вам поклон, — говорю, и подаю карточку... «Очень благодарен... очень рад — очень приятно...» — Нет ли у вас в лагерях где-нибудь зельтерской?.. — «Нет, у нас не водится...» — Ну, так напоите простой... — «Это можно... пожалуйста». Заходим в погребок... Стоит громадная бочка... кран открыт... ни капли!! «Вот так напоил я вас... должно, поехали за водой...» — Ну, бог с ней, до города дойду... До свиданья! — И пустился я опять в путь, не солопо хлебавши... Дошел я до одного места и показался мне очень уж подозрительным один переулочек в сторону моря... А ну-ка... Иду... Иду... все хаты своеобразные, но чистенькие... нигде никаких бумажек о сдаче квартиры... — Дедушка! Дед... дедушка... — все громче и громче окликаю старика, шедшего по спуску к морю... Наконец он оглянулся... — Не знаете ли, кто бы здесь на лето сдал квартиру?.. — Он что-то буркнул и махнул рукой по направлению к морю... Должно быть, хотел указать мне, где море... Дошел я до последней хаты — просто картинка. Вот если бы здесь, — мелькнуло в моем испеченном мозгу... Вижу — стоит хохлушка у дверей... — Здравствуйте... Не знаете ли — не сдастся ли здесь где-нибудь комната на лето?.. — «У нас вот из этой комнаты только что «охфицер» выбрался». Посмотрел я хату, потолковал с хохлушкой и согласился на все ее условия, до того мне и хата понравилась и местность незаменимая... К утру следующего дня было условлено привести комнату в порядок... И я сегодня в 10 ч. утра уже водворился на месте жительства... Через низкую дверь вступаете в сени, из них в еще более низкую дверь входите в очень просторную хату, которую занимают хозяева, из нее ведет такая же дверь в мое отделение. Имеет оно по полу 6¹/₂ шагов в длину и 5¹/₂

в ширину; три окна: два — на юг, на море и одно — на запад, к лагерям. Окна с занавесками кисейными, с розовыми и голубыми лентами для пристежек; в простенке между южными окнами висит зеркало с вышитым полотенцем, искусственными цветами и картинкой — рекламой какого-то немецкого магазина в Одессе. На одном подоконнике (хата саманная и потому подоконники широкие) сложены мои чайный и столовый сервиз с запасами чая, сахара, свечей, спичек и чайного печення (!); на другом — горшок с прекрасным розовым цветком и чудной зеленью. В углу между южной и западной стеной большой треугольник с вязаной скатертью, задрапированный от потолка кисейными занавесями с розовыми пристежками и таким же бантом на месте разветвления занавесей, за которыми сейчас горит голубая лампада, трепетно озаряя строгий лик заделанного в металлические ризы Николая чудотворца и довольно недурной в таком же стиле образ богородицы с божественным младенцем... Высохшие вербы и цветы дополняют религиозную обстановку этого угла. На подоконнике западного окна такие же два цветка, но еще более рослые и более густые. В простенке от этого окна направо стоит стол с таинственным хозяйским ларчиком и моими неизменными спутниками. Над столом висит выцветший олеографический портрет покойного Александра III, а над окном — еще три образа с вышитым полотенцем и искусственными цветами. Угол между западной и северной стенами занят деревянной кроватью длиною по северной стене. Над кроватью висит такой же портрет вдовы государя и две крашенные картинки немецкого производства. Южная стена, западная и северная по длине кровати, от потолка до уровня подоконников обиты полосатыми обоями. В углу между северной

стеной и восточной со входными дверями громоздится остов русской печи; устье ее выходит в хозяйскую половину. Карпицы печи разделены цветным рисунком в малороссийском вкусе. Мои два чемодана, два стула с клеенчатыми сиденьями и еще один венский стул дополняют обстановку моей квартиры. Внутренние скаты пологой земляной крыши составляют потолок комнаты; как он, так и стены и печь безукоризненно выбелены. Пол земляной... но он так гладко вымазан глиной, что его в сумерках можно принять за паркет... Чай, сахар мой, провизия моя, готовит хозяйка, и за все это великолепие, удобства и неизмеримые удовольствия буду платить всего 10 р. в месяц. Правда, мне пришлось купить матрац, набитый морской травой,— 4 р. (!), малороссийский коврик (кустарный), чайник, стакан и блюдце, две тарелки, нож и вилку, две ложки и подсвечник,— на что вышло немного более семи руб. Но ведь я у самого моря, которое всей своей беспредельной ширью расстилается перед моими окнами. Все идущие из Николаева и Херсона в Одессу и обратно пароходы отдают мне салют... Масса парусных шаланд, дубков, яликов и другой посуды дефилируют передо мной «в тумане моря голубом». С вечера открывается дивная панорама маяков и вестовых огней, начинается бросание в море ракет с яркими бенгальскими огнями из находящегося по соседству артиллерийского лагеря; на громадное пространство воздух прорезывается яркой полосой электрического рефлектора, который дает возможность ясно видеть в 3—4 верстах на море мишень-судок и расстреливать его разрывающимися гранатами из грозных орудий. Картина удивительно грандиозная! Становится даже жутко... Но что все это в сравнении с купанием! Целый день берег моря усеян купающимися всех возрастов и полов; разбросано де-

сятка полтора будок для раздевания — но это все частная собственность, а большинство публики свой туалет делает прямо на песочке. Нравы удивительно просты. Дамы для проформы накидывают еще кое-что на кое-что, ну, а кавалеры и этого не делают... Я совершенно не мог помириться с этим и купил себе купальный костюм, но этим я навряд ли выигрываю — из меня получается какой-то полосатый черт из «Орфея в аду», только без хвоста и рогов. Действие купания просто не поддается описанию... Не хочется выходить из воды, до того она ласкает организм. Вода пока не особенно солонa; говорят, попозднее будет гуще... Сегодня я уже успел искупаться два раза. Главное — недалеко ходить... Берег, на котором стоит наша хата, довольно возвышенный, границы нашего двора — просто обрыв, спускающийся к морю так, что с обрыва видна вся линия, эксплуатируемая как место для купания... Ни малейшей пылинки, и в самый жаркий час дня не чувствуется никакого ощущения духоты, а в остальное время даже прохладно. Вот в какие палестины попал я с приездом в Очаков. Пробуду я здесь, смотря по погоде, 1½ или два месяца, а к тому времени буду все-таки хлопотать об Одессе, а может быть, и отменится уже все это грубое насилие надо мною. В Херсоне я уже получил «Казбек» (даром) и «Северный Кавказ», а вот сюда еще не дошли. Просил я и «Сезонный листок», да что-то его не видно. Будут мне высылать, вероятно, и «Новости» и «Петербургские ведомости». В последней газете, пишет мне Андрухъ-пар, появилось опровержение по поводу дела (казни) Каирова. Я телеграфировал, чтобы мне был выслан этот №. Кто-то напускается на очень большой скандал... Я это дело прослушал от первого до последнего слова и положительно докажу, что против Каирова не было

ни одной веской улики, исключая того вздора, на который я указал в своей статье...

О деле своем не имею никаких сведений, хотя Андрухъанар говорит, что Сона скоро сообщит мне результаты своих справок...

Телеграмма ваша меня очень обрадовала, хотя и заставила бесплодно ломать голову, почему она отправлена с «Минеральных Вод». Вообще вы, Цаликовы, представляете из себя удивительную породу... Куда исчезает вся ваша бездонная доброта ко всякому живому существу, будь это двуногое или четвероногое, рыба, птица, лягушка, улитка или драгунский эстандарт-юнкер — все равно, — как только оно перестанет бывать на ваших глазах? Ведь это я замечал не только по отношению к чужим, но даже и к своим ближайшим родственникам...

Что же касается лично меня, то я в данное время имел право — не скажу, но очень рассчитывал на вашу моральную благотворительность (ловкое выражение!), потому что никто так не знает моего полнейшего нищенства в смысле духовного родства, как вы. Ни Андрухъанар, ни Василий, ни тем более Лекси не могут никогда разделить моих радостей и печали. У каждого из них, несмотря на наше кровное родство, свой кругозор и свои требования... я им совершенно чужд. Никогда, никому из них я не могу поверить свои истинные радости и мучения — потому, что они их никогда не поймут. Более близких родных у меня нет.

Такое одиночество (я говорю духовное) бывает особенно мучительно при таких из ряда выходящих моментах в жизни, какой приходится переживать мне, особенно вначале, в его остром периоде, когда все фибры души с болезненным напряжением следят за тем, как та или другая духовно родственная единица от-

неслась к событию... Безотчетно горячо и любовно с благородным чувством самоотвержения, как *особайаг ирон лаг* мог отнестись к обиде кем-либо его брата,— конечно, никто ко мне не мог отнестись из родственников, да я и не рассчитывал... Но не хотел и того, чтобы такие, даже как Гаппо, стеснялись писать мне письма прямо по моему адресу... И вдруг при таком напряжении нервов я целый месяц не имею отклика на свой «горячечный бред», который слышали только Вы... Что я мог предполагать?.. Прежде всего, конечно, несчастье какое-нибудь, отнявшее все Ваше внимание от всего «чужого», и второе — подозрение, что мои письма перехватываются. После полученных от Андукъапара и редакции «Казбека» писем и газет я успокоился относительно перехвата, а после вашей телеграммы — относительно несчастья... Но здесь во мне шевельнулось чувство какой-то нищенской обиды, вызванной неполучением ожидаемого подаяния... Но я глубоко уверен, что и это чувство разлетится с получением Вашего письма, которое несомненно разъяснит просто и разумно истинную причину вашего молчания. А пока я не могу не добавить к своему восхвалению квартиры, что у моих хозяев 7 штук детей, старшему — 9-й год, предпоследний только начал ходить — еще не говорит, а младший еще в люльке. Вот с этой командой и приходится жить под одним кровом — буянят только двое младших... Всем, исключая самого маленького, я уже раздал карандаши и тетради... Самый старший кое-как пишет и читает, а остальные уже выучились писать «мама», исключая, конечно, самого маленького «ученика», который это слово только выговаривает пока. На обрыве вечером пели мы хором «Как по морю», а завтра куплю мяч и будем еще играть в лапту...

Хозяин мой опытный рыболов. С утра до позднего вечера проводит на своей шаланде и возвращается с огромной корзиной скумбрии и сельдей. Сегодня они меня уже угостили на ночь свежей скумбрией — вкусная рыба...

Сейчас уже половина второго... пора спать. Завтра встану не позже 6 час. и прямо с постели в море. Пишите, прошу вас, какую хотите болтовню, но только пишите — мне необходимы ваши письма.

Привет всем помнящим вашего Коста.

Адрес: г. Очаков, Херсонской губ.,
*Приморская слободка,
д. Осипа Данилова.*

Ю. А. ЦАЛИКОВОЙ

27 июня 99 г., г. Очаков.

Ну, вот... так оно и случилось, как я предполагал... Вы были в отъезде... У Вас лихорадка... голова не работает, не можете сосредоточиться... У Елены Александровны нет времени и за массой возни по хозяйству и по приему гостей... Анне Александровне совсем не до писем в самый разгар курса и скачек... А об о. Александре и говорить нечего — он вообще ни с кем не переписывается... Да и что мне писать? Ничего не придумаешь подходящего к моему шалому настроению... Нечего мне делать, и запускаюсь на просторе... Да и нет никакой необходимости в обмене мыслями, впечатлениями. Вы только будете рады получать от меня весточку, вроде: «в первых строках моего письма уведомляю Вас, что я жив и здоров, чего и Вам желаю от бога — всех благ земных и небесных»... и будете отвечать мне в таком же духе... Послушайте, Юлиана

Александровна! Да Вы подумайте только, что Вы говорите!.. Разве нам друг в друге дорого только наше личное здоровье и благополучие... Да я себе не могу представить человека, которого бы я любил, не зная самые малейшие колебания его души... А чтобы их знать, вовсе не нужно их описывать или излагать на словах,— о них составляет гораздо правильное понятие посредством обмена мыслей и впечатлений по предметам, в которых мы лично не заинтересованы, и по поступкам, совершаемым нами не на людях, не по предварительно обдуманному плану, а запросто, ежечасно, ежеминутно в нашей домашней обстановке в самых пустых мелочах жизни. Случай многих негодяев делал героями, и показная сторона жизни многих достойнейших людей держала в черном теле. Когда Вы начнете мне трактовать о своей доброте, честности, самоотвержении и храбрости — Вы меня не убедите в том, что эти добродетели действительно являются неотъемлемым свойством Вашей натуры... Я это увижу скорей и верней, если понаблюдаю за Вами в Вашей повседневной суете и в Ваших рассуждениях о всяком, затронутом в данный момент предмете, независимо от его важности или ничтожности. Первое впечатление, вынесенное от первой встречи с человеком, может все больше и больше укрепляться и развиваться или ослабевать и совершенно измениться только при очень продолжительном и близком наблюдении его и частом обмене с ним мыслями и впечатлениями. Результатом таких сношений может быть высшее и могущественнейшее в мировой жизни чувство любви или разумно-сознательное отношение друг к другу. Избегать этого может только узкий эгоист, действующий по заранее обдуманной программе и прикрытый маской, выбираемой специально для данного знакомства и сношений...

Если я так бесцеремонно злоупотреблял целые месяцы добротой, вниманием и гостеприимством Вашей семьи, то виновато в этом мое сердце, а не мой рассудок, который был всегда слабее первого. Из тысячей посещений мною Вашей семьи я уносил в свои «тупиковские номера» из 100 девятюсто девять раз чувство самого крайнего отчаяния, и, несмотря на это, опять мучительно ждал минуты, когда пойду к Вам. Я ясно сознавал всю нелепость моих мечтаний, видел, как на ладони, чем все это кончится — делал нечеловеческие усилия, чтобы затушить все сильнее и сильнее разгоравшийся пожар, и вместо положительных результатов создавал себе все большие затруднения... Помните, я как-то в памятную книжку записал ответ карт на один мой вопрос и обещал Вам сказать его только тогда, когда он исполнится. А исполнится он скоро... Не по поводу ли этого хочет переписываться со мной телеграммами Джетагаз? Напрасно он думает, что я не умею отвечать телеграммой. *Хауэлаэ!* Умею! Все-таки Вы крепко пожмите его честную руку, поблагодарите за хлопоты и передайте мою непоколебимую веру в его благородные чувства и убеждения... О Гаппо действительно нет охоты писать. Незнакомый мне совершенно заведующий редакцией «Казбека» передает мне от него поклон наряду с поклоном всего состава редакции — тоже незнакомого. Как же он не знает моего адреса, когда его знают и редакция, и Зали, и Дзибо, хотя и от последних нет пока никакого ответа на мои поручения. Каурбеку большое спасибо как за его поклон, так и за поклон Голяховского, который хотя и не был моим товарищем по гимназии, но был моим большим приятелем, будучи приставом у нас в Лабæ — удивительно милая личность — недурной поэт.

Относительно Хоранова я давно говорил, что он первый по уходе Каханова начнет бросать в него грязью — это уж такая порода. А в чувства его ко мне я очень верю!.. Ах, эшак этакий! Михаил Анзельмович не должен его приглашать именно как офицера, приговоренного палатой за клевету к аресту. Полковничий чин Хоранова его ни к чему не обязывает. Последний процесс начальствующих лейб-гвардии казачьего полка показал, что есть на Руси даже генералы, которым порядочному человеку нельзя подавать руки... Дела Бигулова я не читал — этот № не попал еще ко мне. Избранию Гаппо в секретари я очень рад. При хорошем председателе он в этой должности незаменим. Относительно Верещагина я бы действительно хотел иметь верные сведения, но где их взять? Гаппо, наверно, будет сообщать их с колоссальными гиперболами. Елене Александровне и Анне Александровне передайте, что я в восторге от их остроумного решения вопроса о *тингыччи тын*, а чтобы доставленное мне этим удовольствие усугубить, убедительнейше попросите их сняться в обновках и выслать мне карточку. Это тем более легко, что у них три придворных фотоса... А я уж, так и быть, снимусь для них в своем купальном костюме на самом берегу моря. Поставлю фотоса так, чтобы в перспективе попали в снимок и другие группы купающихся... Не правда ли, как это будет интересно. Сегодня я искупался ровно в 6 ч. утра — утро было довольно холодное и по всему взморью, кроме меня, не было никого. «Моряк» (ветер) гнал к берегу большие волны, и качаться на них доставляло мне массу приятных ощущений. Плавать, оказывается, я не разучился, хотя устаю гораздо скорее, чем раньше. Когда я получу свои краски? Такой художественный зуд чувствую, когда выхожу из хаты, что и сказать

не могу... Так все и просится на полотно... Чем кончилась «кукольная комедия» Марии Петровны? И чье произведение особенно обратило на себя внимание курсового «бомона»? Как удалась грандиозная затея Антонины Карловны? Не были у нее еще на хуторе? Хоть бы меня Михаил Анзельмович отпросил у Каханова на освящение штандарта, а то кто у них там будет тамадой? Наговорил бы я им там тостов! Сейчас принесли мне письмо от Сона. Пишет, что ходила справляться в комитет по приему прошений на высочайшее имя. Ей сказали, что еще 30-го апреля послали запрос Каханову, но до сих пор ответа нет. Обещали послать повторение. Это сведение довольно утешительно. Дело, значит, тормозится не комитетом, а Любоедовым, что весьма естественно и понятно, потому что ему надо или сознаться, что сделал подлог, или все свалить на полицию и «печальное» недоразумение. И вот он оттягивает ответ до кануна своего выезда из пределов Кавказа, так как возвращение мое в Терскую область после поднятого им и его челядью шума не особенно удобно, пока он там состоит халифом.

Итак, до скорого свидания!.. А пока все-таки не отказывайте «в обмене мыслей и впечатлений» и примите от меня самые горячие пожелания здоровья и счастья и, конечно, поцелуй, с обязательством передать их избыток всем тем, кого Вы найдете достойным получить такое яркое доказательство моего благоволения. Не забудьте главным образом Марию Петровну и Антонину Карловну. Кавалерам сделайте общий поклон.

Ваш Коста.

4 июля 99 г., г. Очаков.

Удивляюсь я в настоящее время двум обстоятельствам: первое — почему так долго идут письма из Пятигорска, когда сюда езды всего 2½ суток с ночевкой в Николаеве, — а письма приходят на 5-6 сутки. Но второе обстоятельство еще более удивительно, — как можно тратить 7-копеечную почтовую марку на то, чтобы переслать за тысячу верст листочек дамской почтовой бумаги и к тому же не весь исписанный разгонистым почерком? Да еще будучи такой экономной хозяйкой, как Елена Александровна. Но у Вас сейчас же, конечно, готов ответ, — что дело не в количестве, а в качестве. Тогда я имею к Вам еще придирку, — это я уже скажу по-осетински, — выходит более внушительно: *мæ мастыл ма мын цæх цæмæн кæныс?* Мало того, что испортили великолепные именнины, да еще напоминаете мне о том, что я не поздравил Вас телеграммой. Но ведь на это я имею оправдание — мы Вас ждали до последнего поезда в день Вашего ангела. Но вы... увы и ах! Предпочли нашу *Иронию* с ее *хæ-бизджын* и *фыдджын* нашему скромному кружку. Во всяком случае, я говорил очень горячие тосты по Вашему адресу...

Затем у Вас еще одна обидная для меня привычка: вы удивительно предвзято относитесь ко мне... Обычное ваше выражение *дæ дзыхыл хæц*, мало того, что строжайше применяете к своему собственному образу действия по отношению меня, но вы и сестер заставляете держаться этой тактикой...

И теперь, даже в таком миппнаторном письме, не могли удержаться: «Многое со мной было, всего описывать не буду, так как для вас совсем не интересно».

Ну, что это такое? Если б Вы хоть минуту побывали в моей шкуре, то поняли бы, какое величайшее наслаждение мне доставляет каждая строка, каждое слово, получаемые от друзей. Совсем мне не нужно деловых и умных писем и разговоров. Я хочу живого слова во всей его искренности и натуральной простоте... Как мне может быть не интересно то, что Вы перевидели и переслышали в свою поездку и, наконец, все то, что происходит у Вас повседневно, разговоры, встречи, визиты, новые знакомства и т. д.

Одна только фраза у вас сорвалась... Вы сказали прямо то, о чем Юлиана Александровна политично умолчала... Но я был уверен, что все было так, как Вы потом и написали. Юлиана Александровна со мной обращается, как внимательный доктор с своим безнадёжным клиентом. Знает отлично, что мне вот-вот капут, а нет,— не скажет... все ввернет какое-нибудь словечко... Впрочем, ей и на этом большое спасибо! Хотя я уже настолько исхворался, что никакой опытный доктор не скроет от меня кризиса... Но и это не все... Зачем вы меня дразните? Когда вы в цветник или куда-нибудь в Кисловодск, Владикавказ собираетесь месяцами и годами, то как вы можете говорить о «ваших краях». В Очаков!.. Да вы как... не измерили у себя температуру, когда пришла вам эта мысль?.. Курсуйте лучше в своем Пятигорске и не терзайте голодного рассказами о лукулловских обедах. Вот приедут к вам Алмахсид, Угалук, Басиев... Каурбек уже у вас, да к ним Хабаев, Абациев, Смайлов, Роман и т. д. Чего же вам?— и студентов не надо... А Владикавказ сейчас, правда, противный... Но подождите — уйдет Сенька, отменят мою ссылку, и тогда я непременно поселюсь во Владикавказе — уж я там перетормошу всех и вся и заведу такой порядок, что вы, попав к нам,

уже не захотите расстаться... А пока... А что! Из письма к Юлиане Александровне вы же видите, как и в Очакове прекрасно. Быть изо дня в день у моря, наблюдать с раннего утра и до позднего вечера его бесчисленные изменения и переливы, торжественную тишину или какой-то тревожный рокот, таинственный говор волн... челноки, «шаланды» с парусами («белеет парус одинокий»), «дубки», пароходы... звезды, маяки, а теперь уже и луна, перерезывающая всю поверхность моря широкой полосой, вытканной миллиардами блесков, самых разнообразных оттенков. И ко всему этому купанье... морское купанье! Вы не можете себе представить, какое это наслаждение и как это полезно. Я так поздоровел за эти 9 дней, как стал купаться, что вы бы просто не налюбовались, если бы видели. В груди я столько воздуха стал помещать опять, что могу свободно без передышки прочесть «отче наш» три раза. Подумайте, ведь это почти кубическую сажень нужно. Этого я не мог уже проделывать с тех пор, как сделали мне операцию. Нога тоже крепнет, — хожу очень много и даже с детьми бегаю наперегонки, играю в лапту (мяч)... Пью молоко и по маленькой дозе крымское вино (дивное, 35 к. бутылка), ем борщ, чуть не целую миску, и всевозможную свежую рыбу: скумбрия, бычок, сардинка, сельдь, камбала и т. д. Недостает только палитры и холста. Квитанцию от багажа я уже получил. Чудак Джетагаз! Вложил эту квитанцию в казенный конверт, отправил его заказным и хоть бы тебе словечком обмолвился. Вот уж настоящий галгай, — *хайжэлэ*! Юлиана Александровна писала, что он собирался отправить мне какую-то телеграмму — в 30 слов! Если он действительно отправил (от него станется!), то передайте ему, что пока не получал ее. А если он адресовал в Херсон, то она там и

красуется, должно быть, за сеткой «недоставленные». Во всяком случае крепко пожмите ему руку и засвидетельствуйте мое горячее салам-мале-кум. Относительно посылки я написал в Херсон своему земляку-ставропольцу, да боюсь — он собирался тоже уехать на Кавказ — как бы самому не пришлось поехать в Херсон за корзиной. Тогда расходы по ее доставке из Пятигорска до Очакова превысят ее стоимость. Написал я письма с поручениями во Владпкавказ Зали и Дзибо Голиеву. Последний уже мне ответил, исполнив в точности поручение, а Зали по обыкновению отделяется молчанием, а потом удостоит: «была в отъезде». (Я и Юлиане Александровне не верю, что она «была в отъезде»...) Это я все насчет своей картины, которую Тхостов продал ханше. Отправил я в Питер в «С.-Петербургские ведомости» ответ на «опровержение» относительно казни Каирова. Если напечатают, то или меня должны засадить в тюрьму за клевету, или судей, судивших Каирова, сослать в Сибирь, так настойчиво и резко я обвиняю их в убийстве невинного человека. Достается там и Фролкову... Моя хозяйка — хохлушка говорит мне о смерти кого-то из царской фамилии, что уже везде траур, а я ничего не знаю и не понимаю и траурных не вижу. Газеты «Северный Кавказ» и «Казбек» доходят до меня на 6-й день, а других источников сведений я не имею. Во всем Очакове не имею ни одного знакомого, исключая своих хозяев, полицейского пристава, которого я видел единственный раз по приезде... На почту ходит хозяйский сынок. Почтальоны отказались доставлять мне корреспонденцию, так как хата моя не в черте города. Уже половина 1-го ночи, а потому покойной ночи!¹

¹ Далее несколько слов густо замазаны. — *Сост.*

Ради аллаха отрекитесь от своего «предрассудка» и будьте более справедливы ко мне и к моим отношениям к Вам. «Насильно, конечно, мил не будешь», но верить моей скромности и преданности Вам и быть ко мне более доверчивой я прошу убедительнейше... Пишите, пишите все, что придет в голову, а там разберемся — свои люди!

Просьбу мою непременно исполните. Снимитесь в новых жакетках — примите в свою группу и Юлиану Александровну в педагогическом мундире — и одну карточку пришлите мне. Пишите, ради Христа...

Юлиане Александровне скажите, чтобы башлык пока не высылала.

Как вы меня спрашиваете — почему я в Очакове. Зачем же я попал в Херсонскую губернию, если не для того, чтобы пользоваться морским купаньем? В Одессу мне не разрешили, так я в Очаков; другого приморского города нет во всей губернии.

С завтрашнего же дня буду выписывать «Одесский листок» — все-таки в тот же день, как газета выходит, буду знать телеграммы.

Скажите Вите, чтобы написал мне письмо по-осетински, тогда я ему новое осетинское стихотворение пришлю, еще никому неизвестное.

Если можно, пришлите мне и номер «Северного Кавказа», где напечатано дело Бигулова.

Привет самый пламенный всем друзьям!

Ваш Коста.

5 июля 99 г., г. Очаков.

Ну-с, милостивая государыня, чувствуете теперь, что Вы больше виноваты, чем я? 25 и 26-го я целые дни был занят, как Вы теперь знаете, хозяйственными хлопотами, 27-го я написал Вам письмо — да какое! Только что на другой день хотел его вложить в конверт, как почтальон принес мне Ваше письмо, адресованное в Херсон и помеченное 20 июня (!). Я, как голодный волк на ягненка, набросился на него, растормошил и проглотил... не с бумагой, конечно, а одно содержание, но по первому разу я, конечно, не разобрал его достоинств и стал его снова разжевывать и смаковать... затем тут же написал Вам еще два листа... вложил я всю кипу в конверт и загубил целых 3 марки... Получили, надеюсь... Устыдитесь!.. 29 я получил Ваше голубовато-зеленоватое письмо, помеченное 24 июня и адресованное в Очаков. Оно меня и очень обрадовало и очень поволновало... заставило призадуматься и взгрустнуть... Там же как раз попалась и фраза: «все мы живы и здоровы, чего и Вам желаем»... Там же и связанное с Голяховским воспоминание о хорошем прошлом... Он был у нас начальником в *Лабæ*, я — еще студентом академии... много хороших часов мы с ним провели... Стихотворенье, которое я при нем написал (это уже было позже, во Владикавказе), помещено как посвящение к «Фатиме». Как это все было давно!.. Мне как-то не верится, что я уже такой старый. Становится прямо-таки стыдно, что за такое долгое время ничего путного не сделал... А какие были планы, какие дивные стремления!.. Вот если б Вы меня знали в ту пору, как крепко меня любили... А теперь Вы

не хотите быть со мной даже запросто откровенной... Когда человек слишком долго и очень усиленно напрягает все фибры своего существа над разрешением какого-нибудь вопроса, он может в конце концов прийти до такого состояния, что станет читать чужие мысли на расстоянии. Я, если вполне еще и не дошел до такого состояния, то во всяком случае близок к нему и могу читать между строк. А в Ваших письмах в особенности много междустрочных мыслей и сведений. Зачем так? Не лучше ли быть подобным «одному из малых сих»? Правда все равно рано или поздно всплывет во всей превосходной наготе... Но довольно об этом «коварном» голубовато-зеленоватом письме! Письмо от 28-го июня я получил сегодня, 5 июля. Как раз, вероятно, в это же время читаете и Вы мое письмо от 28-го, полное «шалой» нервозности. Письмо Елены Александровны получил я позавчера. Телеграмму Анны Александровны получил я 26, когда я первый раз заявился в очаковскую почтово-телеграфную контору. Хабавскую телеграмму я не получил. Написал о ней в Херсон, чтобы выслали... Иорама мне ужасно жаль, — всю жизнь, бедный, мается и работает для семьи и родни. В такой трущобе, где он состоит учителем, можно жить только в наказание за тяжкое преступление. Если он еще в Пятигорске, то передайте ему, что я его крепко обнимаю — он в некотором роде мой духовник. Никто нашу семейную жизнь так подробно не знает, как он. Расспросите его — он вас познакомит с такими эпизодами, каких вы ни в каких книгах не вычитаете. Ржаксинским и Борисовским при всякой возможности передавайте мои горячие чувства благодарности и любви. Обе семьи мне за это короткое мое пребывание в Пятигорске сделали очень много невознаградимых услуг. Что Вы мне не пишете ничего о Марье Петров-

не? Как удались ее куклы? Как сошел праздник дивизиона? Был приглашен наш опереточный полковник? Марье Петровне и Михаилу Анзельмовичу — мой привет и низкий поклон. Кланяйтесь и нашей молодежи. Вчера я получил целых три газеты. «Казбек», «Терские ведомости» (эту мне высылают Дзибо и К^о) и «Сезонный листок», прибавьте к ним «Северный Кавказ», «Одесский листок» (вчера выписал) и, может быть, «Петербургские ведомости», «Новости» и «Всходы» — что это будет?! О смерти Георгия узнал я только вчера из «Казбека» — вот какой город Очаков. 8 дней я ничего не знал. Из-за этого я и выписал «Одесский листок». Все-таки буду читать телеграммы в тот день, как они печатаются в Одессе — здесь всего 2¹/₂ часа езды... Забываю я все рассказать об очаковском Адаме с семейством. Каждый день под нашей кручей один молодой офицер с женой и тремя детьми. Вы не поверите, как первобытно они ведут себя. Никакого внимания на публику, шумно барахтаются все вместе в прозрачных волнах, составляя всевозможные семейные группы не только античных, но просто-таки адамовских времен после изгнания из рая... Это только надо видеть, чтобы иметь понятие, как просты нравы у снзя моря. Горе мое, что почтальоны не хотят носить мне корреспонденцию. Моя хата, оказывается, не в черте города, а на крепостной территории, так что я подчинен, кроме полиции, главным образом, еще коменданту. Ко мне уже заявлялся жандармский унтер узнать, кто и что я? Я его послал в полицию, говорю: там скажут. И он с тех пор как в воду канул. Боюсь, что эти архангелы не дадут мне ничего срисовать с натуры — вся береговая линия запята крепостью и лагерьями, и они моему рисованию могут придать какой-нибудь смысл нелегальности. Могут подумать, что я

здесь по поручению турецкого правительства... Подумайте-ка, какое это будет удовольствие! Гаппо я еще ничего не писал — действительно нет охоты. Дзибо пишет, что его опять избрали в секретари Общества — этому я очень рад... Книжку прислать, может быть, он сам догадается... Да и странно как-то — «сапожник без сапог». Ни картин у меня своих никогда не бывает, ни сборников печатных. Несколько раз заводил даже в переплете свою книжку русских стихотворений, и всегда у меня ее кто-нибудь да отбирал. А теперь с осетинскими стихотворениями еще того хуже — не дают даже взглянуть, что они с ними наделали. Может быть, так «пропечатали», что и не узнаешь свои произведения. Вот будет история! Помните — за вашим же столом я заявлял очень серьезно Гаппо, чтобы он не смел выпускать книжки, не показав мне последней корректуры, — и видели? Примчался как-то раз с обрывком бумаги с 1½ десятками строк и думает, что он этим снял с себя всю ответственность перед автором за верность корректуры!.. Ну, не шут он гороховый! Ведь если он мне понаставит такую орфографию, как в книжке Кубалова, так я публично отрекись от своей книжки. Какое свинство! Он отлично знает мой адрес и до сих пор не шлет — в ус себе не дует. Простая вежливость требует 1-й экземпляр вручить автору... Не знаешь адреса, перешли через кого-нибудь... И Вы хотите, чтобы я ему еще писал и напоминал, что, мол, дорогой Гаппо, подари мне сборник осетинских стихотворений Коста. O tempo, o mores! Ну, да бог с ним. Он все-таки как секретарь хороший, да и вообще, пока лучше многих. Вот Вы меня еще Вашими тостами дразните и доведете до того, — возьму да напьюсь один на один до зеленого змия и потом напишу Вам, какие

я тосты говорил, а сказал бы уж! Как хорошо бы сказал! Очаковцы вот пока не выбирают тамадой!.. Да какой с них и толк-то!

Adieu! Ваш Коста.

Сейчас 12 час. дня, надо бежать на почту, а то письмо уже сегодня не пойдет. Пишите, хорошая Юлиана Александровна, — не обращайтесь внимания, если я болтаю что-нибудь несуразное — пройдет со временем!..

Адрес: В Пятигорск, Терской обл.

*ЕВВ Юлиане Александровне Цаликовой.
Эмировская ул., д. Сеферова.*

Г. В. БАЕВУ

6 июля 99 г., г. Очаков.

Прежде всего поздравляю тебя, дорогой Гаппо, с производством в следующий чин, затем очень радуюсь благополучию наших иронов и избранию тебя в секретари Общества. Ты там на своем месте, как никто. Об алдарах надо шуметь поменьше, не надо придавать никакого значения глупым выходкам некоторых недорослей из них. Тогда они сами мало-помалу устыдятся своего домогательства. Учащаяся молодежь их явно проявляет склонность слиться с народом. Всякими резкими выходками их только можно озлобить и заставить держаться обособленно и относиться враждебно к народу и к его интересам. Что касается «жуликов», то о них ей-богу противно и говорить. Долг каждого интеллигентного осетина — перестать быть с ними знакомым. А вы им на каждом шагу жмете руки, а

потом судите... Мерзавцу если открыто не дашь почувствовать, что ты его презираешь и не признаешь своим знакомым, до тех пор он будет думать, что он тебя, «дурака», искусно колпачит, и, конечно, никогда не подумает перестать делать подлости. Лучшее средство против них — это полное прекращение с ними каких бы то ни было сношений, *ирон хъоди!* Эшак Хоранов уже высказался, что «наса народ очин радует, что начальника сменили — он нетактичный, окружил себя шпионами»... Понимаешь?!. Я давно говорил, что как только Сеньку сменят, так эта б... первый начнет бросать в него грязью. Он, говорят, собирается сделать *куывд* — собрать «всю Осетию» и спросить: «Цы кодтон — цæмæн мыл схаттыстут?» Позор, если к нему пойдет хоть один интеллигент!.. Рад я за «Ирон фæндыр». Свинья ты только, что до сих пор не прислал мне его. Я льстил себя надеждой, что ты в компании с нашими единомышленниками презентуешь его мне в приличном переплете с подписями твоей и К⁰. А ты мне, вероятно, пришлешь последний завалявшийся экземпляр. Нæй, нæй, Байы фырт, фыдæй уын нæ баззæди уæздандзинад!

Нельзя не выразить большой благодарности п Джиоеву за его превосходное отношение к нашему «сироте», да и вообще, судя по его письму, он очень смыслящий и дальнзоркий. Не понимаю только я его обвинения меня в какой-то «выходке», которая ему кажется «странной и не вполне мирится с представлением о Коста, как человеке благоразумном п *уважающем свое достоинство*». Что это значит? Какая выходка? «Стопло ли Коста из-за каких-то *пустяков* подвергать себя вновь такой опале». Я прошу тебя, Гаппо, самым серьезным образом объяснить мне это! Это какая-то сплетня... Что я сделал, что подрывает во мне уважение

к своему достоинству? Видимо, никто из вас не знает, за что я выслан, и каждый фантазирует, что ему угодно... Это ты мне разъясни, узнай все и сообщи подробно, иначе я изведусь... «Выходка»!.. Да ведь это слово глубоко возмутительно... Чтобы его сказать применительно к моим действиям — это надо иметь очень солидное основание, потому, что я даже на школьной скамье не позволял себе делать никаких «выходок», и если я что делал и делаю, то открыто за своею подписью, лицом к лицу с врагом, кто бы он ни был. Умоляю тебя, Гаппо, ты, как честный осетин и добрый товарищ, должен мне это выяснить. Не доведи меня вступить в непосредственное объяснение с г. Джигоевым. Цаголова я очень жалею и сочувствую всеми фибрами души, но я сейчас так обнищал, что, к пригорюнию, не могу присоединиться к рядам поддерживающих его материально. Неужели до сих пор тебе, или Дзибо, или в редакции «Казбека» не сказали, что нахожусь в Очакове, а не в Херсоне! В Херсон переселюсь опять месяца через 1½. Я сюда переехал только на лето купаться в море. Просился в Одессу, но градоначальник нашел мое ходатайство «преждевременным» и отказал (он не подчинен херсонскому губернатору). О деле своем я еще ничего не знаю, кроме того, что Сеньке послан очень внушительный запрос, и он еще на него не ответил, — оттягивает до кануна своего выезда из Терской области, чтобы меня не вернули, пока он царствует там... Как ты мне ничего не сообщил о миссии Верещагина? — Это меня очень интересует... Эта командировка была вызвана моей статьей «Неурядицы», и она еще только сигнальный выстрел, а настоящая ревизия впереди. Фидар лауут, фидар, æнгом, кæрæдзийы дзырд æмбарут, уый йеттæмæ нып ничц ныцц хъом у! Вообще пиши мне, пиши по-

чаще и побольше все, что приходится наблюдать и слышать, так чтобы я был всегда в курсе всего, что будет твориться там. Побывай у Тасо и Тасолтана. Успокой их относительно меня, скажи, что я очень весел, здоров, живу на самом берегу моря, купаюсь, ем за троих и здоровею не по дням, а по часам. Пусть она при случае успокоит и наших родственников, чтобы они не тревожились и не верили разным страстям, которые мне приписываются праздною болтовней и полным незнанием и непониманием дела. Цоцко своей припиской в твоём письме растрогал меня до того, что я не мог удержать слезы... Спасибо ему! Лучшего успокоения я бы не желал даже перед виселицей. Тынг мын æй бафæрс! Теперь от имени «Общества» можно будет завести народные чтения с фонарем (на осетинском языке). Индрис человек отзывчивый и расторопный, он будет делать все с большой охотой, и с начальником области он в большом ладу, так что получить разрешение будет нетрудно. Читать можно на первое время в церковно-приходской или осетинской женской школе. Можно начать с малого, а потом дело само собой разрастется... Если молодежь съехалась, то нельзя ли вам собираться систематически для бесед и совместного обсуждения и разбора вопросов просветительных, издательских и поступающего материала?.. Надо издательское общество оформить официально — тогда многое можно делать легче... Пиши! Я кое-что начал, но времени не пазначаю, когда кончу. Привет всем!

Твой Коста.

Адрес: г. Очаков, Херсон. губ.

Адрес: В г. Владикавказ.

*ЕВВ Георгию Васильевичу Баеву, присяжному поверенному.
Осетинская ул. Собств. д.*

17 июля 99 г., г. Очаков.

Просто ума не приложу, что мне с Вами делать. Вам надо лечиться,— у Вас нервы не в порядке... Иначе чем же объяснить такую массу придирок, какою переполнены Ваши письма?— а главное, Ваши капризы! Откуда они?! «Писать больше не буду»; «писать больше не хочу»... «Простите, что так долго, бесцеремонно налегала на Вашу любезность,— заставляла отвечать на мои неподходящие (!) письма к Вам...» Что это? Устыдитесь!.. То, что Вы настаиваете на различии «просто Коста» и «автора *Фандыра* — Коста», то это мне неизмеримо больше льстит, и если я возражаю против него, то только из скромности и по принципу... Что, теперь довольны, что заставили сознаться?.. Вы идеальнейший крючок,— Вам бы следовало поступить следователем в «3-е отделение». Что же касается до Ваших «сообщений», то в них «голыми фактами» можно признать только то, что «Витя увлекается Максом», «отец был в церкви» и «сидел к Вам спиной на ступеньках», что «приходил к Вам Ахмет» (?), а по его уходе — Дзабо с «симпатичным молодым урядником», который в 1895 г. был в Париже (!!!) и т. п. Вот это все действительно «голые факты», а там, где «голый факт», будь это самая пустая мелочь, совершенно не интересная для других, является для меня самой пасущей духовной пищей (Вы отлично знаете — что), — там Вы о нем «дипломатично» умалчиваете, как Вы наконец и сознались в своем последнем письме. Я Вас неоднократно уверял и теперь уверяю, что какую бы горькую правду Вы мне ни сообщили, сколько-нибудь затрагивающую мое духовное существо, никогда она не будет для меня не-

ожиданностью. Меня поэтому волнует не то, главным образом, что я могу узнать что-нибудь неприятное, а то, что я, благодаря Вашей скрытности, не могу иметь сегодня, вот теперь, ясное подтверждение моих догадок «голыми фактами», которые почему-то Вы находите нужным скрывать, хотя знаете, что в недалеком будущем они все равно сделаются известными мне, да и всей «волости». Мне неловко ставить Вам прямо вопросы — да это и совершенно излишне, Вы отлично знаете, что мне наиболее интересно, и я прошу Вас вовсе не специально заниматься этими вопросами, а, передавая все другие «мелкие» и «крупные» события, наблюдаемые Вами, не обходить молчанием и их, упоминать и о них, ну, хоть так, — что «Витя сегодня был в цирке», не делая даже таких выводов, что он «страшно увлекается цирком»... Не знаю, насколько я имею право рассчитывать на такую откровенность с Вашей стороны, но Вы, будучи осведомленной, именно, как любимая и любящая сестра, не должны от меня скрывать истины, и тем более потому, что форма, в какой я прошу упоминать мне об этих «голых фактах», не имеет никакого интимного характера, а является только, как простое сообщение, даже не так подробное и обстоятельное, как то, что «сейчас, в 7^{1/2} часов вечера, с поездом № 17 из Ессентуков приехала наша Паша, одетая в розовой кофточке и прюнелевых башмачках»... Не надо мне так подробно! Но как можно умолчать, например, о том, что Ваша сестра уехала или собирается ехать на Новый Афон в какой-то компании? 11-го июля Вы уже не могли не знать о ее поездке, так как Новый Афон не Ессентуки или Железноводск, чтобы спустя пять минут после Вашего письма собраться туда неожиданно. А сестра Ваша в 10 ч. 20 м. вечера 15-го июля уже

сдала телеграмму на Афоне, куда даже через Новороссийск надо ехать от вас двое суток. А может быть все это тоже «галлюцинация»? В «Гæлæбу» действительно много детского лепета, и я очень удивляюсь Гаппо, как он, такой витиеватый *присяжный поверенный* (с 4 июля), не имеет никакого понятия о простых технических требованиях стихосложения. Можно быть каким угодно бессодержательным декадентом, но стих должен быть сложен по правилам, выработанным веками, — иначе это не стих... Я не говорю о рифме, — она имеет второстепенное значение, хотя и является главным техническим затруднением для поэтов при разработке серьезной темы... У него же в «Гæлæбу» ничего нет — ни техники, ни рифмы, ни даже сколько-нибудь сносного изложения на осетинском языке какой-нибудь осмысленной идеи. Чепуха ужаснейшая! Печатать и распространять такую галиматью — это значит извращать с места в карьер смысл и цели изящной литературы и вкусы жаждущих ее иронов... Помоему, лучше еще 100 лет не печатать ничего, чем распространять такую дребедень... Джиева я серьезно не оставляю, пока не выясню все... А ваш цензурный комитет пока пусть *йæ дзыхыл хæцæд*... Я сам справлюсь с такими пустяками. То письмо, о котором Вы говорите, что «вчера послала вам письмо», я почему-то не получил ни вчера, когда мне выдали Ваши последние два письма, ни позавчера, когда я получил только письмо Вити. Сегодня заставляю поискать... Из-за этого обстоятельства я плохо понимаю дивизионскую историю... Ломаю голову, чем может См<айлиев?> срамить своих сослуживцев и всех осетин. Он может пьянствовать, как очепь многие офицеры, может «флиртовать», «курсовать», наконец, даже просто связаться с какой-нибудь особой не «порядочного» об-

щества, воровать ему не из чего, бить нижних чинов он не способен — просто не понимаю... Странности какие-нибудь, не касающиеся службы, а личного характера, — могут быть у него просто по наследству от отца... Но подвергать офицерскому суду и исключать можно только за очень большие нарушения правил дисциплины и нравственности. А мне плохо верится, чтобы См<айлиев?> был способен на что-нибудь серьезное даже в отрицательном смысле. Разве вот взяться за кинжал при объяснениях с товарищем... Не конь ли виноват?..

Ну, да шут с ними! Вся эта военщина, от мала до велика, на всем земном шаре одно сплошное преступление... и тем более, когда люди идут в нее не по убеждению, а руководствуясь девизом «надо жить». Эта пресловутая отговорка уже сама по себе недостойна «зрелого» человека...

На все Ваши «грозные» нападки на меня я не отвечаю, потому что сердце Ваше лучший судья между нами, а оно всецело за меня... «Радость» Елены Александровны и ее выражение, что маэнаэн афтаэ хъæуы — тоже, конечно, голос искренно обижающегося за меня ее любвеобильного сердца и не терпящего ни малейшего компромисса ее чувства правды и справедливости. Мы с нею хотя и реже, чем с другими, «обменивались мыслями», но гораздо больше солидарны в наших взглядах, чем, например, даже с Вами. Это я могу утверждать положительно. Между нею и мною за целые сотни лет самого близкого общения, мне кажется, не произошло бы никогда ни малейшего разногласия... Вот где главный секрет нашей *видимой* неразговорчивости. На самом же деле мы «и без слов» понимали друг друга до самых мельчайших подробностей... В этом она открыто может не сознаться, но

это так!.. Если к 10 августа мне не дадут возможности вернуться в Пятигорск, то я серьезно захандрю. А уж потанцевали бы действительно на славу!.. Мысль Сени об Австрии я разделяю вполне — там, правда, можно выучиться чему-нибудь путному. А горное дело особенно нуждается у нас в людях... С богом! В вопросе о купании я с Вами совершенно не согласен... Жизнь состоит из света и теней и после грехопадения не всякое отправление можно делать на виду. Ну, довольно, а то договорюсь еще до чего-нибудь... До следующего письма!

Ваш Коста.

Говорил я так: «это совершенно не касается Вашей сестры в связи с идеей о Хабаеве», но не прибавлял, что оно касается или не касается меня. И это не тот случай, о котором говорит Ваша сестра... О главном действующем лице моего секрета я ни единым звуком никогда ни с кем не обмолвился...

Горячие объятия, поцелуй, привет и поклоны всем ¹, кому вы сами по своему усмотрению найдете возможным и необходимым передать от моего всегда пылающего любовью сердца!

Г. В. БАЕВУ

19 июля 99 г.

Видишь ли, Гаппо, из-за такой, может быть, для тебя мелочи ты можешь испортить наши хорошие отношения. Ведь я тебя неоднократно самым серьезным образом просил и предупреждал, чтоб ты при издании

* Далее несколько слов густо замазаны. — *Сост.*

моих стихов ни на йоту не отступал от рукописи, даже в орфографии. Если я пишу то или другое слово так, а не иначе, то я пишу сознательно, я над ним долго ломал голову и не хочу ни тебе, ни кому бы то ни было позволить изменять их без моего ведома, бездоказательно, и тем более в стихотворениях, где не должно быть ни одного лишнего звука или недостатка в нем и где каждая буква занимает рассчитанное заранее автором место. Стихотворение не газетная заметка, которую какой-нибудь трусливый и невежественный редактор может коверкать, как угодно его благоусмотрению. Я тебя умолял, чтоб перед выпуском книги ты мне показал последнюю корректуру. Этого ты не сделал, да и было трудно. Но просьбу придерживаться до мельчайших подробностей рукописи ты должен был исполнить, и если бы я знал, что ты так бесцеремонно переделаешь мою орфографию и заменишь некоторые слова, я бы тебе, честное слово, никогда не доверил своей рукописи... Ты отравил мне все удовольствие, на которое я рассчитывал с получением книжки... Если б и теперь я имел возможность собрать все издание, я бы собрал и сжег бы его, чтобы не осталось и следа. Правильность своего правописания я могу отстаивать где угодно, и прежде чем изменять его без моего ведома, тебе бы, да и всем тем, кто не согласен с моей орфографией, следовало доказать мне, что так, как ты пишешь — есть несомненная истина... А тебя, извини меня, я никак не могу признать ни Пушкиным, ни Гротом осетинского языка и потому поступок твой в данном случае считаю преступным, подлежащим и юридической и нравственной ответственности, и единственно, что тебя оберегает — это наше прошлое, а будь бы ты для меня человеком посторонним, — я бы употребил все средства, чтобы заставить переиздать книжку.

Это все я тебе говорю серьезно, неимоверно сдерживая свое раздражение. Я никогда своим словом не торговал, никогда ни за одну свою строку ни от кого не получал денег... И пишу я не для того, чтобы писать и печатать, потому что и многие другие это делают. — Нет! Ни лавры такого писания мне не нужны, ни выгоды от него... Я пишу то, что я уже не в силах бываю сдержать в своем изболевшем сердце, и если по упорному настоянию «друзей» я уступаю и поверяю им эти «сагъæстæ», то требую от них, чтобы и они, если даже не понимают, не разделяют мои чувства, отпосились к их изложению с благородной вежливостью, не переделывали бы его по своему вкусу и в таком виде не выдавали за мое произведение. Я прихожу в бешенство, когда переделывают даже мои газетные статьи, из-за этого я разорился, связавшись с «Северным Кавказом» и через 11 месяцев прекратив с ним всякое сношение. *Дæ джиппæй уагъд чиныджы* из всех моих стихотворений прошли в полной неприкосновенности только «Тæхуды», «Рувас æмæ зыгъарæг» и «Зымæг»... Устыдись, брат!.. И знай, что ты 99% моего доверия потерял, но надеюсь, — не навсегда, а то было бы совсем скверно. Будем подождать.

Коста.

Е. А. ЦАЛИКОВОЙ

21 июля 99 г., г. Очаков.

Несомненно, что кто-то подменивает мои письма к Вам и к Юлиане Александровне или Вы, читая их, стараетесь по-своему комбинировать мои слова, иначе совершенно ничем нельзя объяснить те возражения, которые я на них получаю. Откуда это Вы вывели, что мне «ваши» «не нравились, так как у них что на уме,

то и на языке» и при чем такая резкая параллель между студентами, академиками, юристами, медиками, писателями, чиновниками и т. д. и Угалуком, Алмахсидом, Хабаевым и т. д. Кажется, я никогда не высказывал, что мне тот или другой из моих знакомых нравится больше или меньше, смотря по тому — ведет он «умные политические» разговоры или нет. И если я из «ваших» кого-нибудь недолюбливал, то вовсе не потому, что он не вел умные речи. Отсюда и причина моей (воображаемой) молчаливости понимается Вами неправильно. Никогда я не хвалил всех членов той или другой корпорации. Я могу сказать, что мне та или другая профессия нравится или не нравится, но говорить, что все занимающиеся симпатичной мне профессией — хорошие люди, а занимающиеся несимпатичной мне специальностью — дурные, — я не мог. А главное — личности здесь ни при чем, потому что всякая личность есть, прежде всего, совершенно самостоятельная задача для желающего судить о ней, а потом, когда уже будет решен вопрос о том, что она есть сама по себе, — можно говорить о ней в связи с ее профессией. Вот почему слова: студенты, инженеры, медики, офицеры, академики и пр. совершенно нам с Вами не нужны при разговоре о наших знакомых. Если я в своем письме упомянул несколько фамилий и сболтнул, что, находясь в их обществе, на что вам студенты, то это просто шутка, а не желание выразить предпочтение обществу студентов перед теми «простыми, бедными тружениками, которые собираются по вечерам в семейном доме отдыхать, говорить пустяки, потанцевать, поужинать и разойтись, чтобы, рассеявшись таким образом, на другой день опять трудиться»...

Относительно Гаппо я теперь не могу не припомнить, что «услужливый дурак опаснее врага». Прислал

он мне «Ирон фæндыр» с надписью: «Джиппы <йæ> уагъта Гаппо Байаты». Я стал просматривать книжку и с первой же страницы стал приходить в бешенство, а к концу — со мной сделался прямо-таки нервный припадок. Исключая «Тæхуды» ни одно стихотворение не прошло без самых возмутительных корректурных ошибок, сделанных Гаппо просто умышленно, на основании своей собственной дикой орфографии. Мало того, он местами выбросил слоги и подменил мои слова своими, которые не только не рифмуются, но и нарушают строй, смысл и размер стиха. Даю вам честное слово, если бы это проделал не Гаппо, а какой-нибудь просто комиссонер, человек для меня посторонний, я бы заставил его переиздать книжку. А это издание сжег бы до единого экземпляра... Я ему это все высказал в письме... Помните, как убедительно я его просил и предупреждал самым серьезным образом у вас же за столом, чтобы он последнюю корректуру непременно показал мне... А если этого нельзя будет сделать, то чтобы он до мельчайших подробностей придерживался рукописи. Правописание, которого я придерживаюсь, выработано мною долгим трудом на основании корней и производства осетинских слов. Правильность его я могу отстаивать перед каким угодно ученым обществом, а Гаппо, и вообще кому бы то ни было, я не могу позволить самовольно, без моего ведома, изменять мое правописание и мысль по своему пониманию и в таком виде выпускать в свет под моим именем. Это прямо-таки не честно. И тем более, что я в Осетии не только Гаппо, но и никого в отдельности не признаю пока авторитетным знатоком нашего языка. А он сначала изгадил «Æфхæрдты Хæсанæ», а теперь еще того хуже поступил с моей книжкой. Ведь этому чурбану я дал право только на чисто механи-

ческое посредничество между цензурой и типографией, а не право редактирования моих произведений... А распределение стихов в трех отделах? — Никакой системы, никакой последовательности!.. Вы себе и представить не можете, какую горькую, возмутительно варварскую обиду он мне нанес этим бесцеремонным произволом над моим детищем!.. Это то же самое, если бы какой-нибудь индеец похитил у любящей матери-парижанки самого любимого ребенка и вернул его ей с густой «великолепной» татуировкой... «Афтæ мын хъæуы!» — это ваше выражение особенно здесь применимо!.. Но ничего! Век живи — век учись! Я послал ему такое письмо, которое, вероятно, сделает в нем некоторое асаже. Письмо Юлианы Александровны, о котором я писал ей, что оно не получено, — пришло двумя днями позже второго и третьего ее письма. О телеграмме Сона я ничего не знаю и напрасно рассчитывать на Дзибо, Гаппо, Зали и др. Если упоминаете (это я обращаюсь к Юлиане Александровне) о событии, то уж договаривайте, чтобы меня не ставить в... А то, о чем Вы умолчали «политично», о том Вы в одном из последующих писем упомянули уже очень прозрачно, так что вполне убедили меня, что Вы сами отлично знаете, на что я указывал, а потому дальнейших разъяснений не нужно. А вот владикавказское сообщение, о котором Вы говорите: «если исполнится, то сообщу» — это то же самое, что у меня записано в памятной книжке. Примите горячие уверения в совершенном почтении, любви и преданности Вам вашего неизменного Коста. Перемелется — мука будет. А когда собираетесь писать мне, то ставьте около себя графин воды.

Привет всем малым и великим, умным и неразумным... Александра крепко обнимаю. Пишу опять про-

шение одесскому градоначальнику, а то придется заниматься рыбным промыслом.

Написал бы еще кое-что, но Юлиана Александровна уже проговорила, что скучно читать мои «много-томные» письма — мне это, конечно, не обидно, так как я, как бывший газетчик, привык уже «молоть» даже тогда, когда меня ругают и хотят остановить.

Если холст и фотографические снимки еще не высланы, то и не высылайте до особого извещения.

Адрес: г. Пятигорск, Терской обл.

*ЕВВ Елене Александровне Цаликовой.
Эмировская, д. Сеферова.*

Ю. А. ЦАЛИКОВОЙ

10 августа 99 г.

Вероятно, дорогая Юлиана Александровна, Вы уже истощили весь запас бранных слов, в большом изобилии бережно хранившихся у Вас для меня... А почему, Вы думаете, я молчал так долго?.. Вот это и есть одно из бесчисленного множества отвратительных проявлений дрянной натуры так называемых «художников и поэтов»!.. Порой как заговорит, так его пожарной трубой не остановишь, а порой из него раскаленными клещами не вытянешь ни одного звука... Таковы уж эти «пернатые» избранники богов! А из Очакова ведь я уехал не 1-го, а 5-го... И это опять черта так называемого художника. Никогда нельзя верить, чтобы он в точности исполнил свое обещание даже тогда, когда ничто постороннее ему не мешает. Целых пять дней я боролся с своим чувством привязанности к очаковской обстановке, начиная от моря и связанных с ним

в знойное лето приятных ощущений и кончая непрерывным визгом и плачем детей, рипеньем разбитой гармоники и хрюканьем «ручной» свиньи... (Ваше последнее письмо попало сначала в Херсон, потом в Очаков, а оттуда опять в Херсон)... И чувство это тем более было интенсиивно, что мне Херсон очень не понравился... <...> И все так неопределенно, безвестно впереди!.. Когда все это кончится?.. Зачем такое насилие одного над другим?.. Зачем личность и свобода человека так мало гарантированы от произвола и насилия?.. И делалось мне очень нехорошо... И стыдно мне было, что не пишу Вам, не отвечаю вовремя на Ваши бесценные письма... по не мог побороть себя... простите!.. Приехал я в Херсон в 4 ч. утра 6-го августа и только в воскресенье нашел себе «комнату с мебелью» <...> в польской интеллигентной, хотя и бедной семье (вдова с детьми: два гимназиста, студент под «большим подозрением» и замужняя дочь). Комната моя очень большая по размерам (8×10 шагов), три окна в одной стене, одно — в другой. Обстановка не богатая, но очень удобная (большой стол, комод, диван, железная кровать и целых пять венских стульев, да еще умывальник). Ход отдельный, перед окнами три громадных акации и тут же водопроводный кран — двор очень чистый, весь обсажен деревьями. Плачу я за эту комнату с прислугой и с самоваром всего 10 р., на дом же носят мне обед в 2 блюда за 10 р. в месяц. Лампу мне дали с зеленым абажуром, графин. Впрочем, наученный опытом, я более подробно не буду описывать свою келью, хотя есть еще немало интересного в ней... Корзина моя дошла благополучно... Здесь имеется иконостасное заведение и меня приглашают туда... Сейчас пойду и узнаю условия... Это все жандармы за меня стараются... Новости, сообщаемые Вами, мне

не были известны, хотя я не сомневался, что запросят названных Вами лиц, — я сам указал на них в «памятной записке».

Гаппо на мое «грозное» письмо написал мне очень трогательный ответ и этим сразу искупил свою вину — покаяние полное, хотя и смягченное разными посторонними причинами и обстоятельствами. «Выходкой» моей, оказывается, Джигоев называл карикатуру. Гаппо очень просит не заводить с ним объяснений ввиду того, что он нам, как цензор, еще может пригодиться. Пока, adieu!

...Я сбегая в иконостасное заведение и сейчас же сообщу Вам результаты... Черт бы их побрал! Ходил на совершенно противоположный конец города, и мне объявляют, что хозяйина нет дома... сегодня приедет — приходите завтра... Я все-таки посмотрел работы его мастеров и расспросил их, на каких условиях они работают. Оказывается, — служат помесечно за разную цифру (от 15 до 100 р.) со столом и без стола... Работают с 6 ч. утра до 6 ч. вечера с часовым перерывом для обеда... Вот тебе, думаю, художники! — Как же вы так служите? Ведь иной раз кисть в рук не хочется брать... и тогда только работу можно напороть... Ведь гораздо выгоднее и для хозяина и для вас работать сдельно, тогда каждый будет больше стараться и работать в наиболее располагающее к работе время... только при таких условиях и работа может быть удовлетворительна... Они, бедные, со всем этим вполне соглашались, но говорят: «Хозяин так не принимает... влезай в 6 часов утра в ярмо и в 6 ч. вечера вылезай»... Ну, пет, говорю, на таких условиях я не поступлю к нему ни за какие деньги... до свидания!.. Не был я еще у своего жандармского геперала, а он, между тем, уже знает, что я здесь... Свиданье с ним

теперь особенно интересно, так как ему, может быть, что-нибудь известно о производстве следствия... Гаппо пишет о том даже, что там ходит слух, что состоялась отмена ссылки... Полное выздоровление ваших больных меня очень радует... Особенно жаль мне было Вашу сестру, которой так дорого обошлось ее небольшое путешествие... Ведь это не то, что на семеновской линейке... помните?.. Ведь сегодня ровно год, как я приехал в Пятигорск... Счастливое время!.. Я сейчас, как наяву, переживаю те удивительные ощущения, какие я испытывал при приближении к Пятигорску, при проезде с вокзала в номера Тупикова... Мне извозчик указал тогда дом Сеферова, и я, проезжая мимо него, старался не пропустить ни одного окна без того, чтобы в него не заглянуть: не мелькнет ли какая-нибудь знакомая фигура... Помню, с каким трепетом я, не умывшись даже с дороги, летел к вам от Тупикова... Ровно год... И сколько за это время пережито и хорошего и дурного, счастливого и мучительного... Помните наши «минуты откровенности», наши поездки... шалости, капризы, слезы. Хорошее, счастливое время!.. И удивительно, не правда ли? — как все непрочно, ненадежно. Один каприз, один порыв произвола, насилия, мести — и все твои планы, все зámки, как от страшного урагана, землетрясения, пожара, разрушаются до основания, рассыпаются в прах, разносятся пеплом... И если сердце не перестало при этом биться, то для него из всего созданного при содействии его жара пылкой фантазией остается обыкновенно одно воспоминание, тем более мучительное, чем больше оно связано с приятным в прошлом... Одно из непропущенных моих стихотворений «Я не пророк» заканчивается так:

Весь мир — мой храм, любовь — моя святыня,
Вселенная — отечество мое...

Эту мысль я высказал, когда писал это стихотворение, с глубоким убеждением, что я уже достиг моим духовным самовоспитанием такой высоты... И часто потом я искренно переживал блаженство сознания такого успеха... Но удивительна сама жизнь наша, частная, субъективная! Требования ее почти на 99% идут вразрез этой величайшей конечной цели всякого «подобия божьего...» Одна какая-нибудь мимолетная встреча, взгляд, слово вырастает незаметно в такую колоссальную силу, что все, что противодействует ее притяжению, должно или рушиться или претерпевать страшно мучительные колебания. В этом вся трагедия жизни. Слабые и неустойчивые величины, без малейшего сопротивления, отдаются деспотизму этой силы, и она в них олицетворяет все, что только есть мерзейшего в жизни. Более сильные величины, не сразу, а лишь после долгой борьбы поддавшиеся роковому притяжению этой силы и вместе с тем не теряющие своей центробежной энергии, — олицетворяют героев, — благородных и доблестных в меньшей или большей степени, — всех жизненных драм и трагедий... Величины более стойкие, обладающие еще большей энергией сопротивления этой силе и выработавшие себе раз навсегда известный путь движения, — как, например, земля вокруг солнца, — являются обыкновенно выразителями и творцами всевозможных великих нравственных идей и учений... Их зачисляют в разряд революционеров, и кто из зависти, кто из злости, мести и страха потери сокровищ, накопленных вековым рабством, обманом, грабежом и насилием, — прилагает все старания, чтобы скорее сломать их дерзкое неповиновение. Те же, кто из них попадает в разряд «не от мира сего», делаются обыкновенно предметом удивления, а то просто острот и насмешек... Однако при всех

их достоинствах, совершенстве и даже постигаемом только ими высшем блаженстве, они, благодаря полной изолированности и непрерывной, слишком сильной напряженности их центробежной энергии, очень недолговечны... Вот это-то, достигнутое такой энергией состояние и должно бы выражаться словами: «Весь мир — мой храм, любовь — моя святыня, вселенная — отечество мое»... А я, добрая Юлиана Александровна, оказывается, теперь еще далек от него потому, что я очень скучаю по Кавказу... И бог знает, какому бы Мефистофелю я не запродаю свою душу, чтобы только сейчас очутиться среди вас... Вот до чего непреодолимо сильны еще во мне требования моей индивидуальной жизни!.. И припоминается «взор глубокий», который так «был полон любви и участия», и так он все мог разрешить, что «больно, мучительно хочется счастья, мучительно хочется жить...» А тебе, вместо «этого», дают все терзания «круглого одиночества» в грязной яме, переполненной вонючими клопами,— по неволе после такого угощения заорешь: эх, «хоть бы треснуло сердце в груди!..»

Так как Вы предлагаете мне для большей ясности задавать Вам вопросы, на которые обещаете отвечать без всяких дипломатических утаек, то я Вам следующее письмо наполню исключительно вопросами... Елена Александровна, должно быть, закаялась со мной переписываться... «Нашла коса на камень...» Анне Александровне я напишу предлинное письмо, как только настроение мое изменится к лучшему, а то написанное при теперешнем настроении письмо может вызвать в ней опять ее морскую болезнь. Глубокие поклоны, горячий привет и поцелуи всей вашей семье, а излишек добрым знакомым.

Ваш Коста.

Херсон.
12 августа 99 г.

«Сплиты Никъалайæн Абрамы фырт загъта: Голицын дам пыффыста Къостайы раздæхыны тыххæй чиныг».

Это я вам цитирую из полученного сегодня от Андукапара письма. Сплиты Николай — офицер, осетин из нарцев, служит в Тифлисе, кажется, в придворной страже Голицына. Абрамы фырт — это тот бесценный благодетель, который постоянно сообщал нам все доносы и доклады Каханова обо мне Голицыну. Он, кажется, состоит чиновником канцелярии главноначальствующего. Силиты Николай в это лето встретился с Андухъапаром в горах и передал ему эту, несомненно, достоверную новость. Вопрос только в том, — по каким инстанциям пойдет *чиныг*? Если Голицын снесся уже с министром внутренних дел и с канцелярией по приему прошений на высочайшее имя, то, конечно, недолго придется ждать, а если *чиныг* предварительно пропутешествует в Петербург, то его в Херсоне можно ожидать не раньше месяца... Во всяком случае вы уже можете готовиться к моей встрече. Командовать почетным караулом пригласите Антонину Карловну; приветственную речь предоставьте сказать Марье Петровне, Вы сами можете поднести лиру из роз и белых азалий; Елена Александровна — хлеб-соль и помидоры на серебряном блюде; Юлиана Александровна во главе своей школы устроит по пути моего следования от вокзала до номеров Тушикова баталию цветов; Витя продекламирует «Æфхæрдты Хæсанæ», а Сеня пропоет марсельсу. Артиллерия может салютовать 101 выстрелом, а Осетинский дивизион, пройдя поэскадронно под

песню: «Гас цу, гæлæбу», может закончить встречу джигитовкой, имея на правом фланге Джетагъаза... Вечером бал... мужчины во фраках и мундирах, дамы в открытых светлых платьях со шлейфами à la Сара Бернар... Детали празднеств разработайте сами...

Телеграмма Ваша, действительно, меня поразила, а что Вы на это рассчитывали — то я тоже чувствовал, хотя это не помешало тому, что она меня и очень тронула... А почему? — это Вы отлично понимаете, так как в этой именно главе обширного тома психологии — Вы большой специалист и несомненный авторитет. Что касается до краткого конспекта Ваших впечатлений сочинских, афонских, сухумских и пр., то я даже по нем достаточно живо и правдиво рисую Вас в этой новой для Вас и действительно чарующей обстановке. Если бы Вы имели возможность из Сухума проехать через Клухорский перевал в Тебердинское ущелье и от нашего аула прямо в Кисловодск, то Ваше очарование было бы совсем сказочным... Если что портит впечатление по побережью Черного моря, то это монахи. Этот Афон по своему внутреннему содержанию такой притон фарисейства, лжи, обмана и самой паглой эксплуатации человеческого простодушия, что его, невзирая на его редкую красоту, я бы с восторгом предал пламени со всеми его мопахами, особенно провожавшими Вас со слезами... А кавалеры на пароходах всегда особенно внимательны к дамам, но это только до кораблекрушения, когда они, бросая дам на палубе погружающегося парохода, с бою захватывают шлюпки... Знаем мы их — внимательных кавалеров, подносящих в Сочах роскошный букет из роз, стоящий там в это время 3—5 коп. ... Это, конечно, шутка... Разве какой бы то ни было кавалер, при виде Вас, осмелится остаться к Вам невнимательным!.. Надеюсь — к моему

приезде Вы совершенно поправитесь, хотя я бы очень хотел видеть Вас загорелой под цвет черноморского абрикоса... Да небольшая потеря в весе для Вас была бы небезвыгодна. Крючки Ваши меня сильно смущают... С самого начала не повезло моему проекту. Много виноват и Андухъапар, который до приезда моего в Петербург не дал мне знать, что там не берутся за такую работу... А после уже я не имел возможности попасть во Владикавказ, чтобы лично растолковать мастеру детали рисунка... И вот Вы с крючками à la Дади с примесью Зали — да? Посмотрим, бог даст, что это за крючки. А я все-таки своей идеи не оставляю без осуществления, — хочу во что бы то ни стало ввести новую моду в туалете своих юных соотечественниц, с условием, чтобы крючки по моему рисунку и вообще по этой уже «новой» форме назывались «крючками Коста» — хоть этим я буду памятен нашим осетинкам.

В письме к Юлиане Александровне я упоминал о том, что я не застал хозяина иконостасного заведения. Вчера я был у него опять... Застал. Разговорились... Он, оказывается, рассчитывал (когда узнал, что я могу взять работу только сдельно), что я возьму только рублей 15—20 за каждую местную икону. Когда же я ему объявил, что меньше 50 р. за икону нельзя взять, — *уæд хорзау нал фæци...* Видимо, ему не хочется меня упустить, так как мастера у него плохие, а некоторые иконы уже надо сдавать. Сознывая, что в таком виде, как я их видел, их могут не принять, — он и предложил мне хоть для пробы написать лицо Паптелеймона, уже «готового» к сдаче. Я согласился, не сговорившись даже о цене, и обещал сегодня зайти и поработать, но не пошел, потому что на дворе сильный дождь и день такой темный, что охру от белил

нельзя отличить. Завтра, если прояснится — пойду. Он (хозяин) меня заманивает особенно тем, что у его тещи имеется 30 икон, которые надо будет писать «художественно», и он за ценой не постоит, если ему работа понравится... «А о работе-то судить буду я — он мне только и верит...» Соображаете, какая тонкая политика? Будем посмотреть... Чем кончилось дело Евлаховой с гимназией в суде? А ваша кукольная комедия?.. Грандиозное гулянье Антонины Карловны?.. Ведь лето проходит, а в газетах о них ничего не упоминается... Бываете ли в опере?.. Принимаете, должно быть, горячее участие в овациях шалашинских... Варвара Григорьевна и Иван Григорьевич так и не показались на воды, да?.. Я ее совсем потерял из виду... Фотограф Садулла прислал 2 снимка с моей злосчастной картины «Каменщики», которую Тхостов продал ханше и присвоил деньги... Снимки хотя и не особенно удачные, но меня привели в полное умиление, до того эта картина хорошо задумана и скомпонована. Я теперь только разглядел ее прелести. Употреблю все средства, чтобы получить ее обратно. Это прямо-таки сокровище, если ее еще поотделать... Будьте здоровы и веселы.

Ваш Коста.

Глубокие поклоны, горячий привет и поцелуи всей семье вашей и нашим общим приятелям.

Пишите. До скорого свидания.

Адрес: г. Пятигорск, Терской обл.

ЕВВ *Анне Александровне Цаликовой*
Эмировская ул., д. Сеферова.

22 авг. 99 г.

Добрая, хорошая, прекрасная, чудесная, расчудесная, распронаипрекраснейшая Юлиана Александровна! — Это не комплимент. Не будь Вас, я бы уже давно подох на этой анафемской чужбине. Каждое Ваше письмо для меня праздник на целую неделю. Я в это время не только духовно перерождаюсь к лучшему, но даже физически делаюсь бодрее, подвижнее, моложе и даже цвет лица делается очень интересным... Если Ваша сестра вернулась из Владикавказа, то Вы из моего письма к ней уже узнали, вероятно, что я еще не имею никаких официальных известий. Дело, как я и писал в письме к Вашей сестре и как я еще яснее теперь объясняю себе, состоит, должно быть, в том, что Голлицын на запрос канцелярии по принятию прошений ответил согласием на мое возвращение, и вот, пока канцелярия оформит да отправит резолюцию в Херсон, — время идет. Разве они озабочены тем, как мучительно медленно тянется для меня время в Херсоне? Если бы я никаких частных сообщений не получал, было бы даже лучше... Недаром говорится: что тяжелее — иметь и потерять или ждать и не дожидаться?.. Что это не утка — в этом я не сомневаюсь, потому что источник очень компетентный (Абрамов). Если телеграмма была на мое имя, то, может быть, она была адресована в Очаков, и в этом предположении я сегодня написал в Очаковскую почтово-телеграфную контору, чтобы выслали ее сюда, загубил две 7-копеечные марки, — ведь на этот капитал я бы Вам письмо в 4 листа мог послать... Вообще я теперь понял смысл политической

экономии и стараюсь на одну марку наговорить как можно больше слов и, конечно, приятных. Благодаря этому я испортил и свой почерк. Программу моей встречи я изложил в письме к Вашей сестре и предлагаю в главных статьях не отступать от нее. Алмахсида (а не Альмахсида) я очень люблю и если пользуюсь его взаимностью, то считаю себя вдвойне счастливым, так как первая и главная половина счастья — любить самому, а уже быть любимым это значит пользоваться усугубленным счастьем любви. Замечаете, как только я натыкаюсь на *это* слово, так у меня сейчас же изменяется стиль письма, — появляются слова и периоды, освященные рассуждением о высоких материях. Нпкак и ничем меня не отучишь от этой слабости. Кстати прилагаю при сем недавно написанную мною на эту тему осетинскую басню... Из нее Вы увидите, как сильны привычка и инстинкт в обиходе жизни. Переход Осетинского дивизиона во Владикавказ меня очень радует, — там им будет житься несравненно лучше. Джетагъгъэз'у я очень сочувствую, но, ввиду личного характера его хандры, вызываемой распоряжением, ведущим весь Осетинский дивизион к большему благополучию, — нельзя не упрекнуть его в малодушии, только как воина, конечно, а не как осетина и вообще не как человека. При этом очень прискорбно, если в самом деле я не приеду раньше 1-го сентября и месячное жалование Джетагъгъэз'а останется не использованным благоразумно и приятно. Гадалке Елены Александровны я посылаю типун на язык, так как я не думал болеть и не вернулся к Вам после 14-го через 7 дней. От Лекси получил письмо и я, и разница между Вашим и моим письмом только та, что его секретарь или письмоводитель меня не величает преосвя-

щенством. Этот грамотей несомненно питомец учебной команды Осетинского дивизиона. Получил я и из Петербурга от Андохъапара дубликат того письма, которое я получил от него из Владикавказа — тоже спрашивает, не имею ли я официального известия. Чудак! Я бы разве сидел здесь и молчал тогда... Идея Даута, если только она серьезна, заслуживает самого горячего приветствия. Я знаю много случаев, когда кончившие курс в высших учебных заведениях поступали на военную службу, не говоря о студентах-перебежчиках. Но чтобы офицер сумел найти в себе силу и энергию поступить в высшее гражданское учебное заведение — такого примера я не знаю и тем более восхищаюсь намерением Даута. Дай ему бог блестяще осуществить свою великолепную идею. Пожмите ему крепко руку...

Æз Хораны фыртыл цы зарæг скодтон, кæд Дзæуджыхъæуы фæсивæд мæныл дæр ахæм зарæг скодтой, уæд Каханы фыртмæ Туркестанмæ фæлидздзынæн, кæнæ Херсоны баззайдзынæн. Тем более, что я уже здесь начал богатеть. Позавчера от иконостасчика получил золотую пятирублевку за три сеанса над головой и руками Пантелеймона. Он очень доволен моей работой, очень извинялся, что больше не в состоянии дать, но обещает в недалеком будущем много работы от тестя. Затем я почти вступил в компанию с лучшим здесь фотографом. Завтра я начну делать красками по фотографии портрет губернатора для его выставки. Если губернатор его купит, то я получаю за свою работу, а если нет, то портрет будет оставаться на выставке у него. Будет сделано объявление, что такие-то портреты за такие-то цены исполняются в такое-то время, там-то (фотография). Я буду получать по 25 р. от портрета,

а он, смотря какого размера формат, от 10 до 25 р. Первой заказчицей изъявила желание быть жена фотографа, вертлявая и довольно смазливенькая еврейка. Цену, которую я предложил, они находят очень маленькой и при успехе пробного портрета они уверены, что заказов будет поступать много... При усидчивой работе таких портретов можно в неделю написать пару. Приглашает меня и здешний антрепренер быть у него на зимний сезон декоратором. Но я ему, конечно, не мог дать определенного ответа ввиду моего неопределенного положения... Не обошлось без кляузы и здесь. Из семи газет, которые я здесь получаю («Северный Кавказ», «Терские ведомости», «Казбек», «Сезонный листок», «Новости», «Петербургские ведомости» и «Одесский листок»), я плачу только за последнюю. Выписываю я ее помесечно из-за телеграмм. В Очакове она из Одессы получалась в день выхода, так что имела большие преимущества перед другими газетами, которые доходили до меня только на 4-5-6 день. Когда начался процесс Дрейфуса, я стал замечать, что газета <...> стала некоторые телеграммы российского агентства выбрасывать, именно такие, которые не говорили в пользу Дрейфуса. Я долго терпел и наконец не выдержал и послал в здешнюю газету «Юг» письмо. Я плохо верил, что его напечатают <...> Однако, большая конкуренция этих двух газет в Херсоне взяла верх, и письмо напечатали. Теперь ожидаю, что ответит «Одесский листок». Ведь это для него большой скандал. Газеты могут пощипать его здорово. И в этом случае посылаемая вам басня «Уайдзæф» очень кстати подтвердит мою несправивность. Не знаю, получите ли Вы книжку моих русских стихотворений? Я ее послал 13-го, но ввиду того, что я пропустил цензурные заполнил рукописью, ее, пожалуй, могут задержать...

Коммаггасы ма цаѣв, —
и т. д.¹

Эта басня, собственно говоря, в одинаковой мере относится и к Вам, так как Вы, несмотря на мои неисчислимыи и убедительнейшие доводы, нисколько не изменили своей натуре. Не судите да не су-ди-мы бу-де-те!!!!..

Первую телеграмму после официального подтверждения слуха о свободе получите, конечно, Вы, в этом Вам порука неизменная преданность, глубокое уважение и неизъяснимая и не доступная никаким словам и краскам любовь неисправимого Вашего

Коста.

Марье Петровне, Антонине Карловне, Михаилю Анзельмовичу, Ржаксинским и Борисовским самый горячий (теперь, кстати, у вас уже прохладно) привет и низкий поклон. Осетинской колонии — мой душевный *салам*. Учащейся молодежи желаю блестящего успеха и цветущего здоровья. В заключение обнимите и поцелуйте за меня Александра. Все-таки у вас, Цаликовых, такого не было и навряд ли когда будет...

* Посвящается Юлиане Александровне

¹ Перевод басни «Уайдзѣф» («Упрек») см. наст. изд. том I, стр. 122.

Ю. А. ЦАЛИКОВОЙ

29 августа 1899 г. Херсон.

Где личной жизни нет, где гаснет вера в счастье,
Там горе ближнего, страдания его
Не встретят отклика, не вызовут участия, —
Там холодно, темно, там чуждо все всего...

Я понимаю так и равнодушие ваше...
Простите! — я далек вас этим оскорбить...
Я лишь хочу сказать, что жизнь полней и краше, —
Когда способны мы молиться и любить...

Это стихотворение называется: «Дипломатическая нота»... Вы, как первостепенный дипломат, конечно, поймете, что это касается конфликта Англии и Трансвааля... Написал я Вам письмо еще 26 августа, но не послал, так как оно, вопреки моему желанию, оказалось изложенным в самом что ни на есть минорном тоне. Начиналось оно так: «Если написать Вам правду, то Ваше суеверие, — и так слишком большое, — перейдет всякие границы»... Затем начинаю колебаться и, назвав Вас дорогой Юлианой Александровной, прошу Вас и вообще всех, от кого Вы не *скрываете* содержание моих писем, — не придавать никакого значения *случайному* совпадению и рассказываю, — какому именно... Рассказ этот был изложен слишком мрачными красками, и когда я его на другой день (я писал ночью) просмотрел, то сам ужаснулся и решил не посылать... Теперь я уже могу Вам сказать, в чем дело. В тот же день, когда я написал и отправил последнее письмо, в котором я гадалке Елены Александровны сулю типун на язык, так как «я и не думал болеть и не приехал к Вам через семь дней после 14-го» — в тот самый

день к вечеру я почувствовал себя очень плохо и наутро уже не мог встать с постели. Теперь я уже почти поправился и могу говорить об этом, как о минувшем... Доктор, по обыкновению, признал инфлюэнцию, по я в первые 4-5 дней думал, что это какая-нибудь чума, до того мне было скверно... Присмотреть некому, — единственная прислуга на весь дом, да к тому же ленивая, неповоротливая, и я, несчастный, томился хуже Дрейфуса на Чертовом острове. Можете теперь себе представить, каково должно быть письмо, вдохновленное таким стечением обстоятельств в связи с общей картиной теперешнего моего положения!.. Вот я и не послал его... Может быть, когда-нибудь покажу. Теперь я в первых строках моего письма уведомляю Вас, что «я жив и здоров, чего» и т. д. Позавчера я от редакции «Одесского листка» непосредственно получил очень любезное письмо, обстоятельно разъясняющее причины непечатания некоторых телеграмм российского агентства. Причины эти — запаздывание телеграмм к данному № газеты и затем потеря ими всякого значения и смысла для последующего номера. Но это объяснение годится, конечно, только для городских подписчиков, которые эти пропущенные телеграммы могут прочесть в другой газете. «Вы изволите утверждать; — говорит редакция, — что делается нами это тенденциозно, с целью будто бы представить дело Дрейфуса в ином виде, чем оно есть в действительности. Смейте Вас уверить, что Вы глубоко заблуждаетесь в Ваших выводах. Скажем более: телеграммы российского телеграфного агентства по этому делу мы считаем очень ценными; но дело вот в чем...» и т. д. — идут чисто технические объяснения печатания газет... «Примите уверения в совершенном к Вам почтении и преданно-

сти»,— заканчивает письмо секретарь редакции В. Лучинский.

Признаться, я от них не ожидал такого мирного разрешения конфликта... Не могу только никак дожидаться развязки конфликта с Кахановым. Как в воду все кануло! А пора бы теперь!.. Завтра запрошу опять свою прелестнейшую княгиню Сопа, чтобы скорей стряхнула пыль с канцелярских бумаг... Имя мое доброе везде треплется всус. В статье «Еще о горцах Северного Кавказа» в «С.-Петербургских ведомостях» Сережа Жантиев приводит меня как пример. «Из интеллигентных туземцев в Терской области... терпимы только те,— говорит автор,— которые умеют прикидываться равнодушными к общественным интересам; всякий же, проявивший некоторую самостоятельность, сделавший попытку своим знанием условий местной жизни осветить некоторые вопросы и тем помочь просвещению края, рискует быть высланным из пределов области, подобно осетину»... Вашему покорнейшему слуге. Вообще эта статья его довольно дельная, хотя большая часть ее — повторение из моей статьи. Напечатана в № 231 от 25 августа «С.-Петербургских ведомостей». В Пятигорске, кажется, можно достать... Прочитайте. У Гапейзера наверное есть.

Ю. А. ЦАЛИКОВОЙ

30 авг. 1899 г. Херсон.

Мне начинает становиться как-то неловко просить Вас писать почаще. Я хорошо понимаю, что в этом мало интересного, особенно для Вас, большой неохотницы вести переписку с кем бы то ни было... А так мне очень тяжело... Зачастую я по целым дням не перемолвлюсь

ни одним словом, разве прислуге кое-когда буркнешь «уберите», «принесите», «купите» и пр., да сам с собой поговоришь или считаешь вслух, чтобы хоть язык не одеревенел. Не будь дела Дрейфуса (вчера оно кончилось — присужден на 10 лет в тюрьму) и вообще получаемых мною газет, промежутки между Вашими письмами были бы для меня хуже всякой каторги. О сестрах Ваших, а тем более об Александре, я уже и не говорю. «Что он Гекубе и что она ему?..» А говорить с Вами хочется всегда, каждый час, каждую минуту... чтобы знать все до мельчайших подробностей и пустяков о вашей жизни, мыслях, планах, времяпрепровождении и т. д. Ах, когда же я дождусь свободы! Тогда бы я, опять просиживая у вас целые дни, знал и понимал все, что мне нужно, без слов, на которые вы все так скупы в отношении меня, всегда слишком болтливого собеседника¹. Честное слово, Юлиана Александровна, — вся эта пометка занята была моей личной характеристикой. Очень уж разоткровенничался. Вложил уже письмо в конверт, но... сробел... извлек его опять и позамазал всю исповедь... Не пора еще, значит, исповедоваться.

Аргументация солидная! Но все-таки шила в мешке не утаишь... Грустно!.. и обидно... ох, как обидно!..

Так жизнь молодая проходит бесследно,

А там... там и близок конец...

И все, как посмотришь, так пусто, так бледно!..

Знать, смерть мне — лавровый венец...

Но и это — все *все-таки* не стоит соленого огурца... нет, — крымского помидора!.. Что случилось с осетинским дивизионом — проводили или нет еще? Как здоровье

¹ Следующие тринадцать строк текста густо замазаны. — Сост.

больных? Где теперь *дуська* Альмахсид? — уехал или еще пребывает в родных палестинах? А Угалук так и не показывался? Чем кончилась история осетинских крючков Вашей сестры? О грандиозном «празднике цветов» Антонины Карловны я ничего еще не нашел в «Сезонном листке». Состоится или нет? Не спаржа ли мешает? А куклы Марьи Петровны? Не сбежали ли с курсовавшими драгунами?.. «Вы не исполнили священного завета — свою любовь и ту забыли Вы»... Вы не можете себе представить, — этот романс сейчас поет в нашем дворе арфистка, старуха лет 70, а то и больше... Я сначала не подозревал и предполагая, что это какая-нибудь девчонка — «итальянка», выглянул в окно и поразился... маленькая, согбенная, морщинистая старуха с огромной арфой заливается майским соловьем... Вот... вот... перешла на плясовую... Что это? — талант, который не может утомиться, или нужда, которая пляшет, скачет и песенки поет?.. Кончила, наконец. И жалко ее и обидно за человека... Сейчас принесли почту и опять нет письма... От Вас, по моему расчету, я должен получить только завтра, 31-го... А от сестер Ваших я уже перестал ожидать... Да будет им стыдно!.. На днях ко мне заявился полицейский и передал, что г. полицеймейстер меня просит... — Что, получены какие-нибудь бумаги? — спрашиваю... — «Да, кажется, бумаги»... — Так доложите полицеймейстеру, что я, как видите, не могу еще выходить, лежу больной... а бумаги пусть пришлют мне сюда, я прочитаю и распишусь... Полицейский ушел и с тех пор, как в воду канул... Я тогда попросил младшего Кригера сходить в полицию и узнать в чем дело... Однако ему ничего не сказали... не было полицеймейстера... да и сам Кригер у них под надзором... Так я и не узнал до сих пор ничего... А из дому я еще

не выхожу... Сейчас мне за обедом прислуживал хозяйский сын — гимназист... Что это вы? — спрашиваю... «Прислуга ушла... выходит замуж»... Вот тебе, как же теперь без прислуги? Елене Александровне этот вопрос особенно близок, — она поймет мое огорчение, хотя наша толстая Елена была ужасно ленивая, неряшливая и неповоротливая... И вдруг замуж. Нашелся-таки какой-то Ромео. Итак... пока я все-таки в большой надежде на свободу, а потому говорю «до свидания...» Всем вашим и всем нашим добрым знакомым горячий привет. Александра особо крепко обнимаю... Не забывайте всецело Вашего Коста.

А. Л. ХЕТАГУРОВУ

1 сентября 99 г.
Херсон.

Со дня на день лихорадочно жду какого-нибудь извещения и до сих пор нет ничего — все как в воду кануло. А тем временем мой злой гений не оставляет меня своим преследованием... Опухоль стала увеличиваться, и я только с трудом мог двигаться — боль ужасная! Отправился к одному доктору. Он признал это следствием экземы, наличие которой он доказывал шелухой <...>. Я не стал оспаривать, хотя отлично знаю, что у меня нигде никакой экземы нет, а это просто от пота <...> Прописал он мне мазь (втирать 2-3 раза в сутки)... Через два дня ясно уже было, что опухоль нагноилась, чего не допускал доктор. Боль ужасная, совершенно не мог уже двигаться. Кригер (один ставрополец, сын нашего учителя географии, бедный старик недавно умер) привел мне другого доктора, который ничего злокачественного

не нашел и порешил вскрыть опухоль на другой день, а пока велел класть согревательные компрессы. Как сказано, так и сделано. 28-го вскрыл нарыв и сделал перевязку. Боль сейчас утихла. На другой день перевязку сделал присланный мне фельдшер... Я как посмотрел, как они делают эти перевязки, так решил, что я сам, как ученик Потоцкого и Канцеля, гораздо лучше их сумею перевязать, и когда на третий день фельдшер явился, я ему деликатно объявил, что повязка ослабла, и я сам уже сделал перевязку — и ничего... если нужно будет, я пришлю за вами. Дал ему целковый и с тех пор его не вижу. Обошлась мне вся эта процедура уже около 15 р. Такой непредвиденный расход совсем не входил в мои расчеты и сильно подорвал благополучие моего бюджета. От <...> Евсеева за целое лето не могу добиться ни счета, ни денег. На письма и телеграммы отмалчивается. Жена его как-то мне ответила, что Дмитрий Иванович в разъездах, что у него денег нет,— подвели его Зданович, Львов и др.— много пришлось уплатить в банк и т. д. Теперь я ему послал очень внушительное письмо, и если он к 15 сентября не пришлет мне, то я могу прямо-таки остаться на улице. Не шлет мне и негодяй Тхостов, мошеннически продавший мою картину «Каменщики» Ибрагимбековой и промотавший деньги. Писал я и Шанаеву и Голиеву, чтобы они его пристыдили,— и ни звука ни от кого. Город Херсон хуже всякого осетинского аула <...> и о каком-либо заработке здесь не может быть и речи. Земство переполнено студентами. На другие учреждения нельзя и рассчитывать, как находящемуся под надзором полиции. Обошел все фотографич., живописные и иконостасные мастерские, — предлагают 20 р. на хозяйских харчах за ежедневную 12-часовую работу (с 6 ч. утра до 6 вечера). Был я и

в редакции «Юга» — все должности заняты и на некоторые имеются даже кандидаты... Относительно продажи участка сделал широковещательное объявление, которое и разослано с «Северным Кавказом». Таковое мое финансовое положение. Позавчера написал я твоей приятельнице княгине Сона, чтобы она разбудила заснувших над моим прошением прохвостов, — да в Петербурге ли она? Газет получаю невообразимое количество, целых 7 — «Северный Кавказ», «Казбек», «Терские ведомости», «Сезонный листок», «Петербургские ведомости», «Новости» и «Одесский листок». Плачу только за последнюю из-за телеграмм. Добрейшему Федору Константиновичу передаю мою душевную благодарность за «Новости» и вообще за все его неустанные хлопоты... «Петербургские ведомости» так и не печатают мой ответ, хотя обещали Федору Константиновичу, что будет напечатан. Дубина Гаппо до неузнаваемости испортил мое «Ирон фандыр». Мало того, что в каждой почти строке несколько глупейших ошибок (вместо дз — ц, вместо д — т), но он повыбросил в некоторых местах, как придыхательное, æ и подменил слова, что испортило не только рифму, но и строй стиха. Я разозлился на него, как на кровного врага. Послал ему «ругательное» письмо, а он только облизнулся и прислал кучу извинений, комплиментов и оправданий. — Такая уж кровь хамская. А книжку просто не хочется брать в руки — расстраивать нервы... Скотина! Как я его просил точно придерживаться рукописи. Клапайся Ольге Ивановне, Лидии Николаевне, Лише, Магомету, Джамболату и всей нашей молодежи. Пиши! Не скупись — хоть анекдоты, да пиши... а то подохну я здесь без родного звука.

Твой Коста.

Не найдешь ли возможным прислать мне Осетинское евангелие. Я начал его перевод и некоторые слова и выражения хотел бы сличать с поповскими, — пришли, пожалуйста. Написал я около 300 строк «Хетæджы кадæг». Выходит очень характерно!

Адрес: *С.-Петербург.*

*ЕВ доктору Александру Левановичу Хетагурову.
Николаевская, 4.*

А. А. ЦАЛИКОВОЙ

7 сент. 99 г.

Вот вы уже разработали программу празднеств, да, кажется, слишком преждевременно. Я в предыдущих письмах не упомянул об одном обстоятельстве, чтобы не вызвать напрасную тревогу... В то время, когда я лежал больным, ко мне заявился полицейский и передал, что полицеймейстер просит меня к себе... — Бумаги какие-нибудь получены? — спрашиваю. — «Да, бумаги, кажется»... — Ну, так доложите полицеймейстеру, что я, как видите, лежу больной и не могу быть у него, а пусть он пришлет мне их, и я здесь прочитаю и распишусь... Полицейский ушел и больше не появился. Я попросил младшего Кригера забежать в полицию и узнать в чем дело. Он побывал, но полицеймейстера не застал, а остальные чиновники ничего ему определенного не сказали. Вчера я уже чувствовал себя настолько хорошо, что мог поехать в фэатоне и на почту и в полицию. Застал всех, все меня очень участливо встретили... и полицеймейстер прочитал мне бумагу от херсонского губернатора. «В дополнение к такому-то номеру *главный штаб* доводит до...» и пр., «что житель Осетинского селения Кубанской области, Ваш покор-

ный слуга, подлежит полицейскому надзору в продолжение трех лет»... «При чем же здесь,— недоумевают полицейские чиновники,— главный штаб?» Я им объяснил, что такие дела, касающиеся туземцев Кавказа, ведутся по военному ведомству. Принял я эту новость очень равнодушно и даже пошутил по поводу ее. «Запоздало,— говорю,— это распоряжение, я уже имею достоверные сведения, что главноначальствующий подписал бумагу о моем возвращении... и я только удивляюсь, что она так долго идет»... Когда я вышел из полиции, то, конечно, равнодушие мое стало омрачаться всевозможными предположениями и догадками... Может быть, это и есть распоряжение Голицына, прошедшее через главный штаб, или, может быть, чиновник или писарь канцелярии губернатора бумагу из штаба Кавказского военного округа назвал по рассеянности бумагой из главного штаба, и, наконец, может быть, Абрамов сокращение срока ссылки с 5 на 3 года принял по какой-нибудь недомолвке за полную отмену ссылки. Вот вопросы и предположения, которые чем дальше, тем гуще затемняют мои мыслительные аппараты... Все это, я конечно, выясню в недалеком будущем, когда оправлюсь совсем, а пока стараюсь не придавать этому серьезного значения, о чем прошу я вас всех. На днях же, вероятно, получу более свежие сведения от милейшей книгини Сона, которые, надеюсь, вполне опровергнут мои теперешние предположения и догадки, а пока еще раз прошу не придавать им значения чего-нибудь положительного. Странно только, если Джантемир виделся с Абрамовым, то как он не расспросил его более обстоятельно... Гаппо я и до сих пор не могу простить его фальсификации в «Ирон фæндыре». Уверяю Вас, я не могу этой книжки видеть. Если бы я мог собрать все издание и сжечь его, я бы

помолодел, по крайней мере, на 10 лет. Я понимаю корректурную ошибку, но заменять слова, выбрасывать слоги, изменять падежи и, таким образом, нарушать не только рифму, но и строю стиха и смысл выражения!..

А в стихотворении «Фесæф» выброшена целая строфа, которая, вероятно, не понравилась джиппæй уадзæг'у, а того не сообразил, что этим он ослабил силу стиха и нарушил мотив, которым передается «Фесæф» («Пропадай ты, жизнь»). А о пакостях цензора противно и говорить. Ну, я не оспариваю «Додой», «Катæй», «Салдат» и даже «Халон», а на холопскую его трусость перед совершенно невинным стихотворением «Азар», а тем более перед тремя строками в предпоследней строфе стихотворения «Ракæс», я уж никак не могу смотреть без омерзения... Вот так-то господа, охранители основ и устоев существующего порядка, отбивают всякую охоту к хорошему делу. И если бы они действовали по убеждению — ну, тогда и бороться с ними не обидно, а ведь видишь каждого из них насквозь, видишь, что им руководит чисто лакейская тактика — получше прислужиться своему барину и получить лишний раз на чаек, — и поэтому-то противно с ними и бороться. Их надо покупать, если хочешь, чтобы они были на твоей стороне, или, выражаясь более реально, им, как всякому лакею, надо заплатить больше, чем он получает у своих господ, и они еще с большим рвением будут служить тебе и твоим идеям... И ну их!.. Кубалова, к сожалению, я не знаю, — видел его только раза два. Судя по его «Æфхæрдты Хæсанæ», я не вижу в нем тихой вдумчивости в смысл и цель жизни и поэзии. И это не потому, что он еще молод, — нет! Вы сами припомните-ка своих подруг и даже так — более близких знакомых, наконец, своих

учеников. Неужели Вы по нескольким их характерно очерченным особенностям в манере глядеть, говорить, сидеть, ходить и т. д. — не можете определить, насколько данный объект Вашего наблюдения поверхностен или вдумчив и глубоко восприимчив?.. Мне кажется, это нетрудно узнать. А по литературным произведениям это узнается легче — даже по детским опытам особенностей автора можно видеть ясно. Из всех писателей мира, может быть, из 100 000 один ухитрился не проявить в своих произведениях особенностей своей натуры. Вообще трудно быть объективным в каком угодно, даже прозаическом вопросе, даже в рассуждении о логарифмах...

«Петербургские ведомости» я послал Вам без расчета получить благодарность, напротив, я рассчитывал на другой эффект и, кажется, достиг, ну, хоть отчасти — и то хорошо. А мадам Чернова совсем кстати подвернулась, если она такая же афонистка, как Вы, а во-вторых... Как это в фразе Вашей «досталось бы Вам! — во-первых, за Афон»... связано с «во-вторых, влюбились бы непременно в Вырубова»? Почему во-первых — Афон, а во-вторых, Вырубова? Вот и судите теперь сами, какое влияние оказывает Афон на паломников. И удивляюсь я еще — как Вы до сих пор не знаете моего вкуса. Никогда я не увлекался веселыми и свеженькими барышнями à la Вырубова, а тем болееменно ею, уже по одному тому, что она Вырубова, дочь знаменитейшего на Северном Кавказе мошенника и вора. Я с такой породой и просто знакомым не могу быть, не то чтобы ими еще увлекаться. А вот Буржалова, если действительно «в другом духе», то это другое дело... Очень бы хотел взглянуть на Вашу группу с Альмахсидом. (Удивительно сентиментально выходит Альмахсид! Бросьте, надо писать правильно, твердо

Алмахсид). Вот Вы мне не верите, но уверяю Вас, что такого поразительного сходства невозможно достигнуть, как в портрете с Вашей гимназической карточки. Ну, прямо живая, только не говорит. Да и это нисколько не ухудшает положения, так как и оригинал со мной никогда не разговаривает. Юлиане Александровне скажите, что я пишу ей очень фундаментальное письмо. Написал было два листа и хотел сегодня же отправить, но убоился — слишком откровенно.

Правда, пришлите, я посмотрю Вашу карточку с Альмахсидом, тем более интересно, если Вы в новых крячках.

Радн аллаха, пишите почаще и побольше. Наступившая осень меня совсем пзводит, и я просто не могу себя представить проживающим и зиму в Херсоне. Елена Александровна если не хочет мне писать, то пусть хоть одну помидору пришлет.

Передайте всем, по Вашему усмотрению, привет, поклоны и поцелун. Александра крепко обнимаю. Лидии Иакинфовне особо низкий поклон. Не забывайте Вашего Коста.

*Адрес: г. Пятигорск, Терской области.
ЕВБ Анне Александровне Цаликовой.
Эмировская ул., д. Сеферова.*

Ю. А. ЦАЛИКОВОЙ

8 сентября 99 г.

С праздником, дорогие мои!
Сегодняшний праздник особенно должен быть почитаем нами, так как им начались многострадальные испытания Александра и всех, кто его любит, испытания, которые к общей радости закончились так счастливо...

Так пожелаем же дорогому нашему пастырю долголетия и цветущего здоровья с полной гарантией от каких бы то ни было неприятностей на будущее время под заботливой охраной сегодняшней новорожденной! Ура! Я нарочно купил вина на сегодня, чтобы с самим собою один на один выпить за Александра, а потом, конечно, и за всех вас...

А к Вам лично, Юлиана Александровна, хотя я Вам наговорил уже много хороших и приятных эпитетов, не могу не придрататься. У Вас всегда так много новостей и Вы так не простительно медлите сообщать их. Мстите разве за единственную мою паузу? Тогда и это нехорошо, нехорошо вообще, а тем более для учительницы церковной школы... Берите с меня пример и будьте также всегда готовы прощать даже своих врагов, и «в ответ на их проклятья страдать за них любя, страдая их любить...» Хотя в последнее время стал замечать, что друзья гораздо опаснее врагов, и это потому, что по отношению к ним не держишься оборонительного образа действия, так как веришь в их благонадежность... А вот Ваш самый свежий из множества имеющихся у меня таких же поразительных фактов.

На днях я получил от правления Допского земельного банка бумагу с «предостережением». Оказывается, мой милейший приятель Митюша Евсеев не внес в банк за целых два полугодия процентов на взятую мною ссуду, благодаря чему накопилось до 100 р. недоимки, и потому банк предупреждает меня, что если я в шестинедельный срок не внесу числящихся за мною процентов и недоимку, то участок мой будет назначен к продаже... Я так и ахнул... Непозволительное поведение Евсеева меня уже давно приводит в первое состояние. По контракту нашему, заключенному по

случаю вступления с ним в компанию по изданию газеты, было обусловлено, что если я почему-либо найду неудобным оставаться его компаньоном, то со дня заявления об этом он должен вернуть мне сполна мой пай в месячный срок. Теперь прошло уже 2½ года с тех пор, как я с ним разошелся, и до сих пор не могу развязаться... И это потому, что мы иначе друг друга не зовем, как «дорогой», «милый», «добрый» и т. п. Да все бы это ничего, если бы он хоть по отношению банка был аккуратен, так как он взял на себя обязательство вносить вовремя проценты и погашения. При этом я никогда не отмечал, когда и сколько я у него перебрал по мелочам, и потому, какой бы счет он ни представил, я должен буду его признать... В отношении банка мое положение теперь именно особенно щекотливо... В настоящее время я сам не могу внести этих денег, потому что у меня нет таких капиталов, а от Евсеева не могу добиться не только денег, но даже ответа на мои письма. Аренда, которая получается с участка, вполне достаточна на уплату процентов и погашение капитала, и я бы в крайнем случае лишил Лекси на время моей безработицы этой аренды, но горе только в том, что сейчас, т. е. в продолжение максимум 3 месяцев, надо будет внести банку не меньше 300 руб., а взять их негде — на Евсеева рассчитывать нельзя. Жена его мне как-то ответила, что Дмитрий Иванович в разъездах и что у него совсем денег нет, что его подвели Зданович и застрелившийся полковник Львов (дети и жена его в Пятигорске), и что поэтому ему много пришлось заплатить в разные банки. Вот и выкручивайтесь, как можете!! Если участок попадет к банку под молоток, то я за него ничего не получу или очень мало, и это потому, что

торги происходят в Таганроге и туда, конечно, никто не попадет из тех, которые хоть сколько-нибудь знакомы с местностью, где находится мой участок, а не знакомому с ней нет никакого расчета повышать ту цифру, какую предложит банк, и потому какой-нибудь Кпт Кптыч за набавленный к банковскому долгу полтинник возьмет за беспечок родовое имяние славного наследника бедного Леуа. Ввиду всех этих соображений я и решил продать участок раньше, чем он попадет под банковский молоток... Какому-нибудь приятелю я продал бы его с большим удовольствием и на очень льготных условиях — все нет-нет, да когда-нибудь завернешь к нему в гости «на хуторок», бывшее поместье помещика Коста... А еще лучше, если бы я до приписки покупателя мог добыть где-нибудь эти 300 р. и ими гарантировать участок до 1-го июля будущего года. За это время, наверное, может найтись подходящий покупатель. Хочу написать Антонине Карловне — может быть, она мне поможет выйти из этого непредвиденного кризиса. Позондируйте ее и напишите, — стоит ли к ней обращаться. Написал я очень слезный ответ правлению банка, в котором прошу его в силу исключительных обстоятельств, являющихся причиной моей неаккуратности, не применять ко мне на этот раз устав банка во всей его строгости. Не знаю, как эти живодеры отнесутся к моей просьбе, но надеяться на них особенно нельзя и надо не терять время. Правда, Юлиана Александровна, посекретничайте на эту тему с Антониной Карловной. Она, наверное, может уладить конфликт, если захочет... И все-таки начало этого зла исходит от нашей Ольги. Она во что бы то ни стало хотела распродать все, что ей и ее матери было отведено по нашей семейной раздельной записи (дом, мель-

ницы, кунацкую, надворные постройки и всю движимость). Многое она успела продать, между прочим кунацкую, сарай и одну из мельниц... И вот, чтобы хоть что-нибудь удержать на память о бедном Леуа из его собственноручных работ, я и выпущен был заложить участок, чтобы откупиться на мыггаджы фыдбылызы хайа. Правда, я его заложил за большую сумму, имея в виду запясться на участке хозяйством. Но тут как раз в минуту «высоких идей и светлых увлечений» подвернулся Евсеев, и я выложил ему свои капиталы «на улучшение газеты и нужды редакции», а он их в ту же неделю проиграл в трынку... Целый год я в этой несчастной газете проработал, как каторжный, контролируя ее содержание от первой строчки до последней... И вместо благодарности он и особенно его Дульциней стали устраивать мне сцены, разыгрывать из себя начальство только потому, что я постоянно горячо протестовал, когда она делала из газеты орудие личных счетов с своими конкурентками на почве «благотворительности», а на самом деле — погоня за кавалерами и дешевой популярностью... Ну, да шут с ними! Не к лицу, видно, быть мне издателем-редактором газеты, а теперь и помещиком. Есть какие-то куплеты, которые заканчиваются припевом: «Не будь дураком! не будь дураком»... А есть и по-осетински меткое выражение народной мудрости: «Хорз ма раæ, æмæ фыд ма ссарай!» Хотя, надо заметить, я сам это выражение мудростью не признаю, так как оно может оправдывать всякое преступление, и, конечно, никакая мудрость несравнима с христианской, которую я искренно хотел бы исповедовать всю жизнь. Советую и Вам. Я теперь начал даже переводить на осетинский язык евангелие. Стесняет меня только то, что в осетинском языке нет точно соответствующих слов и выражений некоторым

словам и выражениям в евангелии, и проверить их не на чем. Было у меня осетинское евангелие, да Андукъапар похитил его у меня еще во времена студенчества. В последнюю мою поездку в Петербург я видел у него это же самое евангелие и теперь написал ему, чтобы прислал, а то я и не знаю, где можно еще достать... На этот раз приходится у Вас просить извинение за слишком уж скучное письмо... И Вы, конечно, простите. А ведь хотел написать совсем в другом тоне, да так и свернул на болячку... Не сердитесь же, простите! Будьте истинной христианкой! Передайте всей Вашей семье горячие чувства и пожелания всецело преданного вам изболевшего сердца одинокого Коста.

Ю. А. ЦАЛИКОВОЙ

18 сент. 99 г.

Если так будете продолжать, то совсем меня избалуete,— а это мне очень вредно... Ведь я писал в письме к Анне Александровне, что я уже поправился, а Вы и, вероятно, с Вами все другие — все сентиментальничаете... Все равно раньше трех лет меня уже не увидите... Сегодня опять ходил в полицию, чтобы узнать, из какого штаба получено распоряжение о трех годах и когда? В бумаге к полицеймейстеру действительно говорится о главном штабе, но не указано время, так как эта бумага из канцелярии губернатора и в ней просто говорится: «На основании сообщения главного штаба» и т. д. Пошел я тогда в канцелярию губернатора, где правитель и достал подлинник... Бумага, оказывается, из департамента полиции, который сообщает губернатору «на основании сообщения главного штаба»,

что такой-то подлежит водворению в Херсонскую губ. на три года. Я несколько раз переспросил: может быть, это штаб Кавказского военного округа? — Нет, — говорит, — главный. — Каким же образом туда могло попасть мое дело? — Да, — говорит, — из Кавказского штаба и могло, а оттуда в департамент полиции. Позвольте, — говорю, — спишу № и число. — Нет... этого не могу позволить... — Да мне нужно знать... — Нет, не могу... — Так скажите, по крайней мере, каким месяцем означена бумага главного штаба и когда получена бумага из департамента полиции? — В августе.. — В начале августа?.. — Да.. Еще момент и я бы, кажется, дал по роже этой в полном смысле канцелярской крысе, но... «не противься злу паси́лием»... круто повернул и вышел из его кабинета. Теперь уже я вполне допускаю, что это и есть нашумевшее распоряжение Голицына о «моем возвращении». Оно в конце июля поступило в главный штаб, а оттуда в начале августа в департамент полиции, а затем к херсонскому губернатору и к полицеймейстеру (около 20 августа); в это же время распространился слух, пущенный или по неведению или просто, как утка. Да иначе, как из Кавказа, такая бумага и не могла попасть в главный штаб, так как на Кавказе такие дела ведутся по военному ведомству. Канцелярия же по приему прошений на высочайшее имя непременно бы адресовалась или в департамент полиции, или прямо к херсонскому губернатору. Но все-таки это еще предисловие. Я глубоко убежден, что все пойдет насмарку... Послал моей милейшей княгине Со́на поздравительную телеграмму со днем ангела с корыстной целью, конечно, что она скорес разведает что-нибудь... Я все-таки склонен объяснять такую медленность паддзахи канцелярии отсутствием последнего. Мое дело все-таки не такое

важное, как переговоры с Англией или с Китаем, и, конечно, его не хотят беспокоить из-за меня в его приятной экскурсии... В последнее время в моих письмах к Вам я перешел совсем на деловую почву, вот почему я очень боюсь, что Вам уже скучно читать их. Во всяком случае сообщаю Вам самую свежую коммерческую новость: Правление Донского земельного банка вняло моим мольбам и отсрочило платеж недоимки до 1-го января 1900 г. Это выходит, вместо 6 недель (от 21 августа), целых 4 месяца и 10 дней. Я просто был тронут таким великодушием, и сегодня же написал правлению банка письмо с выражением горячей благодарности. Я думаю, что за это время найдется покупатель и развяжусь, наконец, с этой обузой. Гораздо лучше иметь на эти деньги свой уголок в Пятигорске или во Владикавказе... В выборе между этими пунктами право голоса имеете и Вы, с условием только, что Вы разведете цветник... хорошо? Теперь Вы все сеферовские цветы рвете, а тогда, по крайней мере, свои... Будем ходить во время курса с корзинами и продавать букеты... Хорошо вам там собираться ежедневно и дразнить меня своим веселым препровождением времени... За Джетагъэз'ом я такого таланта не подозревал, каким он меня сразил в своем письме... ай да корнет Хабаев! Это уж без меня на нем так сильно отразилось чье-то влияние... Гаппойы прошение, конечно, дело серьезное. Об этом мы в прошлое лето много толковали во Владикавказе, и если сделано что-нибудь, то это очень хорошо. Не знаю только, как они оформили прошение? От кого оно подается? От действительно выбранных осетинскими селениями доверенных или так, от первых попавшихся сочувствующих и готовых подписать прошение. В последнем случае опять могут придраться к «незаконности» прошения и провалить дело.

Надо это делать обстоятельно, с соблюдением всех формальностей. Наше дело было другое, — там некогда было собирать приговора, — нужно было «зверя» преследовать по горячим следам, а теперь есть время дело оформить вполне законно. Хотелось бы мне, конечно, посмотреть и самое прошение, — если его составлял Ваш приятель Гаппо, то, не в обиду будь Вам сказано, навряд ли он изложил его без слишком большого многословия, а этого обыкновенно начальство не любит... Если Джетагаз еще там, то извинитесь от меня за меня, что я до сих пор не отвечаю ему, — всему виною мое непозитическое настроение. Вообще в последнее время я стал удивительно нервным; весь мой Очков пошел насмарку — там я так окреп, так поправился, что любо, а теперь черт знает, что с меня стало! Да Вы даже по почерку можете видеть эту нервность... Квартира моя чем дальше, тем больше и больше отвращает мое существование. Двор переполнен жильцами, собаками, птицей; помои выливаются тут же, вонь стоит прямо невыносимая... из-за этого я не могу раскрыть окна, и в последние три недели, когда я не выходил из дому, я просто задохался без воздуха... Прибавьте ко всему этому, как я уже Вам писал, целые легионы всевозможной мелкой назойливой мошки да мух, да непрерывный лай своры в 5 собак из мелкой породы, злых, визгливых, по целым ночам как раз под моими окнами и в довершение тромбон, на котором неистово дудит мой визави — какой-то оболтус лет 17—18, проходит он, видимо, первые уроки — ни одного правильного звука, и это чуть не с раннего утра и иногда до 11 ч. ночи каждый день!.. Затем по целым неделям сидим без прислуги. Хозяйка выбивается из сил, гимназисты мне прислуживают, и жалко их и страшно стеснительно. С восторгом бы перешел се-

годня же... но такого проклятого города я нигде не встречал в смысле отсутствия мебелированных комнат... Ведь после каких поисков нашел я эту гниль в смрадной помойной яме! И тогда ведь я не разобрал всех этих прелестей — рад был, что нашел как будто что-то подходящее... А здесь еще этот раздутый слух! Чего, думаю, перетерплю как-нибудь, недолго ведь... Вот тебе и недолго! «Къостайæн афтæ хъæуы!» Это выражение Елены Александровны я особенно хорошо понял в предпоследнем Вашем письме... Действительно, афтæ мын хъæуы!..

Рыпчыны тыххæй мæм уæ зæрдæ ма 'хсайæд, — цалыномæ мæ сыхах нæ фæрох кæпат, уæдмæ сæфæп нæй, сыхах æнæнизæй æмæ зæрдæрухсæй кæй зæрдæ тæп-тæп кæны, уыцы иунæг Къостайæн.

Марии Петровне, Антонине Карловне, Михаилу Анзельмовичу, Борисовским, Ржаксинским и всей нашей осетинской колонии глубокий поклон и привет!

Всем расписавшимся в Вашем письме отвечаю сугубой взаимностью. Александра крепко обнимаю. Получили ли мои письма от 7 и 12 сентября? Я эти письма отдавал прислуге, чтобы она их опустила в ящик. Исполнила ли она это?

Ю. А. ЦАЛИКОВОЙ

23 сент. 99 г.

Извернуться никак пельзæ, и теперешнее мое исключительное положение никак невозможно подводить под те взгляды, какие я высказывал... С весны 97 года, когда я разошелся с Евсеевым, и вплоть до сего дня я перенес столько моральных и физических страданий, которые могли не только на время, но и навсегда

атрофировать в самой крепкой натуре способность всякой деятельности... И разве я позволил бы запустить свои обязательства перед банком, если б меня оставили на родине?.. А здесь — что я могу сделать, когда не имею возможности окупать даже свое существование? Как состоящего под надзором полиции, меня не могут приять ни в какое правительственное учреждение, я не могу заниматься уроками, не могу бывать ни в каких общественных, имеющих совещательный характер, собраниях. Земство и печать — вот сфера, в которой нами, грешными, не брезгают... Учреждения земства переполнены и на каждое место записаны десятки кандидатов. О газете я Вам уже писал — как она ведется. Когда я согласился на Херсонскую губернию, вместо Курской, то только потому, что имел в виду попасть в Одессу, совсем не соображая, что Одесса не в ведении херсонского губернатора. Дело церковной живописи поставлено здесь так, что подрядчик за местные иконы не может предложить больше как по 10—12 р., тогда как я меньше 50 р. не брал за них. А для того, чтобы частным образом, посредством объявления, доставать заказы по церковной или портретной живописи, нужно иметь приличную мастерскую, уставленную образцами вашей работы, иначе никогда никто не рискнет сделать заказ, не зная вас лично, как меня в Херсоне. Устроить такую мастерскую у меня сейчас нет средств, — я свел свои потребности до minimum'a (с приезда в Очаков я купил себе бутылку вина «для бедных» только 8 сентября, чтобы выпить за Александра)... Помимо всего этого месяц хворания, помимо причиненных физических и душевных мучений, сильно отразился на моем бюджете непредвиденными расходами на доктора и аптеку. И если я или от Евсеева, или от Шанаева в продолжение 3 недель не получу

«поддержки» или за это время не найду работы, то придется положить зубы на полку или поступить «казеннокоштным» — пользоваться арестантским столом (в 4½ коп. обед для привилегированных, а вообще точное содержание, кажется, 7 к.). Вот Вы теперь и научите меня извернуться... А в банке к новому году наберется платежей до 450 р. Где я их достану? Ведь это чуть не двойное Ваше годовое жалование. Нет, дорогая Юлиана Александровна, плетью обуха не перешибешь!.. Когда способное к деятельности и мыслящее существо посредством возмутительнейшего насилия и произвола лишается господствующими каннибалами всякой возможности применения разумных сил и энергии, то это хуже всякой пытки, тюрьмы, каторги и, может быть, даже самой смерти на виселице... Что я теперь из себя изображаю?.. Зачем я здесь?.. Все, с кем имеешь какое-либо соприкосновение — по поводу ли квартиры, купи лимона, булки, карандаша, чаю или ваксы, — все смотрят на тебя только, как на предмет эксплуатации. Выйдешь на улицу, завернешь в какой-нибудь городской сквер — и в этой совершенно тебе чуждой толпе чувствуешь себя какой-то бродячей собакой, которую могут на глазах этой толпы и искалечить, и забрать в клетку, и посадить в какой-нибудь собачник... И никто не спросит, зачем это?.. За что?.. Все думают: «значит, так надо!» — афта йын хъауы. Если я преступник, отчего меня не предадут суду? А если нет, то за что такое насилие, такое изумительное поношение человеческих прав?! Послезавтра еще только четыре месяца, как мы расстались, а я себя уже не узнаю... Иногда мне в голову приходит ужасная мысль... И в конце концов я на ней могу остановиться — жду только ответа паддзахы кабинетай. Относительно Антонины Карловны я ведь высказывался,

главным образом, в том смысле, чтобы она посодействовала пайти покупателя — у ней так много хозяйственных людей знакомых, что она могла бы не без успеха потратить на них свое необыкновенно убедительное красноречие. Вы в этом направлении и поведите с ней разговор, так, в виде того, как бы спрашиваете у нее для меня совета. Я сам с <ней> уже раньше говорил об этом, так что это для нее не будет новостью... Она может поговорить с Тицами и с колонистами — лишь бы захотела, — она скоро наладила бы дело. А не продать — никак нельзя. Пользы я от него (участка) никакой не имею, а мечты мои о хозяйстве — хуторском — увы и ах!.. Самое лучшее — если успею выручить что-нибудь, то, как я уже Вам писал, — приобрести уголок во Владикавказе или в Пятигорске — это и приятнее и практичнее. «Хивæндмæ дæ уайдзæф худæгау кæсы». Это ко мне никак не может быть применимо. Æз хивæнд никуы уыдтæн. Я только стою за правду и за правильную развязку конфликта. В данном вопросе я осведомлен шире и глубже Вас, и Вы уж простите и примиритесь с необходимостью, так как *нет другого выхода*. У Лексп есть хозяйство, довольно хорошее, но таких денег, какие мне нужны будут к новому году, у него нет. На его плечах семья в 12 душ. Если бы я хоть одним месяцем раньше вернулся на Кавказ, я бы, конечно, нашел эти деньги, хоть даже в том же Ставрополе, посредством учета векселя в городском банке, да и так у кого-нибудь можно было бы перехватить. Совсем другое дело вести эту скучную канитель посредством переписки, когда нельзя даже рассчитывать уверенно на получение ответа на свое письмо.

Погода до сих пор здесь стоит совершенно летняя. Ваша поездка ясно представляется мне... Счастливые!..

Джетагазу так я и не ответил... Ради бога, если это письмо застанет его, то извинитесь за меня. Никак не могу дождаться такого настроения, чтобы оно соответствовало тону его письма. Сейчас 10 ч. вечера, в 11 уходит пароход в Николаев. Надо письмо отнесть на пароход, чтобы оно сегодня же и пошло к Вам со всеми моими лучшими пожеланиями и святыми грезами.

Сестре Вашей скажите, что я могу как-нибудь неправильно истолковать ее невнимательное отношение к моим письмам. Получил я письмо от нашего доктора, 20 сентября выехал во Владикавказ, где он в продолжение 2-3 дней должен сочетаться законным браком — с кем? — это он от меня укрыв, каналья!.. От княгини ни-ни, ничего! Так моя телеграмма, кажется, будет оставлена «без последствий». Андухъапар пишет, что она едет в Тифлис, где обещает сделать разведку и по моему делу. Ну, пора мне одеваться! До свиданья!.. (странно звучит для меня это слово)... Привет, объятья и поцелуи — по выбору всем, Александра крепко обнимаю.

Не забывайте Вашего Коста.

Ю. А. ЦАЛИКОВОЙ

29 сент. 99 г.

Служить посредником между Вами и Панкратовой мне не выгодно; на 2 марки я 2 раза написал бы Вам... Вот, видно, что Вы стали опять преподавать всякие премудрости в своей школе — весь Ваш холодный, облаченный в римскую тогу, падапизм так и застыл в напыщенной театральной позе на высокой кафедре с тяжеловесным сборником всевозможных мудрствований вроде приведенного: «служить посредником»... и т. д. Стыдно! Я Вам уже напоминал, что надо быть христи-

ашкой и относиться снисходительно, прощать бесконечно, без меры прощать, всему находить оправдание... Хотя надо сознаться, что и я очень пожалел Ваши марки, так как с этой же почтой я получил «Казбек», где Гаппо уже расписал этот подвиг ольгинцев, их приговор и копию прошения, — оно уже подано. В приговоре между многочисленными эпитетами, характеризующими школу, она названа еще великой?!. Но все-таки он молодчина!

Вы во всяком случае узнайте, получила ли Ваша приятельница книжку — я заполнил в ней все цензурные выпуски.

Еленæ Александровнæйы ныхас, кæмæй фæрсын мах Къостайæ сахуыр æстæм зæгъгæ, раст нæу; æз æрмæст ну æвзæр пассианс зыдтон, æндæр ницы, фæлæ Еленæ Александровнæ ну фынддæс уæддæр зыдта. Трубайæ чп фарста, уый зонгæ дæр нæ кæшын. Æппындæр мæ цæрæнбонты никуы никæмæ уыдтæн дæсны фæрсынмæ. Уымæй мыл дæ хо дау ма кæнæд!.. Стæй æз кæмтæй фæрсыны тыххæй куы ницы никæмæ аипп хастон, æз æрмæст газет барвыстон, цæмæй фенат, кæм куыд дæсны фæрсынц, уый. Гъеныры газеты нуыл диссаг дæсныйы фарст фыссынц!..

Приехал брат того Кригера, о котором я Вам писал — он состоит домашним учителем сына одного здесь потарнуса — человека очень богатого. Я вчера вечером пошел к нему посидеть, так как он бывает у меня каждый день и всегда очень просит заходить. Посидел я немного, как в его комнату входят мать и сестра его ученика... Я встал... — А!.. я вас знаю... ведь вы Константин Леванович?... — обратилась ко мне мать и направилась ко мне. Поздоровались, как старые знакомые, за нею дочь — барышня лет 19-20... Я очень сконфузился, так как был в куртке (помните)... Пошли

разговоры... девица все приставала, чтобы я с нее срисовал мадонну. Остальные над ней очень острили: «Это какая из тебя может быть мадонна». Особенно отец (пришел и он). «Если верующие увидят такую мадонну, как ты, то все они откажутся от своей веры» и т. д. Пригласили пить чай... я было начал прощаться... куда тебе... потащили... наверху познакомили с гувернанткой-француженкой, жгучая брюнетка — довольно красиво коверкает русский язык... Вечер прошел оживленно, с музыкой и проч. Вернулся домой в 11 ч. Они люди очень полезные... Наверное через них скоро буду иметь работу.

Не писал я Вам не потому, что истощился запас марок, и не потому, что я захандрил, а потому, что очень много суетился, много пришлось писать деловых бумаг и писем и ко всему за это время я уже перешел на третью квартиру. Чистое горе! Теперешнее помещение хотя и хорошо само по себе — две комнаты в три больших окна на улицу, парадный ход, высокие, чистые, с мебелью (два стула и стол), с отоплением, уборкой и кипятком сдали мне за 9 рублей в месяц. <...>. Так дешево сдается эта квартира потому, надо полагать, что хозяин мой еврей — учитель танцев и танцкласс помещается на другой половине квартиры через трое дверей от моей второй комнаты, а рояль еще дальше, шум тапцующих при закрытых дверях едва слышен. За недостатком у хозяев инвентаря кое-что пришлось прикупить (стол со шкафом, козлы с досками вместо кровати, лампу, умывальник, чайник для кипятку, вешалку и пр.). «Ухаживают» жена и сестры танцора — довольно смазливенькие <...>. Главная синагога <здесь> роскошнейшее сооружение с превосходным хором. Меня прошлую субботу один из братьев Кригер соблазнил пойти послушать хор... Отправились... И я едва выстоял

пять минут... Я как будто попал в какой-то ресторан с <...> хором на эстраде в глубине залы, установленной скамьями... Хоры занимают исключительно женщины, низ мужчины. Все «прихожане» стоят и сидят группами в шапках, с палками, беседуя, совершенно не стесняясь никого и ничего... Недостает только столиков с выпивкой, закуской, карт и папирос... Полнейшее неуважение, — хоть бы внешнее, показное — к месту, куда они пришли якобы молиться богу. Я их воображал глубоко религиозными, а нашел ресторан низкого пошиба <...>.

Дела (здешние) мои приняли благоприятный оборот. Помпите, я Вам писал, что я познакомился с нотариусом Тимчинским?.. Вся семья оказалась первостатейной. Теперь я за уроки рисования их сыну пользуюсь у них превосходным столом и со всеми аньерами. Благодаря такому столу и волчьему аппетиту, я опять поздоровел, помолодел и похорошел... Ланиты мои à la абрикос, глаза — молния, уста — малина!.. Начинаю ухаживать за француженкой — гувернанткой Тимчинских, m^{lle} Маргарита, глубокая брюнетка, говорит, захлебываясь, — быстро, быстро, смеется — соловей да и только! При этом кончила курс парижского университета, изъездила всю Европу... Начал получать и заказы по живописи от ксендза (хороший знакомый Тимчинских и Кригеров), предвидится для костела работы рублей на 200. Пока взял на 40 р. Написал я «Нерукотворный лик Христа» для образца. Вышел очень удачный, — я вправил его в широкую золотую раму и повесил над рабочим столом. Под ним висят два портрета в черных с золотым ажуром рамках, тоже новые, и как живые смотрят друг на друга, только не разговаривают...

Пришлите ради аллаха тот снимок Ивана Ивановича, в котором и Вы и я вышли особенно восхити-

тельно. Он вместе с карточкой в жмакиновской раме составит лучшее украшение рабочего стола. Надо сейчас отнести письмо на пароход, а то не пойдет сегодня. Приезд из Батума, так сказать, — большой выход «всех трех» меня очень смущает — уж слишком весело у вас будет, а я, по Вашим словам, как эгоист, не могу тогда не припомнить слова поэта — «Мне скучно потому, что весело тебе». Впрочем, Вы это не станете, конечно, толковать в прямом смысле, так как Вы уверены, что всецело преданный и любящий Вас Коста весел и счастлив, когда вы все, мои дорожные, веселы и счастливы.

Продолжение в следующем №.

Ради аллаха будьте менее педантичной, а то... пора!.. Ваш неизменный и неисправимый Коста.

Душевный привет всем. Сейчас 1/2 11-го вечера. Надо бежать на пристань. Деловых новостей нет никаких. Борисовского поздравьте с бухарской звездой.

Ю. А. ЦАЛИКОВОЙ

21 октября 99 г.

«Хәрзаг загъыс: афонмæ æз Дзæуджыхъæуæй фæстæмæ æрыздæхтæн бинойнаджимæ æмæ ныр пумæ бадæм æмæ кæрæдзийæн уарзон ныхæстæ кæнæм — фæлæ никуы æмæ ницы! Ныры онг куыд иунаг уыдтæн, афтæмæй мæхицæн бадын... Цæугæ дæр никуыдæм акодтон... Арастмæ куыд хъавыдтæн, афтæ мыл тел сæмбæлдис: «...æнæ уый дзы гæнæн нæй». Ахæм æррадзинадыл кæм сразы уыдаин! Æмæ нæ хъуыддаг фехæлдис... Афтæ мын, мæ хур, бæлас ныссадзын нæ багтысти!»

Вот Вам выдержка из письма Андукхъапара. Это поразительный пример до крайней степени испорченности наших соотечественниц, оставших от своих и не приставших к чужим. Вся эта спесивная недоросль, считая себя на недостигаемой высоте среди бедного, трудящегося народа, несравненно более честного и лучше воспитанного, — готова пойти на какие угодно компромиссы, продать свою совесть, свободу, молодость и красоту как можно дороже, будь этот покупатель грек, еврей, турок, персиянин; нем, глух, слеп — все равно были бы деньги! Да!.. Бедному Андукхъапару нае бантысти йæ хæдзары дуармæ бæлас ныссадзын... Довели дело до момента выезда под венец и потребовали аванс. Это его, конечно, взбесило, как человека, рассчитывавшего, что с ним вступают в брак без всякой корыстной мысли. Я до Вашего письма не знал, что эта героиня — Надя Гайтова. А от Иналука я совсем этого не ожидал. Но, да будет им стыдно! До сих пор вся наша фамилия относилась к этой семье удивительно хорошо, а теперь, наверное, этот случай многое испортит. Но положим, что это все касалось городничего... — А кто у вас судья? — Тяпкин-Ляпкин... — А подайте сюда Тяпкина-Ляпкина... Ну-у-с!.. Будь Вы мужчина, я бы с Вами заговорил другим языком, более солидным, чем тот, которого приходится придерживаться теперь... И особенно побранил бы Вас за сегодняшний сюрприз... Зачем это? Ведь Вы отлично знали, что я всегда встаю против таких кропотливых работ женского рукоделия, донельзя скучных, утомительных, хотя и очень ценных, как принятое выражение хороших чувств близкому человеку. Я пораился, когда раскрыл ящик... Ну, вышли бы одну рубаху и довольно! А то... Начинаю разворачивать — и новые сюрпризы. Мои хозяева за стеной, вероятно, думали, что я сошел с ума — так

я хохотал, перерывая Вашу посылку... Карточка меня довела совсем до иступления, так *она* там комична... При всем этом я не скоро Вам прощу такое жестокое поражение. Вы нарочно выбрали именно этот способ и оружие, так как знали, что я отношусь враждебно к этой каторжной работе, и если я Вам сильно и настойчиво не возражал, то только потому, что был уверен, что Вы ограничитесь одной рубахой... А теперь... Когда и чем я отплачу это... это неизмеримо великое и дорогое внимание?... Мæ зæрдæйы тæккæ бынæй мын рухс суагътай æмæ дын æй сыгъдæг Мадымайрæм бафидæд мæп тыххæй, дæхи зæрдæйы куыд фæнды, афтæ.

Если бы Вы это пожелание прочитали Айсса, она бы пришла в восторг, а Вам самой надо будет добыть переводчика.

А. А. ЦАЛИКОВОЙ

24 октября 1899 г. Херсон.

Как убедительно пи чурайте, а при взгляде на карточку невозможно не расхохотаться. Это замечательно удачная карикатура на выражение, когда Вы в сознании собственного достоинства и в полном довольстве окидываете слегка прищуренным левым глазом и с едва заметной улыбкой пренебрежения — весь суетный мир, — дескать, — знай наших! При всем этом, будь Вы даже сейчас, при чтении этого письма, с таким точно выражением, я все-таки склоняюсь перед Вами ниц и приношу к Вашим стопам чувства горячей благодарности за присылку карточки. Алмахспд вышел много лучше, хотя глядит несколько жуликовато... Впечатление от «Обрыва» очень знаменательно. Бабушка

Веры нужна каждой девушке, но таких бабушек во всем мире или совсем нет, или, если есть, то самый ничтожный процент, и сознательная потребность иметь такую бабушку у девушек всего мира, за ничтожными исключениями, совершенно заглушена; проявляется она обыкновенно совсем неожиданно для самой девушки при случайной встрече с такой редкой бабушкой и более часто при чтении такой книги, как «Обрыв». Форма проявления этой потребности обуславливается положением, развитием и большей или меньшей впечатлительностью самой девушки. В Вас она разразилась в самой красноречивой форме. И Вы вовсе не позабавлялись Вере, что у ней такая бабушка, а только при виде их в Вас заклокотала потребность иметь такую бабушку, как у Веры, что и вызвало те последствия, над которыми якобы смеялись «папа и все наши»... Нет, будьте уверены,— они не смеялись!.. Теперь это чувство Вы навряд ли когда-нибудь сумеете заглушить в себе. Я даже уверен, что если бы Вы теперь вздумали сняться, хотя бы с самим Альмахсидом, то у Вас ни за что уже не получится такого выражения, какое на этой знаменитой карточке. Вы, несомненно, будете больше походить на Вашу гимназическую карточку, при снятии которой была также очень веская причина, вызвавшая на карточке такое именно выражение, какое должно было быть и какое мне больше всего нравится в Вас. Это все я говорю без шуток. И, если хотите,— проверьте — снимитесь — с кем хотите, а еще лучше, если одни,— и Вы сами убедитесь в справедливости моих слов. О Пастухове я узнал из газет, очень поразился и погоревал, как о потере близкого, родного.

Антопина Карловна мне написала письмо с изложением похоронной процессии, болезни и сочувствия

общества. Просит написать некролог иллюстрированный и поместить его во «Всемирной иллюстрации» или где сам захочу. «Посылаю, говорит, вам портрет и прочие иллюстрации». В письме ничего этого не было. Прождал я неделю и написал ей, чтобы выслала эти иллюстрации и более подробные сведения о покойном. До сих пор не получаю ничего. Другой почти такой же «казус»: сегодня получил письмо от Лыщинского. Просит принять привет, рассказывает, как Вы его проводили: «В Пятигорске нас радушно проводила милая семья отца Александра. Он, видимо, пытался от души пожелать мне доброго пути, а я даже уверял жену мою, что неловко русскому путешественнику уезжать *тверезому*, но тиранка не вняла моей мольбе и всячески препятствовала нам». Затем просит к празднику дивизиона составить историческую справку об осетинах в 2-3 листа, которую он хочет напечатать и раздать почетным гостям, так как «приглашаемая публика выказывает крайне дикое представление о дивизионе». Так как торжество будет происходить 3 ноября, то 1-го ноября Памятка должна быть уже в типографии. Отсюда письма получаются во Владикавказе на 5 день. Сегодня 24 октября. Послезавтра непременно надо сдать пакет на почту, тогда только может получиться 31-го октября. Не знаю, — успею ли? Я его запросил телеграммой, к какому дню это надо... Ответ будет только завтра. Инциденты Ваши с Вашей приятельницей меня очень порадовали, потому что ничего нет приятней того чувства, которое вызывается исполнением Вашего *пророчества*!!! А вот приезд к вам «всех трех» меня, признаюсь, беспокоил несколько, а почему — это Вам самой, несомненно, понятно, хотя я в письме к Юлиане Александровне объяснил это известными словами известного поэта: «Мне скучно потому, что весело тебе».

Во всяком случае при первой же оказии передайте «всем трем» мой душевный привет... Касимова мне очень жаль, хотя, может быть, в Грозном ему будет не особенно хуже. Написал я Борисовскому челобитную, чтобы он выслал мне корзину с зимним туалетом, — не знаю, насколько скоро он это сделает. Погода здесь стоит такая, как бывает только в сентябре... Недостает только... что?

Амонд... Аерра дæн, — цæй амондмæ дзурын? — и т. д.¹

А вот Вам еще в другом стиле.

Тæхуды, — ныр уæ къæсæрæй —
и т. д.²

Пишите, ради бога, — я просто оживаю, когда получаю письма из-под сени Вашей семьи. Не надо философствовать — пишите все, что взбредет в голову. Елене Александровне бирæ цыдæртæ бакъæрцц кæнни. фæлæ, гъа! мемæ йæ ныхас кæнын нæ фæнды. Юлианæ Александровнæ дæр фæстагмæ йæ чингуытæй хъуат кæнын байдыдта, афтæмæй дзы мæнæй бузныг у. Ферох мæ зæгъын йæхи чиныджы, фæлæ йын æй ды зæгъ. «Бптънагон, зæгъ, царв бахордта, Къуымæллæгонæн та дзы йæ гуыбын фæрыст». Пишите, прошу Вас очень, и не забывайте Вашего до последней фибры души неисправимого Коста. Привет горячий всем. При случае справьтесь у Борисовского относительно моей корзины. Башлык — одно заглаждение! — Тынг бузныг! Сейчас $1\frac{1}{2}$ 11-го ночи.

¹ Перевод стихотворения см. наст. изд. том I, стр. 124.

² Стихотворение «Ногбон æхсæвы» («В новогоднюю ночь») в переводе на русский язык см. наст. изд. том I, стр. 125.

4 и 5 ноября 1899 г. Херсон.

Ваше письмо полно необыкновенного интереса!.. Никогда я не подозревал, что Вы скрываете от меня такую массу зазорных сцен и эпизодов, во многом касающихся и меня. Об истории с Тускаевым я знал из писем самой Раисы, которая в своих признаниях во время нашей переписки ни единым намеком не позволила заподозрить ее в измене Тускаеву ради кого-нибудь другого. И я о ее выходе замуж за Келлера узнал от Иналука, который, получив мое письмо к Раисе, ответил мне, что он письмо послал ей вслед в Асхабад или Ташкент — не помню. «Она, — писал мне Иналук, — без моего ведома, тайком перевенчалась с Келлером и из церкви уехала прямо на вокзал...» О калыме не упомянул ни словом. Переписка наша с Раисой началась по ее инициативе. Перед этим я ее видел один единственный раз, будучи как-то на пасхальных скачках в Ардоне и сделав им в сопровождении Иорама визит. Он раньше от нее всегда был в восторге и при всякой встрече и в письмах неизменно настаивал, чтобы я сделал ей предложение. Действовал он отчасти под влиянием моих родных, желавших во что бы то ни стало женить на ком угодно — хоть на русской! Я, чтобы отвязаться от них, говорил обыкновенно: «Найдите мне невесту, я и женюсь, — а то не могу же я сам себе быть сватом!» Такой образ действия и был причиной массы курьезов. Но самым обер-сватом у холостых Хетагуровых состоит Василий наш. У него целая коллекция фотографических карточек осетинских невест, которыми он нас (меня и Андухъапара) соблазнял время от времени. А как он умеет хвалить, — это и Вы знаете хорошо... Особенно старался он женить меня на сестре своей жены — девушке бесспорно пре-

восходной, но с небольшим образованием, а главное, совершенно исчезавшей перед образом, который и тогда уже поглощал все мое существо. На предложение, поставленное мне ребром по поручению Василия Губаты Иоанейем в письме, я ответил не автору письма, а Василию, чтобы он «растолковал Иоане, что мы с О. совершенно не подходящи друг для друга» и т. д.

Тогда ее выдали за одного офицера-куртатинца. Узнав от Иорама о впечатлении, вынесенном мною от визита Гайтовым, Василий сейчас же стал вести переговоры с Иналуком (йæ æрдхордимæ), о чем я узнал уже из письма Василия, что при таких-то и таких-то обстоятельствах Иналук ему поклялся, что «если бы Раиса не была засватана, он бы ее, кроме как за Коста, ни за кого не выдал». Его разговоры у Вас, вероятно, были раньше, когда я и не подозревал, что у них обо мне шла речь. Василию я открыл *«предмет моих страданий»* гораздо позже, незадолго перед тем, как он у вас танцевал лезгинку. Фраза, сказанная Гайтовым Василию, была повторена и мне лично Иналуком после выхода Раисы, при поездке моей с ним летом 97 года на Урух на какую-то дигорскую свадьбу, без всякого повода с моей стороны... так, внезапно после долгого молчания, когда возвращались обратно вдвоем на одноколке. Тогда же я впервые видел Надю, которая мне совсем не понравилась. Не знаю кто, если не тот же Иорам, взял на себя труд говорить о ней с Иналуком, но если то, что Вы пишете — «что Коста неоднократно просил об этом», — он действительно говорил, то он *врал* потому уже, что я в то время Надю еще даже и не видел.

Шутливо двусмысленное мое письмо отпослительно «Любки», как и стихотворение «Не верь» предназначались, конечно, не для Раисы и Нади. Во время

нашего пребывания в Ардоне я действительно ничего не подозревал, потому что был безгранично счастлив. Относительно анонимных писем я и теперь не могу допустить, чтобы в них был замешан Иналук... Это мало похоже на его даже слишком неразумную прямоту и болтливость. Грубые выходки его, конечно, пельзя не осуждать, но кто безгрешен?!. На Дж. Аб. он, может быть, раньше смотрел, как на жениха. Он бывал у них часто и вел себя с девицами — Вы сами знаете как... И когда его мечты не осуществились, то он изменил свой взгляд на Дж. уже, как на человека, хотя если бы сейчас Дж. сделал предложение Наде, то они бы ее с восторгом выдали и не нахвалились бы им. Мое мнение о спесивых недорослях наших относится не к одной только Наде, которая действительно полное олицетворение этого типа. Раиса, — так та всегда щеголяла своим народничеством, а в Наде это народничество выражается тем, что она при «интересных» гостях доит корову. А Вы послушали бы ее разговоры, — чья она хәрәфьрт, да кто их родитель, да какая их фамилия, да ее третировку молодых людей и девиц из народа и из туалтә. С ее удивительно *«смелым жаргоном»* при разговоре без стеснения в кругу «своих» может разве потягаться Сашка Дженуева. А я этому был свидетелем летом 97 года. Почему Вы к ней «неравнодушны» — не понимаю! И Вы напрасно думаете, что аванс и вообще все полученные ими калымы — это дело Иналука. Ничуть! Там орудует, главным образом, «благородная бадилон» — это такой кулак-баба, которой совсем не место в доме Иналука! И если последний стал обществу казаться «психопатом», то в этом она, вероятно, немало виновата. Порывы Иналука и чисто животные потребности этой хавроньи — такая диаметральная противоположность,

что от нее не поздоровится никому. Афтамæй дам æй скъæфгæ ракодта. Никогда Иналыхъ своего мнения ни о ком из нас не выскажет в другой форме, как до сих пор,— он страшно дорожит нашей дружбой, потому что он убежден, что мы любим его больше, чем вся остальная Осетия. В участии в депутации он тоже не так виновен, как кажется и как его выставляют. Сборы денег и расходование их производили Мысырби Гуытылаты æмæ Ардасены фырт Алихан. Налыхъ сын комгæ дæр тыххæй акодта, æрмæст для представительства. Он удивительно комично рассказывал мытарства «депутации» и в особенности смеялся над Алиханом, который, не имея ни одной капли таубиевской крови и будучи «красным народником», пострадавшим за свои высокие идеи и убеждения, вдруг в своем «генеральском мундире» околачивает во главе депутации от куртатинских таубиев пороги петербургских сановников.— Ну, как это назвать? И этот Ваш «алдар» напрасно воображает, что сбор в 3, а потом в 7 р. с 20 или 30 дворов — такая большая сумма, что депутация могла кутить с француженками в первоклассных ресторанах Петербурга. И если бы даже это так, то все-таки Налыхъ тут ни при чем! Алмахсид говорит правду о «женщине», но это все-таки гораздо меньше, чем то, что можно сказать о многих женщинах. Никогда я не допускал ни малейшей мысли, что я когда-нибудь изменю свой взгляд на Варвару Григорьевну. Раньше Владислав Доминикович в моих глазах стушевывался перед нею, а теперь... У меня не подымается рука, чтобы ей написать пару строк, несмотря на то, что мысль о прошлом вменяет мне это в обязанность... А как я любил с нею переписываться и целые вечера проводить с нею в беседе! Когда моя высылка из Терской области еще не была отменена, я раза три всякий раз

на пасху приезжал к ним никогниго, и уж тогда они никого не принимали, исключая тех, с которыми я хотел повидаться. Александр был, конечно, самым желанным в компании с Бибю. Даже Кокнев — п тому я тогда верил. А когда он написал мне, чтобы я «на всякий случай» уничтожил его письма, то он мне показался таким ничтожным, что мне стало просто обидно, и я уже, конечно, никогда больше не ответил на его последующие, хотя и редкие письма. Вот так все. Вся жизнь, главным образом, состоит из таких дрызг, и герои их никак не хотят понять, что эти дрызги не только духовно, но и материально им не принесут удовлетворяющей их извращенной потребности пищи... От вышивки Вашей весь дамский персонал моих знакомых в восторге. Я похвастался Вашим подарком у Тимчинских, и мадам Тимчинская уговорила показать... Я и понес к ним всю связку и — полный восторг! Роздал конфеты, каждому по одной с выдвигающими картинками, а «красавиц» я, — грешный человек, — оставил себе, и они теперь целой шеренгой украшают мой стол и ласкают мой взор — не осталось в них ничего только для моего вкусового ощущения. Круглую коробку я еще не копчил... Я очень удивляюсь, как Ваши сестры Вам позволили посылать мне конфеты, — ведь это целый подвиг с их стороны!.. Прошу Вас выразить им, как можно красноречивее, это мое удивление... Тынг бузныг!..

Борисовскому послал я письмо еще 19 октября, чтобы он сдал мою большую корзину товаром большой скорости на станцию *Николаев*, Харьковско-Николаевской ж. д., а квитанцию выслал мне в Херсон. И вот до сих пор не получаю ничего. Может быть, его нет в Пятигорске, или что другое?.. В большой корзине у меня теплое пальто и другая хурда-мурда зимнего

сезона. Просил его выслать мне по почте и меньший сверток холста для живописи — в нем фунта 1½—2, и если не примут с наложенным платежом, то написать мне сумму расхода. Пошлите к нему спросить, сделал ли он что-нибудь или нет... Антонина Карловна удивительная чудачка! Она все хочет, чтобы тяп-ляп и вышел корабль. Нельзя так! Посылаю, говорит, портрет и другие иллюстрации. В письме нет никаких иллюстраций. Жду день, другой, неделю... и написал ей — когда же получу иллюстрации? с добавлением, что если писать некролог, то нужно собрать о покойнике все сведения, — кто его родители, где он учился, как начал службу и что он сделал по своей специальности, кроме того, что всходил на Эльбрус и Казбек... Она мне ничего не пишет, а я знаю только, что мы с ним и еще несколько курсовых приятно провели несколько вечеров у Читаева и, поздно ночью, расходясь, крепко жали друг другу руки и условливались, когда нам еще собраться. Сейчас уже ½ 2-го ночи. Надо пойти на улице посмотреть «светопреставление». Две ночи слежу и, как нарочно, не видел ни одной падающей звезды. Горячие приветы и поцелуй всем...

Сейчас вернулся с улицы — ни одной падающей звезды! 5 минут 3-го. Покойной ночи!

Не сердитесь, что я не сейчас же отвечаю на Ваши письма. Я, как постоянный поэт, жду всегда вдохновения... да долго думаю над Вашим письмом, чтобы раскусить самую его косточку и ответить впопад. Ведь с Вами, политиками, ухо остро!..

А все-таки Ваш несправимый Коста.

Как здоровье Вити? Александра крепко обнимаю.

Бывает ли у Вас Лидия Иоакимовна? Как течет зимний сезон любительского кружка?

14 дек. 99 г.

Я до сих пор не могу объяснить себе одно выражение в Вашем письме, которое Вы вместе с другими «блинами» испекли для меня. Вы пишете: «Вот удивительно: написала две строчки и уже остановилась, чего не бывает со мной при переписывании с другими» — помните? Сидит в голове гвоздем эта фраза и ничего с ней не могу поделать — сверлит и сверлит все глубже пострадавший мозг... Мне боязно допустить, что Вы не чувствуете себя со мной так просто и близко, как с «другими», а других причин я не вижу... Вообще все Ваши письма меня всегда приводили в большое смущение... В них Вы так упорно и настойчиво избегали малейшего намека на Ваше собственное «я», именно на то, чего Вы не можете не знать, — что меня особенно интересует... Такой характер Ваших писем, кроме смущения, во мне зарождал мучительное подозрение, что Вы пишете мне из вежливости или милосердия, зная, как мне дорого каждое Ваше слово. Отчего это? У Вас хватает времени и на школу, и на изучение французского языка, и на чтение, и на спектакли, и пр., а мне не можете уделять время от времени каких-нибудь полчаса, чтобы обменяться мыслями. Вместо этого Вы с налету «печете блины», из которых иногда и мне уделяете блинчик, не принимая во внимание, как он испечен. Спасибо, конечно, и на том, но я надеялся на большее... Все это я говорю Вам не с целью упрекнуть Вас, а вынужденный необходимостью получать от Вас не «блинчики», а мысли и чувства, выраженные в живых и правдивых словах. Потребность эта не имеет никакой связи с грубым эгоизмом, она вызывается необходимостью поддержать ду-

шевное равновесие любящего до безумия свою родину изгнанника. Бог знает, встретимся ли мы опять? Если бы даже да, то когда, при каких обстоятельствах, после каких перемен? и пр. Ничего предвидеть нельзя, следовательно, и ни на чем настаивать нельзя — вот поэтому-то в потребности переписываться с Вами тем более нет связи с капризами узкого эгоизма. Я хочу только сократить расстояние от родины и смягчить чувство одиночества постоянным, полным доверия, искренности, духовным общением с теми, кто мне так неизмеримо дорог. Вот почему мне особенно больно, что что-то Вас после двух строк остановило, чего с Вами при переписке с другими не бывает. Попробуйте порыться,— может быть, Вы сами найдете мотивы такой «странности» и сообщите мне, чтобы рассеять мои «туманы». Аеа аххосаей фийауы фосаей нае хассы бирэгъ. То же бывает с нами: бесконечно разнообразные и неисчислимы колебания и проявления нашего духовного мира составляют то «стадо», то достояние наше, которое провидением поручено беречь каждому из нас. «Аебаргае фийауу йае фосы рагъау нумадаей дары», фалае мае хуызан фийауу йае фостархъады амае пыхсы фадзэгъаел каены, афтәмаей йаехадәг дәр сәрзилләдджын фысы хуызан сдзэгъаел вайы.

Благоприятных сведений ниоткуда! Видимо, все идет прахом... Сегодня, копаясь в старых тетрадах, я набрел на стихотворение, написанное во Владикавказском госпитале <в> 1890 г. Оно довольно характерно, а потому посылаю его «для сведения».

Застонет лишь ветер, в трубе завывая...

п т. д.¹

¹ См. наст. изд. т. I, стр. 161.

Дай бог Вам и всем Вашим близким этого никогда не переживать. Простите за минорный тон письма. Привет горячий всей вашей семье от не забывающего Вас ни на минуту Коста.

Как идут ваши спектакли? Юлиане Александровне передайте, что ввиду разрушения телеграфной линии, моя телеграмма ко дню ангела может опоздать, æмæ-иу æй мæ аххос ма фæкæнæд.

Будьте здоровы, веселы и счастливы. Александра крепко обнимаю. Adieu!

Адрес: г. Пятигорск, Терской обл.

*ЕВР Анне Александровне Цаликовой.
Эмировская ул., д. СефEROва.*

А. А. ЦАЛИКОВОЙ

[30 и 31 декабря 1899 г. Херсон]

С Новым годом!

Вы всегда так скоропалительно действуете, что не только поспеть действовать за Вами, но даже проследить нельзя, где Вы в данный момент... Настоящая движущаяся фотография — мелькнула — и нет ее! Если Вы теперь действительно во Владикавказе, то это особенно поразительно. Как Вы решаетесь под самый новый год, под этот мировой праздник, бросать тесный обожающий Вас круг семьи и переживать без нее этот, полный священного трепета, момент вступления в новый год, а теперь и в новый век. Это не упрек, а откровенно выражаемое удивление совмещению Вами несовместимого. В своем последнем письме — оно, правда, самое лучшее из всех Ваших писем ко мне — Вы несколько неправы в определении идеала... Идеал действительный, о котором только и можно говорить,

как об идеале, живет в нас самих, это вечный духовный образ, который не может рассыпаться или умереть без того, чтобы не повлечь за собой духовно-нравственную смерть его обладателя. Разница чувств прежнего и теперешнего к Варваре Григорьевне вовсе не результат того, что она, как идол из идеала с тленной оболочкой, которому по существу понятий надо поклоняться, после долгих моих жертвоприношений и воскуривания фимиама рассыпалась и пала к ногам m-lle какой-то. Я в ней любил лично ей свойственные особенности ее характера, взглядов, деятельности и необыкновенно широкой любви и сочувствия к своим питомцам, к немущим, к «упиженным и оскорбленным»... Это, если хотите, достойно и поклонения... К сожалению, она не выдержала такого щедрого расточения своих сокровищ... Миллионы неприятностей растрепали ее нервы, в ней начало пробуждаться чувство самоохраны, она стала искать отдыха и «идеала», который бы пополнил пробел в ее личной жизни, раньше незаметный даже для нее самой и образовавшийся после ослабления интенсивности и чувства альтруизма, расстройства нервов и общей усталости, того именно, что требует бдительной заботы о самом себе. Вот Вам разгадка, почему мои отношения к ней несколько изменились. Я очень хорошо ее понимаю и не хочу ее тревожить воспоминанием о прошлом, которое может быть вызвано возобновлением переписки... Вот почему и не пишу ей... А идеал не только не рассыпался, но его совершенно не коснулось чувство, вызываемое нашими теперешними отношениями с Варварой Григорьевной, а тем более не может быть речи о падении его к «ножкам» m-lle Маргариты. Бедная, она и не подозревает, что ее имя известно в Пятигорске... И по себе Вы не только обо мне, но и о себе судите неправильно. Ни-

когда всякие внешние проявления, вызываемые впечатлением минуты, не могут быть вполне соответствующими основному требованию натуры. Нельзя быть живому, мыслящему человеку точным барометром случайных обстоятельств и чужих настроений. Это Вы на себя возводите напраслину, и Ваша оговорка, что «такие минуты в сложности и оставляют большой след», заслуживает полного признания за неопровержимый факт, так как для этого в Вашей натуре очень много благоприятной почвы. Я уже несколько раз говорил Вам, почему в Вас развилась такая необыкновенная скрытность,— она до того вкоренилась в Вас, что Вы даже себе зачастую боитесь признаться в переживаемом чувстве и его требованиях... Перебили...

Ура!.. Телеграмма Константину Хетагурову из Тифлиса... счет слов 31, подана 29-го 2 ч. 40 м. полудни... «Вместе с сим князем Голицыным дано заключение главноуправляющему (канцелярии по приему прошений на высочайшее имя) о неимении препятствий к дозволению вам жить в Терской области, но без права проживания во Владикавказе и Владикавказском округе... Генерал Белявский»... Вы можете себе представить, что со мной делается! Телеграмма получена в $1\frac{1}{2}$ первого почи... Я сейчас же помчался в почтово-телеграфную контору и дал две телеграммы Александру и Андрухъанару... Теперь и Вам списал копию манифеста... Теперь ровно 2 часа ночи... Мысли путаются. До завтра! Покойной ночи!

Доброе утро!.. Первым долгом два раза прочитал телеграмму, мне все не верится. Сейчас пойду к полицмейстеру и покажу ему княжескую грамоту. Если он сам не решится отпустить меня, то придется быть у губернатора... К новому году все равно не успею. 60 верст приходится ехать на лошадях... Это ужасно

с таким багажом, как у меня. Письмо это Вы получите, вероятно, 4 января, к тому времени я дам Вам телеграммой знать о дне приезда в Пятигорск. Тогда приспособьте и свой приезд к тому же времени. Все-таки у Вас, может быть, дня два выпадут свободными. Да и мне очень хочется застать Вас дома...

Сейчас вернулся от полицеймейстера... Он отклонил от себя ответственность отпустить меня. «Без приказа губернатора не могу»... Я тогда отправился в канцелярию губернатора, и правитель канцелярии оставил телеграмму у себя, чтобы доложить губернатору. Он обещал по возможности настоять, чтобы меня отпустить, не дожидаясь предписания из Петербурга. Результат завтра будет передан мне через полицеймейстера. Если отпустят, то протелеграфирую, а если нет, то сообщу письмом. Итак, до скорого свидания! Передайте Аисса, Асаге, Гаппо, Варваре Григорьевне, Владимиру Дмитриевичу, Зали, Джантемиру с семьей, корнетам Даибо и Лыщинским мой привет. Вам самой желаю побольше повеселиться и вернуться домой с более приятными впечатлениями, чем до сих пор.

Ваш Коста.

Ю. А. ЦАЛИКОВОЙ

1 янв. 1900 г.

С Новым годом, драгоценнейшая Юлиана Александровна!

Так как это письмо Вы получите после крещения, то думаю, что Вы не огорчитесь, когда узнаете подробности положения моего дела по телеграмме Голицына. Точную копию телеграммы я сообщил Вашей сестре во Владикавказ, а теперь Вам воспроизведу ее

по памяти, так как оригинал находится у губернатора. «Вместе с сим князем Голицыным сообщено главноуправляющему* заключение о неимении ничего против того, чтобы вы (я!) жили в Терской области, но без права проживания во Владикавказе и Владикавказском округе». Я попробовал позавчера — не отпустит ли меня здешняя власть по этой телеграмме. Полицеймейстер, конечно, не взял на себя такую ответственность и посоветовал обратиться к губернатору. Я телеграмму передал правителю канцелярии губернатора; он обещал доложить и с своей стороны повлиять... результат сообщит через полицеймейстера. Вчера еще не было ответа, а сегодня по случаю нового года я уж и не ходил справляться, да и полицеймейстер обещал сейчас же, как получится ответ, прислать за мной... Да и губернатор отменный формалист, так что пока из Петербурга не придет соответствующий приказ, до тех пор, наверно, буду сидеть в Херсоне. Продолжится это, по словам полицеймейстера, самое большее месяц. Во всяком случае теперь дело только в небольшом времени и это меня нисколько не беспокоит ввиду, во первых, того, что решение Голицына, несомненно, будет и решением канцелярии по приему прошений на высочайшее имя. И ограничение в праве жить во Владикавказе и Владикавказском округе — мне даже полезно и продолжится не больше определенного, 3-годового срока. Второе, теперь навигации нет по Днепру и мне до Николаева при страшных морозах и неустанном ветре пришлось бы ехать 60 верст на лошадях, без шубы — это довольно-таки боязно. А через месяц, если Днепр и не вскрыется, то все-таки будет теплее ехать на лошадях. За это время я еще заработаю несколько

* канцелярией по приему прошений на выс(очайшее) имя.

червонцев на станционные пирожки и рюмочки. А самое главное то, что с момента получения телеграммы Голицына состоящие духа так резко изменилось, что сам себя не узнаю,— ну просто запрыгал козлом. Было $\frac{1}{2}$ первого почт. Телеграмма застала меня за минорным письмом к Вашей сестре во Владикавказ. Не успел я дочитать ей «нотацию», что она под самый Новый год покидает дом и «полный священного трепета миг вступления в новый год» переживает не в тесном кругу обожающей ее семьи, как принесли телеграмму. Я списал ей копию и кое-как закончил письмо. Оделся, чуть не рысью добежал до почты и сдал две телеграммы — Вам и Андуканару; опустил и письмо. С тех пор я перестал чувствовать под собой тротуары херсонские. Да ведь Вы только подумайте, какая любезность со стороны Голицына сообщать мне свое заключение телеграммой!.. Это самый дорогой новогодний подарок! А как я встречал новый год!.. Был в самом что ни на есть ударе. Тост мой перед наступлением полночи в опровержение поговорки: «Все друзья-приятели до черного лишь дня» — заставил всех перецеловаться. Тост с новым годом произнес сам Тимчинский. Шампанское лилось рекой... Танцевал, да как! — до половины 3-го часа. Была, конечно, и лезгинка. Написал сегодня и Борисовскому, что если его квартира свободна, могу ли ее занять опять и с вокзала приехать прямо к ним? Мне бы очень хотелось застать там Башкирова. Он на три месяца уезжает за границу осмотреть курорты. Если считать его отпуск до 1-го мая, то он должен уехать в начале февраля, а то и в конце января, и я его как будто не застаю... Но это ничего! Зато я пойду к памятнику Лермонтова и продекламирую то стихотворение, которое я написал на его открытке. Оно не было напечатано, а между тем до-

вольно интересное. Представьте меня у памятника в торжественной позе декламирующим бархатным баритоном:

Торжествуй, дорогая отчизна моя... —
и т. д.¹

До скорого свидания! Постарайтесь выработать лучше программу встречи.

Ваш Коста.

Сейчас получил письмо от Варвары Григорьевны. Александра крепко обнимаю. Елене Александровне пошлю новогодний подарок, а Вите премию, как только откроет свой выбор. Если Сеня у вас, то и ему и 3-й ученице и всем вам гуртом горячий привет и лучшие пожелания.

А. Л. ХЕТАГУРОВУ

7 марта 1902 г.
Влад (икавказ)
Воронцовская ул., д. 21.

У А Й Д З Ё Ф

Коммæ гæ сы ма цæв, —
и т. д.²

Ацы чиныджимæ дæм нывтæ фæрвитын æмæ сын выставкæты искуы бынат ссар. Назови их этюдами: 1) «В осетинской сакле»; 2) «Природный мост в верховьях

¹ См. наст. изд., том I, с. 157.

² Перевод этой басни Коста («Упрек») см. наст. изд. том I, стр. 122.

Кубани»; 3) Перевал «Зикара» и «Шамиль». Порядочного багета во всем Владикавказе не нашел. Устроился я здесь пока в холостой квартире. Скоро начну большую работу по живописи,— армяне отдают мне все иконы в расширенной церкви. Работа на все лето на 1500—2000 р. Кроме того, в ближайшем будущем газета «Казбек» переходит в руки солидной компании вполне интеллигентных людей, которые редактирование поручат мне. Здоровье мое в самом цветущем состоянии, бедро как будто никогда и не болело. Послал я в «Петербургские ведомости» статью о лесопользовании на Кавказе, и до сих пор не печатают. Послал Жантиеву письмо, чтобы он понаведался. Пишу на осетинском языке поэму «Хетаг». Василий, которому я читал написанную уже часть, настаивает, что у Хетага было два сына — Джеорджи и Гаджи. Гадзби совершенно отбился от рук. Пока Василий был здесь, он сидел дома, как только он уехал, так Гадзби и с собаками не сыщешь, ни днем ни ночью его нет дома, забежит домой на полчаса и опять драла. Остальные и учатся хорошо и ведут себя образцово.

Мака совершенно извелась. Я этому шарлатану прочитал сам целую лекцию, и он хоть бы глазом моргнул! Душевный привет чындз'у и детишкам. Ольге Ивановне, Лидии Николаевне и Лише низкий поклон. Будущему архиерею и Костику — салам. Самому тебе горячее объятие.

Твой Коста.

Греков если там, то и ему душевный привет!

Адрес: С.-Петербург.

Е В Р Александру Левановичу Хетагурову.
Николаевская, д. № 12, кв. 3.

Георгиевское.

Дорогой Садулла!

Я тебя убедительно просил, чтобы ты по телеграмме выслал в наше селение, и вместо того, чтобы выслать эти сто руб., ты написа^л Ольге Кайтмазовой, что я и во Владикавказе и здесь называю ^{её} «соломенной вдовой, получившей от мужа проходное свидетельство». Я всегда говорил правду, и потому я не имею в настоящем ни копейки, чтобы купить почтовую марку, и потому я сделался таким нервным, что не могу спать ни ночью, ни днем и поэтому вторично убедительно ^{прошу} выслать мне те же сто руб. по телеграмме, что^{бы} я смог как можно скорей покинуть каторжную жиз^нь, которую я переживаю, живя у якобы двоюродного брата, который восемь лет пользовался для п^рокармливания громадной семьи народными [?] деньгами и доходами мельницы на Теберде.

С каждой почтой я просиживаю в конторе по два...¹

¹ Не дописано. — *Сост.*

КОММЕНТАРИИ

В статьях и письмах Коста Хетагуров предстает перед читателем новыми гранями своего удивительного дарования и, прежде всего, как литератор и публицист. Дух и общее направление его творчества остаются неизменными и здесь, и это как нельзя лучше характеризует цельность натуры К. Хетагурова. Все, к чему прикасался он своим вдохновенным пером, озарено обаянием его личности, блеском его необыкновенного таланта.

Читателю следует помнить, что Коста с юношеских лет находился в изгнании, до конца жизни постоянно подвергался всяческим унижениям, полицейскому преследованию и гонениям; статьи его появлялись в подцензурной печати, а большинство писем, вошедших в настоящий том, написано в ссылке.

Не вся публицистика и не все письма Коста вошли в эту книгу. Объясняется это характером настоящего неполного издания. И еще тем фактом, что многое из наследия писателя до сих пор не разыскано. Нам неизвестны, например, его речи, доклады, рефераты, публичные лекции, с которыми он часто выступал, особенно в ставропольский период своей жизни, и о которых имеются совершенно точные сведения в газетной хронике тех лет.

В настоящий том вошли избранные статьи, заметки и письма Коста. «Публицистика» и «Письма» выделены в особые разделы. И статьи и письма Коста в настоящем издании печатаются в хронологическом ряду.

ПУБЛИЦИСТИКА

Письмо в редакцию газеты «Северный Кавказ»

(«...Не откажите поместить...»; стр. 7)

Одно из первых публицистических выступлений Коста. Опубликовано в газете «Северный Кавказ» от 8 мая 1893 г.

«Северный Кавказ» — частная газета; издавалась в гор. Ставрополе Д. И. Евсеевым. Коста начал сотрудничать в ней с 1888 г., когда жил еще во Владикавказе. На страницах этой газеты впервые появились его стихи, поэмы, мелкие заметки и статьи. Он продолжал сотрудничать в ней и в годы карачаевской ссылки. В марте 1893 г. Коста переехал в Ставрополь, и вся его жизнь потом, вплоть до конца 1901 г., была теснейшим образом связана с работой в этой газете, «каждую строчку которой он переживал... всеми фибрами души». На протяжении ряда лет Коста был фактическим ее редактором. В 1896 г. он стал соиздателем газеты и «Листка объявлений для Северного Кавказа». «Вступая в товарищество с Евсеевым по изданию названных выше периодических органов, — говорилось в Условии, составленном и подписанном К. Хетагуровым, — я... обязуюсь участвовать в нем своим личным трудом, который должен выражаться как в сочинении статей для номеров «Северного Кавказа», так, главным образом, в непосредственном наблюдении за составом номеров в соответствии с утвержденной программой и с установившеюся физиономией названной газеты, направляя свою деятельность по этой части к тому, чтобы возбудить к ней в публике еще больший интерес, чем каким она пользуется, приискивая при этом и способы к наибольшему распространению в крае. Сообразно с таким назначением моего, Хетагурова, участия в издании, предоставляется мне право, без вмешательства его, Евсеева, заведовать личным составом редакции как в его настоящем виде, так и по мере пополнения его новыми лицами, приглашение которых во всяком случае дол-

жно быть с ведома моего и не иначе, как с моего согласия в определении всех условий работы, в том числе и условий о вознаграждении. Современный личный состав редакции, поступая в мое заведование, подчиняется моим распоряжениям как относительно распределения труда по составлению нумеров, так и характера сотрудничества» (Архив СОНИИ, фонд Коста, № 10/45).

В издании газеты «Северный Кавказ» в 1895 г. вышел сборник русских стихов и поэм Коста. В ставропольский период жизни поэта во всем блеске развернулся его незаурядный публицистический дар.

Казбек Александр — Александр Михайлович Казбеги (1848—1893) — грузинский писатель-беллетрист, автор многих романов и повестей, отличающихся психологической тонкостью и лиризмом. Коста хорошо знал его творчество, в котором привлекали его, видимо, мотивы борьбы против самодержавного строя и яркие картины народного быта. По воспоминаниям К. К. Топуридзе, Коста с восторгом отзывался о Ал. Казбеги. «Готов изучить грузинский язык, — цитирует от слова Коста, — чтобы детально познакомиться с произведениями Казбеги» (Архив Северо-Осетинского НИИ, фонд Коста, № 183, папка 39, л. 50).

Сандро Мцeralи буквально означает Сандро Писатель. Так любовно называли Ал. Казбеги на его родине.

Письма из Владикавказа

(«В корреспонденции из Владикавказа...»; стр. 9)

Печатается по тексту газеты «Северный Кавказ» № 75 от 23 сентября 1893 г., где опубликовано под псевдонимом: Нарон.

Нáрон — один из псевдонимов К. Хетагурова. Слово «нарон» образовано из *Нар* (название горного селения в верховьях

Алагирского ущелья, где родился Коста) и осетинского суффикса принадлежности *он*. Нарон буквально означает нарец, уроженец Нара. Почти все свои статьи и заметки Коста подписывал этим излюбленным псевдонимом.

«В корреспонденции из Владикавказа...» — Коста имеет в виду статью, опубликованную им в газете «Северный Кавказ» от 15 июля 1893 г. под рубрикой «Владикавказ», без подписи. В этой статье К. Хетагуров, в частности, писал: «Чем должен жить туземец, у которого в горной труппе в лучшем случае всего только $\frac{1}{4}$ десятины удобной, а в худшем — ни одного квадратного вершка ни удобной, ни неудобной земли? При таком безземелии отнимать у него право аренды и отхожего промысла вне района его национальности, лишать его поденщины и мелкого заработка в городах и слободах не значит ли задавать этому дикарю гамлетовский вопрос: «быть или не быть?»

«Русская жизнь» — ежедневная газета; издавалась с 1890 по 1895 г. в Петербурге без предварительной цензуры.

«Русские ведомости» — ежедневная газета; издавалась в Москве с 1863 по 1918 г.

Слобожанин М. — псевдоним Евгения Дмитриевича Максимова. С 1880 по 1892 г. Е. Д. Максимов был редактором неофициальной части «Терских ведомостей». Упоминаемая К. Хетагуровым статья М. Слобожанина опубликована в той же газете за 1893 г. (№№ 102 и 108). *Е. Д. Максимов* — автор многих статистико-экономических работ реакционного направления. Наибольшей известностью пользовалась написанная им в соавторстве с Г. Вертеповым книга «Туземцы Северного Кавказа», Владикавказ, 1894.

В сатирической поэме «Кому живется весело» Коста зло высмеял публицистическую деятельность Е. Д. Максимова, назвав его Максимом Лизоблюдовым.

Владикавказские письма
(«В последнее время замечается...»; стр. 18)

Печатается по тексту газеты «Северный Кавказ» № 36 от 5 мая 1896 г., где опубликовано под псевдонимом: Нарон.

«Терские ведомости» — газета, официальный орган администрации Терской области; издавалась в гор. Владикавказе с 1868 по 1917 г.

«Казбек» — частная газета; издавалась в гор. Владикавказе с 1895 по 1906 г.

«Новое обозрение» — частная газета; издавалась в г. Тифлисе.

Услар П. К. (1816—1875) — лингвист и этнограф, автор многих работ по языкам народов Кавказа. Коста имеет здесь в виду его статью «Кое-что о словесных произведениях горцев». Цитирует он, видимо, по памяти. У П. К. Услара: «В Дагестане нарты служат общим названием для обозначения великанов. Напротив, у осетин и кабардинцев, в самом центре Кавказа, нарты сами служат героями песен и сказок» («Сборник сведений о кавказских горцах», вып. I. Тифлис, 1868, с. 28).

Пфаф В. В. — исследователь быта и истории осетин. Коста цитирует его статью «Путешествие по ущельям Северной Осетии» — («Сборник сведений о Кавказе», т. I, с. 167).

Марков Е. Л. — русский писатель, этнограф. Коста цитирует его книгу: «Очерки Кавказа. Картины кавказской жизни, природы и истории». СПб. — М., Изд. М. О. Вольф, 1887, с. 189.

В.Н.Л. — (Вера, Надежда, Любовь) — псевдоним А. Г. Ардашенова (1852—1917). Книга его «Переходное состояние горцев Северного Кавказа» была издана в 1896 г. в Тифлисе.

«Невольно припоминается басня о «Пустыннике». — Имеется в виду басня И. А. Крылова «Пустынник и медведь».

Городские нимроды... (стр. 25)

Печатается по тексту газеты «Северный Кавказ» № 53 от 4 июля 1896 г., где опубликовано под псевдонимом: Старик.

Старик — один из псевдонимов К. Хетагурова. Работая в газете «Северный Кавказ», Коста часто подписывал этим псевдонимом свои хроникерские заметки.

С 1893 г. Коста, как известно, был секретарем редакции. Кроме внутренней и внешней корреспонденции, он вел в газете городскую хронику. Особенно напряженным для Коста был 1896 год, когда он стал соиздателем газеты. Он участвовал в издании своим личным трудом, который, согласно Условию, заключался «в сочинении статей». Коста заведовал всем составом редакции. Газета, как это видно из документов и переписки К. Хетагурова, всецело поглощала все его силы и время. Характерно, что за весь 1896 г. Коста опубликовал в «Северном Кавказе» всего пять стихотворений. «Целый год, — писал Коста, — я проработал в этой несчастной газете, как каторжный, контролируя ее содержание от первой строки до последней». Скрепленный подписью Коста комплект газеты за 1896 г. сейчас хранится в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина.

Заметки с подписью: Старик, публикуемые в настоящем издании, относятся, в основном, к лету 1896 г. «...занят по горло, — тогда же писал Коста в письме к А. И. Цаликову. — Многие из служащих в редакции уехали, и я принужден работать чуть не за всех».

Псевдоним *Старик* раскрыт К. Хетагуровым в его «Открытом письме», опубликованном в газете «Северный Кавказ», № 69 от 29 августа 1896 г. (наст. том, стр. 44).

Нимероды — немврод (евр. Нимрод) в легендах книги Бытия, — «первый богатырь на земле», «могучий охотник». Здесь в смысле знаменитый охотник.

«Тихая, монотонная жизнь нашего сонного города...» (стр. 28)

Печатается по тексту газеты «Тифлисский листок», где опубликовано в № 177 от 31 июля 1896 г. под псевдонимом: Старик.

Статья написана в связи с полемикой, возникшей в печати по поводу заметки К. Хетагурова, опубликованной в «Северном Кавказе», № 53, от 4 июля 1896 г. под рубрикой «По городу».

Pro domo sua (лат.) — букв. «за свой дом», по поводу себя, по личному вопросу, в защиту себя и своих дел.

Владикавказские письма
(«Всем известно, что...»; стр. 32)

Печатается по тексту газеты «Северный Кавказ», № 61 от 1 августа 1896 г., где опубликовано под псевдонимом: Нарон.

Ergo, probe laboremus (лат.) — Следовательно, будем работать честно.

Открытое письмо (стр. 44)

Печатается по тексту газеты «Северный Кавказ» № 69 от 29 августа 1896 г.

В этом письме Коста впервые раскрыл свой псевдоним Старик, которым он подписывал свои мелкие заметки, работая в газете «Северный Кавказ».

Маленькая история (стр. 48)

Печатается по тексту газеты «Северный Кавказ», № 7, от 23 января 1897 г., где опубликовано под псевдонимом: Нарон.

В 1862 году в г. Владикавказе была открыта первая школа для осетинских девиц... — Школа, о которой говорит Коста, была открыта протоперсеем Аксо Коллевым на дому. О деятельности А. Коллева Коста всегда отзывался положительно, особо отмечая его заслуги как просветителя (наст. том, стр. 125).

Ближайшие свидетели этой катастрофы — владикавказские осетины... подали протест... — Протест, о котором идет здесь речь, был написан К. Хетагуровым в 1891 г. на квартире у Цаликовых. Это первое его самое крупное публицистическое выступление. Черновой автограф протеста полностью опубликован в академическом издании Собрания сочинений Коста Хетагурова, том V, Москва, 1961, стр. 305—309. Текст прошения на имя обер-прокурора Святейшего синода К. П. Победоносцева во многих деталях текстуально совпадает с содержанием публикуемой статьи, — еще одно из многих доказательств принадлежности псевдонима Нарон К. Хетагурову.

...многие из осетин, участвовавшие в протесте... — Среди подписавших этот протест были А. И. Цаликов, Тасолтан Дзахов, Тотрадз Коллиев, Б. И. Туаев, С. В. Коклиев и др.

Помимо выговоров и легких арестов ... из пределов Терской области. — «Отца... выслали из Владикавказа, — пишет по этому поводу Ю. А. Цаликова в своих неопубликованных записках, — Коста выслали на Кубань. Дзахов Тасолтан просидел в тюрьме неделю, а Коллиев Тотрадз целый месяц. Все же чиновники, подписавшие эту бумагу, вылетели с мест, между прочим Б. И. Туаев, служащий в гимназии, Коклиев С. В. — учитель в приготовительном классе реального училища, прослуживший там около 23 лет» (Архив Северо-Осетинского НИИ).

Н а к а н у н е (стр. 59)

Печатается по тексту газеты «Северный Кавказ» №№ 9, 14, 37 от 30 января, 16 февраля и 8 мая 1897 г., где опубликовано под псевдонимом: Нарон.

«Накануне» — одно из самых значительных выступлений К. Хетагурова-публициста. «Картина, нарисованная Коста, — писала М. Шагинян по поводу этой статьи, — совершенно конкретна... Но в то же время она и совершенно типична. Читатель не может не узнать в этой картине все общетиповые черты империалистической колонизаторской политики. Такая глубина анализа, где рассмотрение частного случая приводит к общетиповым чертам, доступна лишь на вершинах публицистики». (Мариэтта Шагинян. Коста-публицист. — В кн.: «Коста Хетагуров. Сборник памяти великого осетинского поэта». Москва, 1941, с. 63—64).

«Санкт-Петербургские ведомости» — частная, полуофициальная газета; издавалась в Петербурге.

В обширной передовой статье «Нужды Кавказа...» — Статья «Нужды Кавказа» была опубликована в «Санкт-Петербургских ведомостях», № 22, от 23 января 1897 г.

...бывший министр государственных имуществ М. Н. Островский... — М. Н. Островский (1827—1901) был министром государственных имуществ с 1881 по 1893 г.

Придавая особое значение промышленному образованию подрастающего поколения, г-н Яновский находит... — Яновский К. П. (1822—1902) — русский педагог, один из активных деятелей народного просвещения на Кавказе; с 1878 по 1899 г. был попечителем Кавказского учебного округа. По его инициативе выходила многотомная серия «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа». Из теоретических работ по педагогике особого внимания заслуживает его труд «Мысли о воспитании и обучении», 1890.

«Новое время» — ежедневная газета; выходила в Петербурге с 1868 по 1917 г.

В своей статье «О кавказских разбойниках»... — Упоминаемая К. Хетагуровым статья была опубликована в газете «Новое время» № 7527 от 9 февраля 1897 г.

Неоднократно возбуждаемый хизанский вопрос... — Хизаны — крестьяне-бедняки.

Кони А. Ф. (1844—1927) — юрист и писатель.

«Новосги» — ежедневная газета; издавалась в Петербурге.

Владикавказские письма

(«Я так давно не писал...»; стр. 83)

Печатается по тексту газеты «Северный Кавказ» № 58 от 20 июля 1897 г., где опубликовано под псевдонимом: Нарон. В тексте газеты имеются цензурные сокращения.

«Снимите шляпу... на покой...» — Цитата из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (действие II, явл. 5, Фамусов). У А. С. Грибоедова: «Кладите...»

...по инициативе генерал-майора Цаликова... — Имеется в виду Даниэльбек Цаликов (ум. в 1906 г.) — участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Позже в чине генерал-майора вышел в отставку; близкий родственник семьи Цаликовых; с Коста был в дружеских отношениях.

Александровское духовное училище... — впоследствии миссионерская семинария.

...О них-то я и поговорю в следующем письме... — Продолжения писем не последовало, вероятно из-за болезни Коста. О насильственных мерах насаждения европейской культуры среди горцев Коста говорит в этнографическом очерке «Особа».

Горские штрафные суммы (стр. 93)

Статья написана летом 1897 г. в г. Ставрополе, но не могла быть напечатана по цензурным условиям. Коста удалось опубликовать ее только в следующем, 1898 году, когда он находился на излечении в петербургской Александровской больнице. Появилась она в петербургской ежедневной газете «Сын отечества»

(№ 73 от 17 марта 1878 г.). Статья печатается по тексту этой газеты.

Газета *«Сын отечества»* выходила без предварительной цензуры.

В какой степени осуществлялись благие намерения князя Барятинского... — Фонды горских штрафных сумм были учреждены А. И. Барятинским (1814—1879). В пятидесятых годах прошлого столетия он был наместником Кавказа.

Неурядицы Северного Кавказа (стр. 97)

Печатается по тексту газеты «Санкт-Петербургские ведомости» №№ 82, 112, 129 от 25 марта, 27 апреля и 11 мая 1899 г., где впервые опубликована с подписью: К. Хетагуров.

Статья является вершиной боевой публицистики К. Хетагурова, высоким образцом его мастерства. Написана, вероятно, в сентябре 1898 г. и тогда же направлена А. Л. Хетагурову в Петербург для «Санкт-Петербургских ведомостей». Напечатать статью, однако, оказалось нелегко. Малоэффективным было и содействие Ф. К. Грекова — секретаря газеты «Новости». «Статья Вашего брата лежит в наборе и ждет очереди», — сообщал он А. Л. Хетагурову в письме от 28 февраля 1899 г. Около полугода тянулась эта канитель, и только весной 1899 г., после приезда самого Коста в Петербург, статья наконец увидела свет. Она появилась в печати перед самой ссылкой в Херсон и свидетельствует, кроме всего прочего, о величии духа Коста, о мужестве его перед лицом новых испытаний. «Статья моя о неурядицах на Северном Кавказе уже набирается, — писал он Ю. А. Цаликовой из Петербурга. — Сегодня мне прислали корректуру: она будет для Каханова ничуть не слаже, чем для мепя Пепза».

Автограф статьи не разыскан. Некоторые сведения о нем имеются в упомянутом уже письме Ф. К. Грекова: «Подлинную рукопись я Вам возвращаю вместе с этим письмом, — писал он

А. Л. Хетагурову, — и советую до поры до времени сохранить».

«Тифлисский листок» — ежедневная газета; издавалась в Тифлисе.

Sine ira et studio (лат.) — без гнева и пристрастия; совершенно беспристрастно.

Alibi (лат.) — «в другом месте», юридический термин.
..По описанию газеты «Северный Кавказ... остров Чечень находится в Кизлярском отделе... — Коста имеет в виду свою статью «Владикавказские письма» («Всем известно...»), опубликованную в газете «Северный Кавказ» № 61 от 1 августа 1896 г. под псевдонимом: Нарон (наст. том, стр. 32). В статье «Неурядицы Северного Кавказа» почти дословно передано ее содержание.

З и у

(Письмо землякам) (стр. 122)

Печатается по тексту газеты «Казбек» № 637 от 29 декабря 1899 г., где опубликовано под псевдонимом: Нарон. Написано в херсонской ссылке.

Зиу (осет.) — помощь, работа миром.

Препровождая многоуважаемой редакции свою лепту... — Какую именно помощь оказал Коста пострадавшим от пожара жителям Гокинаевского хутора, неизвестно. Нельзя не заметить, однако, что письмо написано в изгнании, в такое время, когда он жил почти впроголодь и сам, может быть, больше всех других нуждался в человеческом внимании и помощи.

Избави бог и нас от этаких судей (стр. 124)

Печатается по тексту газеты «Казбек» № 674 и 675 от 13 и 15 февраля 1900 г., где опубликовано под псевдонимом: Нарон.

«Избави бог и нас от таких судей». — Цитата из басни И. А. Крылова «Осел и соловей».

Ни одной статьи г-на Цаголова... г-ном Цаголовым культуры. — По поводу статьи Г. М. Цаголова «Культурное движение среди осетин» Коста писал в письме к А. А. Цаликовой от 10 февраля 1900 г., когда находился еще в херсонской ссылке: «Цаголов поместил довольно большую статью в «Северном Кавказе», где критикует деятельность осетинской интеллигенции, достается особенно Гаппо. Впечатление от нее, как и от всех, затрагивавших туземные вопросы его писаний, самое отвратительное. Он меня давно ими возмущал, и я через Гаппо передавал ему, чтобы он лучше обдумывал и не играл на руку кое-кому. Он сравнительно несколько изменился, но неприятный специфический запах остается постоянно. Ввиду серьезности вопроса, который он теперь затронул, я не удержался и послал в «Казбек» возражение в довольно резкой форме в надежде вылечить его от не особенно благовидных выходов».

Цаголов Г. М. (1871—1939) — поэт, прозаик и публицист. Наибольшей известностью пользуются его сборник стихов «Осетинские мотивы» (1907) и книга очерков «Край беспросветной нужды» (1912).

Алексей (Аксо) Колиев — протоперей, основатель первой осетинской женской школы (1862 г.), автор первых на осетинском языке стихов религиозно-правственного содержания, переводчик богослужебных книг на осетинский язык.

...та же «сельская буржуазия» под протекторатом известного осетинского героя... — Коста имеет в виду полковника С. Д. Хоранова.

До сих пор еще не решенный земельный вопрос... (стр. 134)

Печатается по тексту газеты «Северный Кавказ» № 47 от 22 апреля 1901 г., где опубликовано под псевдонимом: Нарон.

...легендарный осетинский герой Бесо... — Имеется в виду герой осетинской легенды о безумном пастухе Бесо, скитающемся по горам в надежде прийти на помощь и освободить прикованного к скале Амрапа.

Утес-великан ... — Неточная цитата из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Утес». У М. Ю. Лермонтова:

Ночевала тучка золотая
На груди утеса-великана.

Ч и ч и к о в (стр. 137)

Печатается по тексту газеты «Северный Кавказ» № 50 от 28 апреля 1901 г., где опубликовано под псевдонимом: Нарон.

Т а р т а р е н (стр. 139)

Печатается по тексту газеты «Северный Кавказ» № 53 от 5 мая 1901 г., где опубликовано под псевдонимом: Нарон. Коста в своем фельетоне имеет в виду очерк А. Н. Дьячкова-Тарасова «В горах Большого и Малого Карачая (истоки реки Кубани)», опубликованный в «Сборнике материалов для описания племен Кавказа», вып. 28.

Sic transit... (лат.) — Так проходит... (из изречения *Sic transit gloria mundi* — Так проходит мирская слава).

В прошлой корреспонденции (стр. 149)

Печатается по тексту газеты «Северный Кавказ» № 56 от 12 мая 1901 г., где опубликовано под псевдонимом: Нарон.

В прошлой корреспонденции... — Коста имеет в виду статью «До сих пор еще не решенный земельный вопрос...» (наст. том, стр. 134).

1894 года, ноября 9 дня, сел. Вакац (стр. 153)

Печатается по тексту газеты «Северный Кавказ» № 57 от 15 мая 1901 г., где опубликовано под псевдонимом: Нарон.

Развитие школ в Осетии (стр. 158)

Печатается по тексту газеты «Северный Кавказ» № 69 от 12 июня 1901 г., где опубликовано под псевдонимом: Нарон.

...Владикавказская осетинская трехклассная женская школа... — Эта школа была предметом особого внимания Коста с самого начала его общественной и публицистической деятельности. С борьбой за эту школу связана его первая ссылка. Осетинской женской школе посвящена и другая статья Коста — «Маленькая история» (наст. том, стр. 48).

Учебник географии России

Курс гимназический

Составил Михаил Мостовский (стр. 163)

Печатается по тексту газеты «Северный Кавказ» № 72 от 19 июня 1901 г.

Мостовский Михаил Степанович — писатель-этнограф: окончил курс в Московском университете. С 1862 г. — преподаватель 3-й московской реальной гимназии и Николаевского сиротского Института. Первое издание его «Учебника географии России» вышло в 1864 г. Год спустя эта книга была принята «как руководство при преподавании в гимназиях». (Журнал Министрства Народного просвещения, 1865 г.)

Учебник его ... выдержал восьмое издание. — Восьмое издание, о котором идет здесь речь, вышло в 1889 г.

Внутренние враги (стр. 167)

Печатается по тексту газеты «Северный Кавказ» № 83 от 14 июля 1901 г., где опубликовано под псевдонимом: Нарон.

«У сильного всегда бессильный виноват...» — цитата из басни И. А. Крылова «Волк и ягненок».

Церковноприходские школы в Осетии (стр. 172)

Печатается по тексту газеты «Северный Кавказ» № 88 от 26 июля 1901 г., где опубликовано под псевдонимом: Нарон.

Состоявшийся текущим летом съезд учителей церковноприходских школ Северной Осетии. — Съезд учителей состоялся в сел. Ардон в июле 1901 г.

...съезд постановил ввести в осетинских школах известный учебник русского языка Я. Гогебашвили «Русское слово». — Коста имеет в виду книгу Я. Гогебашвили «Русское слово, или Учебное руководство к русскому языку для грузинских школ», ч. I и II, 1894.

Труд, которому эти сеятели «разумного, доброго, вечного...» — Цитата из стихотворения Н. А. Некрасова «Сеятелям». У Н. А. Некрасова: «Сейте разумное, доброе, вечное».

Насущные вопросы (стр. 176)

Печатается по тексту газеты «Северный Кавказ» № 104 от 1 сентября 1901 г., где опубликовано под псевдонимом: Нарон.

Но тогда, — говорит г. Цаголов... — Цитируемая далее статья Г. М. Цаголова называлась «К вопросу о «временнопроживающих»; опубликована в газете «Терские ведомости» № 69 от 15 июня 1901 г.

Наконец, пример переселения безземельных осетин... — Это переселение было возглавлено отцом Коста Леваном Елизабровичем Хетагуровым.

Пути сообщения в горной полосе Кавказа (стр. 181)

Печатается по тексту газеты «Северный Кавказ» № 111 от 18 сентября 1901 г., где опубликовано впервые. Перепечатано в газете «Казбек» № 1209 от 1 декабря 1901 г. под псевдонимом: Нарон.

На чужбине (стр. 183)

Печатается по тексту газеты «Казбек» № 1217 от 12 декабря 1901 г., где опубликовано под псевдонимом: Нарон.

Эпиграф статьи (*«Родная земля! ... не стоишь?»*) взят К. Хетагуровым из стихотворения Н. А. Некрасова «Размышления у парадного подъезда».

Открытое письмо к осетинской интеллигенции (стр. 185)

Печатается по тексту газеты «Терские ведомости» № 207 от 16 декабря 1901 г.

ПИСЬМА

А. Я. Поповой. 21 мая 1886 г. (стр. 189)

Печатается по фотокопии (фонд Коста, папка 18, ПЗОЗ, лл. 1—5). Подлинник письма хранится в Юго-Осетинском НИИ. Впервые опубликовано в Собрании сочинений К. Хетагурова, Госпздат Северо-Осетинской АССР, г. Дзауджикау, 1951.

О А. Я. Поповой см. наст. изд., том 1, стр. 313—315.

Я с восторгом узнаю, что Вы подруга Веры... — Коста имеет в виду Веру Сухиеву, с которой был в родстве. Вера — дочь священника Сухиева, родного брата мачехи Коста.

Без божества ... без любви. — Цитата из стихотворения А. С. Пушкина «К А. П. Керн». У А. С. Пушкина:

Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.

В то время Вы, вероятно, и не подозревали ... незнакомой... — Об этом времени А. Я. Попова рассказывает в своих воспоминаниях: «Коста тогда был просто свободным художником... Вдобавок, Коста в те годы ходил в синей блузе...» (фонд Коста, папка II, № 40, л. 2).

Прилагаемое к письму стихотворение... — Коста имеет в виду первую редакцию стихотворения «Да, я уж стар». В приложении к письму оно было озаглавлено: «Посвящается А. Я. П.» Первоначальный текст:

Да, я уж стар... Ты смотришь боязливо
На впалые глаза, глубокие морщины.
Мой горб рисуется в рубище некрасиво,
На плечи падают лохмотьями седины...
Да, я уж стар!
Но ты пойми — я в пору малолетства
Жестоко был лишен безжалостной судьбой
Священной радости ликующего детства
Играть под звуки песни матери родной...
Да, я уж стар!
Но знай, как я, безумно расточая
Цвет юности в пыли научных мелочей,
Сгубил ее, людей и жизнь не зная,
Не встретив никогда сочувственных очей...
Да, я уж стар!
Но ты пойми, как целый век напрасно
Вокруг себя друзей и братьев я искал,
Как спротою страдал я век безыласно,
Как жизни не вкусив, я жить уж перестал.
Да, я уж стар!

Да, я уж стар. Ты смотришь боязливо
На впалые глаза, глубокие морщины...
Мой горб рисуется в рубище некрасиво...
На плечи падают лохмотьями седины.

А. А. Ц а л и к о в о й. 15 июня 1891 г. (стр. 193)

Печатается по подлиннику (фонд Коста, папка 3, П. I).
Впервые опубликовано в издании Академии наук СССР и Северо-Осетинского НИИ, Москва, 1951 г.

О А. А. Цаликовой см. наст. изд., том 1, стр. 299.

Я очень рад побеседовать с Вами издалека... — В 1891 г. Коста в административном порядке был выслан из Осетии в Карачай «за подстрекательство осетин к противоправительственным действиям и подаче неузаконенных адресов».

...когда я поселился в Вашем доме. — До ссылки в Карачай Коста некоторое время жил на квартире у Цаликовых. Дом, который имеет в виду Коста, принадлежал Коченовым.

О семье Цаликовых см. наст. изд., том 1, стр. 299.

«...рассудку вопреки, наперекор стихиям». — Цитата из комедии «Горе от ума» А. С. Грибоедова (действие III, явл. 22, Чацкий).

В. Г. Ш р е д е р с. 19 сентября 1891 г. (стр. 195)

Печатается по подлиннику (фонд Коста, папка 5, П63).
Впервые опубликовано в издании Академии наук и Северо-Осетинского НИИ, Москва, 1951 г.

О В. Г. Шредерс см. наст. изд., том I, стр. 324.

«Кто устоит против разлуки». — Цитата из поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон».

Что случилось со школой осетинской? — Речь идет о владикавказской Ольгинской женской школе.

А. Я. Поповой. 10 апреля 1893 г. (стр. 197)

Печатается по фотокопии (фонд Коста, папка 13, ПЗОЗ, лл. 6—13). Подлинник хранится в архиве Юго-Осетинского НИИ. Впервые опубликовано в Собрании сочинений К. Хетагурова, Госиздат Северо-Осетинской АССР, 1951.

Один лишь звук, лишь миг участия, // За них я жизнью заплачу. — Заключительные строки из стихотворения Коста «Иссякла мысль, тускнеют очи».

Национальная рознь... — Коста имеет в виду разницу в национальном происхождении. А. Я. Попова по национальности была армянкой.

Послушайте, что говорит С. Смайльс... — Смайльс, Самуил (1812—1904) — известный английский писатель-моралист. Цитируемая К. Хетагуровым книга Смайльса «Ум и энергия» была переведена на русский язык в 1890 г.

К чему ж мы лишили возможного счастья // Цветущую юность свою? — Автоцитата из стихотворения «Умру я, и что же? — слезою участия...» (наст. изд., том I, стр. 188).

А. Л. Хетагурову. 20 августа 1897 г. (стр. 201)

Печатается по подлиннику (фонд Коста, папка 4, П40). Письмо впервые опубликовано в издании Академии наук и Северо-Осетинского НИИ, Москва, 1951.

А. Л. Хетагуров — Андукапар Леванович (Александр Леонидович) Хетагуров (1855—1942) — родственник и друг поэта, врач; окончил Императорскую Медико-хирургическую академию в Петербурге; автор ряда научных работ по медицине, касающихся, главным образом, морфологии крови. В трудные времена жизни Коста неизменно обращался к нему, и не было случая, чтобы Андукапар не пришел ему на помощь. Коста все-

гда находил в нем отзывчивого друга и товарища. Так было и в 1897 г., когда он заболел костным туберкулезом. «Я почему-то (понятно, почему!) начинаю сознавать, что ты у меня один...» — писал он Андукашару из Ставрополя в письме от 18 июля 1897 г. вскоре после операции.

Сохранились весьма ценные воспоминания А. Хетагурова о Коста, частью опубликованные в книге «Коста Хетагуров. Сборник памяти великого осетинского поэта». Москва, 1941.

О ходе моей болезни... — Коста имеет в виду операцию, которую он перенес в июле 1897 г. в Ставрополе.

В. И. Смирнов у. 25 декабря 1897 г. (стр. 201)

Печатается по подлиннику (фонд Коста, папка 5, П52). Впервые (без приложения) опубликовано в книге «Коста Хетагуров. Сборник изданных произведений», 1939.

Смирнов В. И. (1840—1922) — учитель рисования в Ставропольской мужской гимназии, художник. Начиная с юношеских лет и до конца жизни Коста был с ним и его семьей в самых близких и дружеских отношениях.

В этой громадной, мрачной больнице... — Петербургская Александровская больница, в которой Коста после операции длительное время находился на излечении.

Упоминаемые в приложенном к письму стихотворении Вася, Дуня, Нина, Луша, Саша, Миша, Галя, Катюша — дети В. И. Смирнова.

А. А. Цалпков ой. 6 декабря 1898 г. (стр. 203)

Печатается по копии с подлинника, снятой Гуго Дзасоховым (фонд Коста, П51, лл. 1—8). Местонахождение подлинника неизвестно. Письмо впервые опубликовано Г. Дзасоховым

в книге «Коста Хетагуров. Критико-биографический очерк. Стихотворения. Письма и воспоминания. Документы к биографии. Портреты». Ростов-на-Дону, 1909.

...Один наш общий приятель... — Имеется в виду Виктор Егорьевич Кизер — педагог, директор Подготовительного училища во Владикавказе.

В такой необыкновенно деликатной форме передал мне Ваш отказ Гаго... — Гаго Дигуров, близкий друг Коста.

Разгъй мын ацу дæ цæстæнгас дзуры. — Давно мне твой взгляд говорит «уходи».

«Хæрзбон». — «Прощай».

«Царь познания и свободы». — Цитата из поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон».

Ни газета, каждую строчку которой я переживал, казалось, всеми фибрами души... — Имеется в виду газета «Северный Кавказ», где Коста начал работать в марте 1893 г.

Скоро я узнал, что Вы невеста... — Намек на помолвку А. Цаликовой с М. Дзахсоровым. Вероятность ее, однако, сомнительна. «В этом дивизионе, — рассказывает в своих воспоминаниях Е. А. Цаликова, — был адъютантом наш друг детства Мамай Дзахсоров. Не стану писать подробности, но его разжаловали за какой-то проступок, и вот Анюта решила его поддержать, но он в мае заболевает скоротечной чахоткой. Я тогда везу его в Кисловодск. Лечила, ухаживала за ним. Но в августе его повезли, почти умирающего, домой, в Ольгинское селение, где он и умер» (Архив Северо-Осетинского НИИ).

«Сорок тысяч братьев». — Цитата из трагедии В. Шекспира «Гамлет» (акт V, сцена I, Гамлет у могилы).

Если Вы не сочтете нужным или удобным ответить мне, пока я здесь... — Письмо написано К. Хетагуровым в Пятигорске, где в то время жила семья Цаликовых.

Печатается по подлиннику (фонд Коста, папка 4, П46). Впервые опубликовано в издании Академии наук и Северо-Осетинского НИИ, Москва, 1951.

И письмо генерала Цаликова... — В письме к Гяго Дзасохову от 14 октября 1906 г. Ю. А. Цаликова писала: «Вы спрашиваете, каким образом Коста знал о каре раньше получения официальной бумаги? А вот каким образом: жил у нас тогда Салам-Гирей Цаликов, наш родственник. Уехал он на несколько дней во Владикавказ к своему дяде — знаменитому Даниэльбеку Цаликову (генерал-богач, ныне умерший), и вдруг неожиданно вернулся назад, говоря, что дядя послал его к нам, и чтобы мы передали, конечно, в секрете, что он из достоверных источников узнал, что начальник области высылает (по форме) Коста в Пензенскую губернию административно на пять лет (по праву начальника области). И вот мы все спланировали Коста в Тифлис, где он узнал, что это правда, но только не в Пензу, а в Курскую губернию. А откуда Цаликов узнал, так это понятно: у него была всегда масса клеветников по этой части». Местонахождение письма, о котором говорит Коста, неизвестно.

Цы фестут Гуыбаты тыхджын азнауритæ? Уæ цæхæрцæст хæрæфырты уын... къабæзтæ кæнынц. — Где вы, Губаевские спильные азнаури? ¹ Вашего искроглазого племянника... разрывают на части.

«У Хетага было два сына — Георгий и Гаджи, — пишет в своих воспоминаниях А. Л. Хетагуров. — От них произошли две линии нашей фамилии со множеством разветвлений каждая. Коста занимает место в линии Георгия и по прадеду своему Хетагуров-Асаев, между тем как я в линии Гаджи и по прадеду члены нашей ветки называются Хетагуровы-Губаевы.

¹ А з н а у р и — сословие грузинских дворян.

Браки между членами линии Георгия и разветвлениями и членами линии Гаджи допускались давно, и мать Коста — Мария была урожденная Губаева. Таким образом, Коста сам, Губасвым, помимо происхождения из общего корня, приходится хæрæфырт¹ (Архив Северо-Осетинского НИИ, фонд Коста, папка II, РІ, № 39, л. I).

Ахъа — так близкие называли Андуканара Хетагурова.

Ю. А. Цалпковой. 13 марта 1899 г. (стр. 212)

Печатается по подлиннику (фонд Коста, папка 3, П17). Впервые со значительными сокращениями опубликовано в издании Гуго Дзасохова.

...чтобы отвязаться от Каханова... — Каханов С. В. (1842—1908) — начальник Терской области.

Кн. Голицын — Главноначальствующий гражданской частью на Кавказе (он же Командующий войсками Кавказского военного округа и Наказный атаман Кавказских казачьих войск).

объявил моей патронессе — фрейлине... — Речь идет о Соне Власьевне Тархановой. С. В. Тарханова — один из близких петербургских друзей Коста. Переписка с ней, в основном относящаяся к 1899 году, к сожалению, не разыскана.

В Сенат... опять в Сенат? — Коста имеет в виду жалобу в Правительствующий сенат по поводу первой своей ссылки. Указом Сената от 14 июня 1896 г. распоряжение Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе о К. Хетагурове было отменено.

Вот приеду и вылечу его тицовским вином... — Тиц И. П. — хозяин бакалейной лавки в Пятигорске.

¹ Хæрæфырт — племянник.

Марья Петровна — М. П. Лыщинская, жена командира Осетинского конного дивизиона М. А. Лыщинского. Осетинский дивизион в то время был дислоцирован в Пятигорске.

Салам-Гирей — С. Цаликов, родственник семьи Цаликовых; служил в Осетинском конном дивизионе.

Лидия Иакинфовна — Л. И. Ржаксинская. Ржаксинские — близкие друзья Коста по Пятигорску.

«Он далеко, он не узнает, не оценит тоски твоей». — Цитата из поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон».

Джетагаз — Дж. Хабаев, офицер, служивший в Осетинском конном дивизионе. Коста был с ним в приятельских отношениях.

Сосейы зарæг: «Ой, Сосе! Хæрисæй дам цæвæджы хæр нал хъуысы... Ой, Сосе! Фæдисæй дам дæ лæджы хæр нал хъуысы. — Песню о Сосе: «Ой, Сосе! Из ивняка, говорят, звона косы больше не слышно... Ой, Сосе! На тревоге, говорят, твоего боевого клича больше не слышно».

Даут — Д. Абадиев, офицер; служил в Осетинском конном дивизионе в Пятигорске.

...йæ зæрдæ та йæм цæмæдæр æхсайы — в чем-то он опять его подозревает.

Антонина Карловна — А. К. Жмакина, один из друзей Коста по Пятигорску. Рассказывая о деятельности интеллигенции, окружавшей Коста в Пятигорске, Е. А. Цаликова вспоминает и о ней. «А. К. Жмакина, хорошо знавшая западноевропейские языки, — пишет она в своих записках, — организовала кружок по изучению живописи и французского языка» (Архив Северо-Осетинского НИИ).

Статья моя о неурядицах на Северном Кавказе уже набирается. — Коста имеет в виду свою статью «Неурядицы Северного Кавказа», начало которой было опубликовано в газете «Санкт-Петербургские ведомости» в № 82 от 25 марта 1899 г. Продолжение статьи было напечатано в № 112 от 27 апреля и № 129 от 11 мая 1899 г.

Кн. Ухтомский — Э. Э. Ухтомский, редактор газеты «Санкт-Петербургские ведомости».

...одно заграничное издание... — Имеется в виду книга «Церковные вопросы в России, или Русское духовное ведомство под управлением синодских обер-прокуроров и отношение его к церквам греко-восточной и старообрядческой». *Браила* — первая типолитография П. М. Пестемалжиноглу, 1896.

А. А. Цалпковой. 28 марта 1899 (стр. 215)

Печатается по подлиннику (фонд Коста, папка 3, ПЗ). Впервые опубликовано в издании Академии наук и Северо-Осетинского НИИ, Москва, 1951.

«Главу опутивши на грудь». — Цитата из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Воздушный корабль».

«Быть или не быть?» — Цитата из трагедии В. Шекспира «Гамлет» (акт III, сцена I, Гамлет).

«Терек в теснине Дарьяла». — Неточная цитата из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Тамара». У М. Ю. Лермонтова:

В глубокой теснине Дарьяла,
Где роется Терек во мгле.

...В четверг 25 марта появилось в «С.-Петербургских ведомостях» начало моей статьи... — Имеется в виду статья «Неурядицы Северного Кавказа».

Чьебойы фырт — сын Чебо.

Все стихотворение Вы прочитаете в посмертном издании полного Собрания сочинений Вашего непутевого Коста. — Речь идет о стихотворении «Предчувствие» (см. наст. изд., том I, стр. 248).

А. И. Цалпкову. 8 мая 1899 г. (стр. 220)

Печатается по подлиннику (фонд Коста, папка 3, П58). Впервые со значительными сокращениями опубликовано в

издании Г. Дзасохова. Полностью впервые опубликовано в книге «Коста Хетагуров. Сборник избранных произведений», 1939 г.

...Андухъапар, дæ хæрæгкурæггаг мæн — Кахановы атард-той?!!!!!!! — Андукапар, подарок с тебя за добрую весть — Каханова прогнали?!!!!!!!

Хетæджы Уасджырджыйы — Хетагова Уасджырджы.

Хетæджы цæхæрцæст Уасджырджыйы — Хетагова искроглазого Уасджырджы.

Угалук — У. Цаликов, близкий родственник семьи Цаликовых. Коста посвятил ему шуточные стихотворения «Ах, Угалук! Ах, Угалук! Позволь пропеть тебе на лире...» (1898 г.) и «Ах, Угалук! Ах, Угалук! Пою тебе опять на лире...» (1899 г.).

За мою бедную «Дуню» я очень рад. Большущее спасибо Марье Петровне за ее великие хлопоты... — Марья Петровна — М. П. Лыщинская. В письме к Г. Дзасохову от 6 октября 1906 г. Ю. А. Цаликова пишет: «Комедия «Дуня» была разрешена благодаря Марии Петровне, которая послала ее мужу ... в Питер ... А он выдал ее за свою; между тем ... ее не разрешали в театральном мире целых десять лет».

Гуыл — пирожок овальной формы.

А. Л. Хетагурову. 3 июня 1898 г. (стр 227)

Печатается по подлиннику (фонд Коста, папка 4, П45). Впервые опубликовано в книге «Коста Хетагуров. Сборник избранных произведений», 1939.

Лекси — Лекси (Алексей) Васильевич Хетагуров (1844—1905), двоюродный брат Коста; жил в сел. Георгиевско-Осетинском.

Во главе их, говорю, стоит мой личный враг... — Речь идет о полковнике С. Д. Хоранове.

Магомет — М. Абадиев, один из петербургских друзей Коста.

А. А. Ц а л и к о в о й. 8 июня 1899 г. (стр. 230)

Печатается по подлиннику (фонд Коста, папка 9, П59). Впервые с сокращениями опубликовано в издании Г. Дзасохова.

Раиса — Р. Гайтова. См. о ней наст. изд., том I, стр. 329.

«Хорошо поет, собака, убедительно поет!» — Цитата из стихотворения Н. А. Некрасова «Осторожность» (цикл «Песни о свободном слове»).

«Бирæгъыл мæгуыры бон куы 'рцæуы, уæд æвæр куыдзы бын дæр агулы». — «Когда волк попадает в беду, он валится к ногам даже самой паршивой собаки» — осетинская пословица.

...И почему-то наши подписи в кавычках. — Стихотворение, озаглавленное К. Хетагуровым «Вере», принадлежит И.-В. Гете (Сочинения, 1878, т. I, с. 107, стихотворение «Лиде»). Этим обстоятельством, видимо, объясняется и тот факт, что подписи «Вера» и «Осетин Коста» оказались в кавычках. Об этой мелкой детали Коста со временем, очевидно, забыл.

«Ах, тот скажи любви конец, кто на три года в даль уедет». — Цитата из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (действие II, явл. 4, Чацкий).

Ю. А. Ц а л и к о в о й. 15 июня 1899 г. (стр. 241)

Печатается по подлиннику (фонд Коста, папка 9, П19). Впервые с сокращениями опубликовано в издании Г. Дзасохова.

Вот уж в полном смысле Демьянова уха — да какая! — «Демьянова уха» — название басни И. А. Крылова.

А. А. Ц а л и к о в о й. 26 июня 1899 г. (стр. 244)

Печатается по подлиннику (фонд Коста, папка 9, П4). Впервые с сокращениями опубликовано в издании Г. Дзасохова.

«...в тумане моря голубом». — Цитата из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Парус».

Андукапар — А. Хетагуров-Губаев. См. о нем наст. том, стр. 368.

Василий — двоюродный брат Андукапара Хетагурова; был в близких отношениях с Коста.

Особайаг ирон лæг — осетин времен Особа.

Ю. А. Ц а л и к о в о й. 27 июня 1899 г. (стр. 252)

Печатается по подлиннику (фонд Коста, папка 3, П21). Впервые со значительными сокращениями опубликовано в издании Г. Дзасохова.

Хауæлæ! — междометие.

Зали — З. Аликова, один из близких друзей Коста.

Лабæ — Лаба, местное название селения Георгиевско-Осетинского.

Тингыччи тын — домотканое сукно из козьего пуха.

Е. А. Ц а л и к о в о й. 4 июля 1899 г. (стр. 257)

Печатается по подлиннику (фонд Коста, папка 3, П5). Впервые опубликовано в издании Академии наук и Северо-Осетинского НИИ, Москва, 1951.

Мæ мастыл ма мын цæх цæмæн кæныс? — Зачем ты мою горечь вдобавок еще посыпашь солью?

Ирония — Осетия.

Хæбизджын — пирог с сыром.

Фыдджын — пирог с мясом.

Дæ дзыхыл хæц — держи язык за зубами.

...не терзайте голодного рассказами о лукулловских обедах... — Лукулл (ум. в 57 г. до н. э.) — римский полководец и богач, известный своими роскошными пиршествами.

Алмахсид — А. Цаликов, близкий родственник семьи Цаликовых. Коста посвятил ему шуточное стихотворение «А. Ц. («Ах, Алмахсид! Ах, Алмахсид!» см. наст. изд., том I, стр. 244).

Басиев — Татархан Басиев, офицер; служил в Осетинском конном дивизионе, расквартированном в Пятигорске.

Смайлов — Магомет Смайллов-Туганов, офицер; служил в Осетинском конном дивизионе.

«Белеет парус одинокий». — Цитата из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Парус».

Ю. А. Ц а л и к о в о й. 5 июля 1899 г. (стр. 262)

Печатается по подлиннику (фонд Коста, папка 9, П22). Впервые опубликовано в издании Г. Дзасохова.

Иорам — И. Хурумов, учитель. Коста был с ним в дружеских отношениях.

Борисовский — Владимир Саввич Борисовский, друг Коста. Поэт жил у него на квартире в Пятигорске. «Жил он у Борисовского, — вспоминает об этом времени Ю. А. Цаликова, — конечно, дешевле, в барской обстановке, т. е. мягкая мебель, цветы и т. д. Он устраивал там часто вечеринки-субботы, где бывали каждый раз мы во главе с отцом, Жмакина, Ржаксинские, Борисовские, Лыщинские и все офицеры со своим доктором» (Архив Северо-Осетинского НИИ).

Был ли приглашен наш опереточный полковник? — Речь идет о полковнике С. Д. Хоранове.

Г. В. Б а е в у. 6 июля 1899 г. (стр. 266)

Печатается по подлиннику (фонд Коста, папка 5, П60). Впервые опубликовано в издании Академии наук и Северо-Осетинского НИИ, Москва, 1951.

Гаппо — Баев Георгий Васильевич (1870—?), один из культурных деятелей дореволюционной Осетии, юрист по обра-

зованию; присяжный поверенный. С 1894 г. Г. В. Баев был гласным Владикавказской городской думы. По его инициативе местный типограф З. И. Шувалов в 1897 г. выписал осетинский шрифт. Первой осетинской книгой, изданной Г. Баевым, была поэма А. З. Кубалова «Афхардты Хасана». В 1899 г. со множеством искажений им издан «Ирон фандыр» Коста. Сочувственно относясь к некоторым культурным начинаниям Г. Баева, Коста резко критиковал его издательскую деятельность.

С 1905 по 1911 г. Г. В. Баев служил «заступающим место городской головы»; в течение девяти лет затем бессменно занимал должность городской головы Владикавказа. В 1920 г. Г. В. Баев эмигрировал за границу; жил и умер в Германии.

...очень радуюсь избранию тебя в секретари Общества. — Речь идет об «Обществе распространения образования и технических сведений среди горцев Терской области». Г. В. Баев был избран секретарем «Общества» в 1899 г. С 1902 по 1906 г. был его председателем.

Ирон хъоди — осетинский бойкот.

Куывд — пир.

Цы кодтон — цæмæн мыл схаттыстут? — Что я сделал — чего вы ополчились против меня?

«Ирон фандыр» — «Осетинская лира».

Нæй, нæй, Байы фырт, фыдæй уын нæ баззæди уæздандзинæд! — Нет, нет, Баевский сын, не в роду у вас благородство!

Джигоев — Пора (Христофор) Джигоев (см. о нем наст. изд., том I, стр. 303).

Цаголов — Цаголов Георгий Михайлович, публицист.

Фидар лæуут, фидар, æнгом, кæрæдзийы дзырд æмбарут, уый йæтгæмæ нын ничи ницы хъом у! — Держитесь твердо, дружно и спаянно, понимайте друг друга, и не одолеть нас тогда никому!

Цоцко — Цоцко Амбалов (1871—1937), учитель; впоследствии крупнейший деятель осетинской культуры, собиратель народного творчества, один из лучших мастеров перевода. Ц. Ам-

балов внес большой вклад в создание осетинско-русско-немецкого словаря.

Тыг мын æй бафæрс! — Идиома. Смысл: Передай ему мои самые лучшие пожелания.

Ю. А. Цаликовой. 17 июля 1899 г. (стр. 270)

Печатается по подлиннику (фонд Коста, папка 3, П6). Впервые с сокращениями опубликовано в издании Г. Дзасохова.

В «Гæлæбу» действительно много детского лепета... — «Гæлæбу» — «Мотылек», сборник стихотворений и басен на осетинском языке, составленный и изданный Г. В. Баявым.

Йæ дзыхыл хæцæд... — пусть держит язык за зубами.

Мæнæн афтæ хæжуы — мне так и надо.

Сеня — Евсепий Асагеевич Цаликов, двоюродный брат сестер Цаликовых.

Г. В. Баяву. 19 июля 1899 г. (стр. 274)

Печатается по подлиннику (фонд Коста, папка 5, П61). Впервые с некоторыми искажениями текста опубликовано в книге «Коста Хетагуров. Сборник избранных произведений», 1939.

«Сагъæстæ» — «Думы».

Дæ джиппæй уагъд чиныджы... «Тæхуды», «Рувас æмæ зыгъарæг» и «Зымæг»... — В изданной тобою книге... «О, если бы», «Лиса и барсук» и «Зима». «В полной неприкосновенности», однако, не прошли даже эти три стихотворения Коста; они полны корректурных ошибок.

Е. А. Цаликовой. 21 июля 1899 г. (стр. 276)

Печатается по подлиннику (фонд Коста, папка 3, П7). Впервые опубликовано в издании Академии наук и Северо-Осетинского НИИ, Москва, 1951, и в Собрании сочинений К. Хетагурова, Госиздат Северо-Осетинской АССР, 1951.

«Услужливый дурак опаснее врага». — Цитата из басни И. А. Крылова «Пустынник и медведь».

«Джиппы <йæ> ауагъта Гаппо Байаты» — «издал Гаппо Баев».

«Тæхуды» — «О, если бы».

«А он сначала изгадил «Æфхæрдты Хасанæ»...» — Поэма А. З. Кубалова «Афхæрдты Хасана» была издана Г. В. Баевым в 1897 году во Владикавказе. *Афхæрдты Хасана* — осетинский национальный герой.

«Афтæ мын хæхуы!» — «Так мне и надо!»

Ю. А. Цаликовой. 10 августа 1899 г. (стр. 280)

Печатается по подлиннику (фонд Коста, папка 9, П23). Впервые с сокращениями опубликовано в издании Г. Дзасохова.

«Выходкой» моей, оказывается, Джигоев называл карикатуру... — Карикатура на начальника Терской области генерал-лейтенанта С. В. Каханова «Кавказское признание в любви» появилась в петербургском художественно-юмористическом журнале «Стрекоза» (1898 г., № 42, октябрь). Генерал на ней изображен перед красавицей, а под карикатурой сделана следующая надпись: «Палуби мэнэ старого дурака, палуби мэнэ старого ишака, ми для тбæ весь Кавказ обворуем, всех пере-режем, потому мы самый большой разбойник и мошенник считаемся».

Об истории этой карикатуры и обстоятельствах ее появления А. Л. Хетагуров в своих воспоминаниях пишет: «В начале лета 1898 г. мы вместе отправились — я в свой Цми, а он (Коста. — К. Г.) в Ставрополь. За некоторое время до отъезда я предложил Коста достать фотографическую карточку Каханова для того, чтобы карикатурно нанести удар генералу-людоеду. Коста одобрил эту мысль и выписал карточку из Владикавказа.

Один из сотрудников «Стрекозы» С. А. Патараки, милый и веселый человек, был моим пациентом. Он был подробно осве-

домлен мною о «подвигах» Каханова; взял у меня его карточку и обещал исполнить мою просьбу — продернуть генерала в «Стрекозе». После отъезда Коста прошло два-три месяца, и я уже думал, что Патараки забыл о своем обещании. Вдруг, как-то вечером, получаю от него записку такого содержания: «Рисунок готов. Что писать под ним?» Я ответил: «Я ведь не вижу Вашего рисунка. Напишите, что находите подходящим». Такова история карикатуры, надславшей в то время много шуму. Автором рисунка был художник — постоянный сотрудник «Стрекозы», в данном случае следовавший указаниям Патараки, а автором надписи под карикатурой сам весельчак Патараки» (Архив Северо-Осетинского НИИ, фонд Коста, папка 11, Р1, № 39, л. 10).

Автором нашумевшей карикатуры на С. В. Каханова был, как удалось нам установить, художник Александр Александрович Лабуц (умер в 1907 г.). Все свои рисунки в журнале «Стрекоза» он обычно подписывал псевдонимом «Овод». Этим псевдонимом подписана и карикатура на С. В. Каханова.

...дом Сеферова... — дом, в котором жила семья Цалпковых в Пятигорске.

И припоминается «взор глубокий» который ... хочется жить. — Автоцитаты из стихотворения Коста «Над нами плыл месяц и звезды мерцали» (наст. изд., том I, стр. 187).

Хоть бы треснуло сердце в груди!.. — Автоцитата из стихотворения «Тяжело... Как тюрьма, жизнь постыла...» (наст. изд., том I, стр. 194).

А. А. Цалпковой. 12 августа 1899 г. (стр. 286)

Печатается по подлиннику (фонд Коста, папка 3, П8). Впервые опубликовано в издании Академии наук и Северо-Осетинского НИИ, 1951, и в Собрании сочинений К. Хетагурова, Госиздат Северо-Осетинской АССР, 1951.

Силиты Никъалайæн Абрамы фырт загъта, Голицын дам ныффыста Къостайы раздæхыны тыххæй чиныг — Николаю Сп-

лпеу Абрамов сказал, будто Голицын написал бумагу о возвращении Коста.

Абрамы фырт — (букв. — Абрамов сын) Абрамов.

Чиныг — книга, рукопись, письмо, грамота. Здесь: бумага, донесение.

«Гас цу, гæлæбу» — «Здравствуй, мотылек».

Что касается до краткого конспекта Ваших впечатлений сочинских, афонских, сухумских и пр. — Имеется в виду письмо Анны Цаликовой к Коста, где она рассказывала о своей поездке на курорт летом 1899 г. Письмо не разыскано.

Дадй — Д. Доева, учительница, подруга Анны Цаликовой.

Уæд хорзау нал фæци... — то стало ему не по себе...

Иван Григорьевич — И. Г. Ломоносов, брат В. Г. Шредерс. В архиве Северо-Осетинского НИИ сохранилась фотография, где И. Г. Ломоносов и Коста сфотографированы вместе у памятника М. Ю. Лермонтову в г. Пятигорске.

Ю. А. Цаликовой. 22 августа 1899 г. (стр. 290)

Печатается по подлиннику (фонд Коста, папка 9, П24). Впервые с сокращениями опубликовано в издании Г. Дзасохова.

...Ваша сестра... — Анна Александровна Цаликова.

Джетæггæз — Джетагаз.

Æз Хораны фыртыл цы зарæг скодтон... кæнæ Херсоны базайдзынæн. — Если владикавказская молодежь составила обо мне такую же песню, какую я составил о Хоранове, тогда я убегу к Каханову в Туркестан или останусь в Херсоне. — Песня о Коста была составлена осетинской молодежью еще тогда, когда он находился в херсонской ссылке. Песней же о Хоранове Коста называет стихотворение «Прислужник» (перевод этой песни см. наст. изд., том I, стр. 120).

Я долго терпел и наконец не выдержал и послал в здешнюю газету «Юг» письмо. — Письмо напечатано в газете «Юг», выходившей в Херсоне, в № 421 от 21 августа 1899 г.

«Уайдзæф» — «Упрск».

Не знаю, получите ли Вы книжку моих русских стихотворений? — Эта книжка с дарственной надписью: «Дорогой Юлиане Александровне от испуганного автора Коста 13 авг. 99 г.» хранится сейчас в архиве Северо-Осетинского НИИ.

Коммæггæсы ма цæв — Послушного не бей.

Салам — привет.

Ю. А. Ц а л и к о в о й. 29 августа 1899 г. (стр. 295)

Печатается по подлиннику (фонд Коста, папка 3, П26). Впервые опубликовано в издании Г. Дзасохова.

У Ганейзера наверное есть. — Ганейзер — редактор пятигорского «Сезонного листка».

Ю. А. Ц а л и к о в о й. 30 августа 1899 г. (стр. 297)

Печатается по подлиннику (фонд Коста, папка 3, П25). Впервые с некоторыми сокращениями опубликовано в издании Г. Дзасохова.

«Что он Гекубе и что она ему?» — Цитата из трагедии В. Шекспира «Гамлет» (акт II, сцена 2, Гамлет).

Так жизнь молодая ... лавровый венец... — Автоцитата.

«Вы не исполнили священного завета, — свою любовь и ту забыли Вы...» — Цитата из романа «Глядя на луч пурпурного заката». По воспоминаниям Р. И. Адамовой, этот роман «Коста, не имея особенного голоса, любил петь» (Архив Северо-Осетинского НИИ, фонд Коста, № 254, папка 65, л. 5). Из текста романа:

До гроба Вы клялись любить поэта,

Боясь людей, боясь пустой молвы.

Вы не исполнили священного обета, —

Мою любовь и ту забыли Вы!

А. Л. Хетагурову. 1 сентября 1899 г. (стр. 300)

Печатается по подлиннику (фонд Коста, папка 9, П46а). Впервые опубликовано в издании Академии наук и Северо-Осетинского НИИ, 1951.

Федор Константинович — Ф. К. Греков, секретарь петербургской газеты «Новости», один из петербургских друзей Коста.

...мæ «Ирон фæндыр» — мою «Осетинскую лиру».

Хетæджы кадæг — Поэма о Хетаге.

А. А. Цаликовой. 7 сентября 1899 г. (стр. 303)

Печатается по подлиннику (фонд Коста, папка 3, П9). Впервые опубликовано в издании Академии наук и Северо-Осетинского НИИ, Москва, 1951.

Джантемир — Дж. Шанаев, близкий друг поэта.

«Фесæф» — «Пропади».

Джиппæйуадзæг'у — издателю.

«Додой», «Катай», «Салдат» — «Горе», «Тревога», «Солдат».

«Халон» — «Ворон».

«Азар» — «Спой».

«Ракæс» — «Взгляни».

Кубалов — А. З. Кубалов (1871—1937), осетинский поэт и культурный деятель, автор поэмы «Афхардты Хасана».

Ю. А. Цаликовой. 8 сентября 1899 г. (стр. 307)

Печатается по подлиннику (фонд Коста, папка 3, П27). Впервые со значительными сокращениями опубликовано в издании Г. Дзасохова.

...в ответ на их проклятья страдать за них любя, страдая их любить. — Автоцитата из стихотворения «Один, опять один без призрака родного...» (Коста Хетагуров. Собр. соч. в 5-ти томах. М., том II, стр. 51).

Оказывается, мой милейший приятель Митюша Евсеев... ответа на мои письма. — Дмитрий Иванович Евсеев — редактор-издатель газеты «Северный Кавказ». В издание этой газеты и «Листка объявлений для Северного Кавказа» Коста внес 2000 р. По договору с Коста Д. И. Евсеев обязан был полностью вернуть ему эту сумму. «На нужды изданий внесено им, Хетагуровым, сего числа две тысячи рублей. Сообразно с этим, если бы он, Хетагуров, пожелал выйти из компании или же его к этому вынудили обстоятельства, имеет право потребовать от меня, Евсеева, эту сумму, причем для ее приискания предоставляется мне, Евсееву, месячный срок» (Из Условия, заключенного между Д. И. Евсеевым и К. Л. Хетагуровым 26 февраля 1896 г.).

...какой-нибудь Кит Китыч... — купец-самодур Кит Китыч (Тит Титыч) Брусков из комедии А. Н. Островского «В чужом пиру похмелье».

Леуа — Леван Елизбарович Хетагуров, отец поэта.

Нæ мыггаджы фыдбылызы хайж... — от злой доли нашего рода.

Целый год я в этой несчастной газете... — Коста имеет в виду 1896 г., когда он стал соиздателем газеты «Северный Кавказ».

Хорз ма ракж, æмж фыд ма ссарай! — Не сделай добра, чтоб зла не нажать!

Я теперь начал даже переводить на осетинский язык евангелие. — Об этом переводе нам ничего не известно. Вероятней всего, Коста только начал работу над ним и оставил ее, не завершив.

Ю. А. Цаликовой. 18 сентября 1899 г. (стр. 312)

Печатается по подлиннику (фонд Коста, папка 3, П29).
Впервые с сокращениями опубликовано в издании Г. Дзасохова.

Паддзахы канцелярии — канцелярии царя.

Гаппойы прошение — прошение Гаппо.

дело, конечно, серьезное ... а этого обыкновенно начальство не любит. — Это место является ответом на письмо Ю. А. Цаликовой от 8 сентября 1899 г., в котором она, в частности, писала: «Утром отец получил пакет от Баева. В пакете оказалось прошение экзарху. Мы... решили галиматью Баева Вам не посылать... Если уж очень хотите прочесть — пошлите адрес Гаппо, и он Вам пришлет. Прощение они посылают экзарху с просьбой оставить приют» (Архив Северо-Осетинского НИИ).

Къостайæн афтæ хъæуы! — Коста так и надо!

Афтæ мын хъæуы!.. — Так мне и надо!

Это выражение Елены Александровны я особенно хорошо понял в предпоследнем Вашем письме... Действительно... — В письме от 8 сентября 1899 г. Ю. А. Цаликова писала: «Леля, прочитав мое письмо, очень просит приписать: «Коста так и надо!» На наш вопрос, что это такое, она ответила: «Он меня отлично поймет!»

Рынчыны тыххæй мæм уæ жæрдæ ма 'хсайæд... уыцы иунæг Къостайæн. — О здоровье моем не беспокойтесь — пока вы меня не забыли, не погибнуть одинокому Коста. Сердце мое трепещет и бьется, когда вы здоровы и когда светло у вас на душе.

Всем расписавшимся в Вашем письме отвечаю сугубой взаимностью. — Коста имеет в виду письмо Ю. А. Цаликовой от 8 сентября 1899 г., в конце которого сделаны следующие приписки:

«Поклоны, поцелуи, объятия

от меня, т. е. Ю. Ц.

От Гетагаза.

От меня только поклон.

Анюта.

Только поклон — не считается.
Корнет Хабаев.
С подлинным верно.
А. Цаликова.

От Лели.

А за неграмотностью
расписался корнет Хабаев» (Архив Северо-Осетин-
ского НИИ)

Ю. А. Ц а л и к о в о й. 23 сентября 1899 г. (стр. 316)

Печатается по подлиннику (фонд Коста, папка 3, П30).
Впервые со значительными сокращениями опубликовано в из-
дании Г. Дзасохова.

Афтæ йын хъæуы — так ему и надо.

Иногда мне в голову приходит ужасная мысль. — Коста, по
всей вероятности, имеет в виду мысль о самоубийстве.

Паддзахы кабинетæй — из кабинета царя.

Хивæндмæ дæ уайдзæф худæгау кæсы. — Твой упрек упрям-
цу кажется смешным. Автоцитата из басни «Упрек».

Æз хивæнд никуы уйдтæн. — Я никогда не был упрямым.

Сестре Вашей скажите ... к моим письмам. — Речь идет об
Анне Александровне Цаликовой.

Получил я письмо от нашего доктора... — Коста имеет в
виду Андуканпара Хетагурова.

От княгини ни-ни, ничего! — Имеется в виду Софья (Сона)
Власьевна Тарханова.

Ю. А. Ц а л и к о в о й. 29 сентября 1899 г. (стр. 320)

Печатается по подлиннику (фонд Коста, папка 9, П10).
Впервые со значительными сокращениями опубликовано в из-
дании Г. Дзасохова.

*...прощать бесконечно, без меры прощать, всему находить
оправданье...* — Автоцитата из стихотворения «Расстаться не
трудно...» (наст. изд., том I, стр. 227).

Еленѣ Александровнѣйы ныхас... Гъеныры газеты цуыл диссаг дѣсныи фартс кѣныиц!.. — Слова Елены Александровны о том, что гадать по картам мы, мол, научились у Коста, не соответствуют истине; я знал всего лишь один никчемный пасьянс и только, а Елена Александровна знала их, по крайней мере, пятнадцать. А человека, который гадал на трубе, я не знаю вовсе. Во всю свою жизнь я не обращался ни к кому, чтоб погадали мне. Пусть сестра твоя не подозревает меня в этом!... Да и не упрекал я никого за гадания, я только послал вам газету, чтобы вы посмотрели, где как гадают. В нынешней газете пишут об одном особенно удивительном гадании!..

Приехал брат того Кригера, о котором я Вам писал, — он состоит домашним учителем сына одного здесь нотариуса — человека очень богатого... — Под человеком очень богатым имеется в виду нотариус Тимчинский.

...я перешел уже на третью квартиру ... довольно смазли-венькие... — «Мы жили в Херсоне, в Торговом переулке, — рассказывает в своих воспоминаниях хозяйка этой квартиры Дарья Самойловна Ходес. — Однажды муж привел в дом квартиранта. Я удивилась. Никаких квартирантов я никогда не держала. Но это, объяснил мне потом мой Мирон, был особенный квартирант. Это был художник по фамилии Хетагуров... Жил у нас до самого отъезда. Мы следили за чистотой, старались его не беспокоить. Ход у него был отдельный.

У меня сохранился кухонный шкафчик, который стоял тогда в комнате нашего квартиранта... Утром и вечером Коста Хетагуров пил у нас чай. Где он обедал и обедал ли вообще, я не знаю.

На нашего квартиранта было больно смотреть. В Херсоне он жил одиноко и очень тосковал, по целым дням ждал освобождения.

Как-то мой Мирон заглянул к нашему квартиранту, — Хетагурова не было дома. На станке стояла картина. «У Хетагурова

золотые руки!» — воскликнул муж. Я это знала и раньше, я убирала его комнату. Хетагуров делал портреты и иконы. Иконы он продавал... Однажды пришла телеграмма. Ах, как обрадовался наш квартирант, как тряслись его руки, как побледнели его губы! Но сразу он не мог уехать. Было холодно, он боялся простуды.

Через некоторое время, когда потеплело, он собрал свой чемоданчик и уехал. Это было ранней весной. (Д. Ходес. Наш квартирант. — В кн.: «Коста Хетагуров. Сборник памяти великого осетинского поэта». Москва, 1941, с. 203—204).

«Мне скучно потому, что весело тебе». — Цитата из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Отчего». У М. Ю. Лермонтова: «Мне грустно...»

Ю. А. Цаликовой. 21 октября 1899 г. (стр. 324)

Печатается по подлиннику (фонд Коста, папка 3, ПЗ1). Впервые опубликовано в издании Академии наук и Северо-Осетинского НИИ, Москва, 1951.

Хæрзаг æггъыс... бæлас ныссадзын нæ бантысти! — Ты решил, пожалуй, что я уже вернулся из Владикавказа с женой, и теперь мы сидим с ней вместе и говорим друг другу слова любви. Но — пусто все снова! Сажу я себе таким же одиноким, как и до сих пор... И поехать никуда не поехал. Собрался было в путь, как получил телеграмму: нельзя, мол, без этого. Как мог я согласиться на такое безумие! И дело наше расстроилось... Так вот, мое солнце, и не удалось мне посадить дерево!

Нæ бантысти йæ хæдзары дуармæ бæлас ныссадзын... — не удалось посадить дерево у ворот своего дома...

Но положим, что это все касалось городничего... — Городничий — персонаж из комедии Н. В. Гоголя «Ревизор».

А кто у вас судья? — *Тяпкин-Ляпкин...* — *А подайте сюда Тяпкина-Ляпкина...* — цитата из комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» (действие первое, явление I, Городничий). У Н. В. Гоголя:

«А кто, скажет, здесь судья?» — «Ляпкин-Тяпки». — «А подать сюда Ляпкина-Тяпкина!»

Карточка меня довела совсем до исступления, так она там комична... — Коста имеет здесь в виду фотографию А. А. Цаликовой. Об этой фотографической карточке см. начало письма к А. А. Цаликовой от 24 октября 1899 г.

Мæзæрдæйы тæккæ бынæй мын рух суагътай æмæ дын æй сыгъдæг Мадыймæйæм бафидæд мæн тыгъдæй, дæхи зæрдæйы куыд фæнды, афтæ. — До самых глубин Вы озарили мое сердце, и пусть святая божья мать оплатит вам за меня так, как хочется вашему сердцу.

А. А. Ц а л и к о в о й. 24 октября 1899 г. (стр. 326)

Печатается по подлиннику (фонд Коста, папка 3, П13). Впервые опубликовано в издании Академии наук и Северо-Осетинского НИИ, Москва, 1951.

Впечатление от «Обрыва» очень знаменательно. — Речь идет о романе И. А. Гончарова «Обрыв».

Пастухов — Пастухов Андрей Васильевич (1861—1899) — альпинист-кавказовед; известен как исследователь горных вершин Кавказа. Коста был с ним знаком. В записной книжке поэта упомянуто его имя.

Амонд... Æрра дæн, — цæй амондæ дзурын? — Счастье... Безумец, — к какому я счастьем взываю?

Тæхуды, — ныр уæ къæсæрæй... — О если б, — ныне с вашего порога...

...бирæ цыдæртæ бакъæрцц кæнин... *Къуымæллæгонæн та дзы йæ гуыбын фæрыст.* — Много чего бы я высказал, да что делать! Не хочет она разговаривать со мной. Все реже мне пишет за последнее время и Юлиана Александровна, и вполю в этом будто я. Забыл сказать ей это в ее письме, но Вы передайте ей об этом. «Битнагон, мол, поела масло, а у Кумаллагон от этого живот заболел».

Тынз бузныг! — Сердечное спасибо!

Ю. А. Ц а л и к о в о й. 4 и 5 ноября 1899 г. (стр. 330)

Печатается по подлиннику (фонд Коста, папка 3, П11). Впервые опубликовано в Собрании сочинений К. Хетагурова, Госиздат Северо-Осетинской АССР, Дзауджикау, 1951.

Рауса — Р. Иналуковна Гайтова, в замужестве Келлер. См. о ней наст. изд., том I, стр. 329.

Иналук (Налыхъ) — И. Гайтов.

(йæ æрдхордимæ) — (со своим другом-побратимом).

«...предмет моих страданий». — Коста, вероятно, имеет в виду Анну Александровну Цаликову.

Надя — Надежда Иналуковна Гайтова. См. о ней наст. изд., том I, стр. 329.

Хæрæфырт — племянник, племянница. Здесь — племянница.

Туалтæ — туалеты.

Афтæмæй дам æй скъæфгæ ракодта. — А еще, говорят, он ее похитил.

Мысырби Гуытгъаты æмæ Ардасены фырт Алихан... æрмæст — Мисирби Гутнев и Ардасенов сын Алихан. Иналука заставили поехать силой, только... *Мисирби Гиссоевич Гу- т и е в* (1830—1902) друг отца поэта.

Александр — Александр Иванович Цаликов. См. о нем наст. изд., том. I, стр. 299.

Бибо — Б. И. Туаев, учитель, один из владикавказских друзей Коста; участник организованного в 1891 г. К. Хетагуровым протеста против закрытия Осетинской женской школы.

А. А. Ц а л и к о в о й. 14 декабря 1899 г. (стр. 336)

Печатается по подлиннику (фонд Коста, папка 3, П14). Впервые опубликовано в издании Академии наук СССР и Северо-Осетинского НИИ, Москва, 1951.

Æнæ аххосæй ...бирæгъ. — Без причины волк не уносит овцы из стада пастуха. Автоцитата из поэмы «Хъуыбады» («Кубады»).

«*Амбаргæ фиййау... сдзæгъæл вæййы*». — «Разумный пастух держит свое стадо на счету», по такой пастух, как я, теряет свое стадо в дремучем лесу и кустарнике. Так и сам он становится как потерявшаяся овца. «Разумный ... на счету», — автоцитата из поэмы «Кубады».

æмæ-иу æй мæ ахос ма фæкæнæд — и пусть она опять не свалит вину на меня.

...стихотворение, написанное во Владикавказском госпитале в 1890 г. — Стихотворение «Сестре» (см. наст. изд., том. I, стр. 161).

Adieu (ф р а н ц.) — прощайте!

А. А. Ц а л и к о в о й. 30 и 31 декабря 1899 г. (стр. 338)

Печатается по подлиннику (фонд Коста, папка 3, П14а). Впервые опубликовано в издании Академии наук и Северо-Осетинского НИИ, Москва, 1951. Письмо адресовано во Владикавказ.

Ю. А. Ц а л и к о в о й. 1 января 1900 г. (стр. 341)

Печатается по подлиннику (фонд Коста, папка 3, П35). Впервые с небольшими сокращениями опубликовано в издании Г. Дзасохова.

...*все друзья-приятели до черного лишь дня*. — Неточная цитата из песни А. Ф. Мерзлякова «Одиночество» («Среди долины ровныя»). У А. Ф. Мерзлякова: «Все други, все приятели до черного лишь дня».

Башкиров. — Речь идет о Директоре управления Кавказских Минеральных Вод.

А. Л. Х е т а г у р о в у. 7 марта 1902 г. (стр. 344)

Печатается по подлиннику (фонд Коста, папка 4, П67). Впервые с сокращениями опубликовано в книге: К о с т а Х е т а г у р о в. Сборник избранных произведений, 1939.

Коммæгæсы ма цæв — Послушного не бей.

Ацы чиньджимæ дæм нывтæ фæрвитын æмæ сын вьстæвкæты искуы бынат ссар. — Вместе с этим письмом посы-

лаю картины, и ты найди для них место где-нибудь на выставках.

Назови их этюдами ... «Шамиль». — Все эти картины Коста сохранились, за исключением этюда «Шамиль». По свидетельству братьев Андрея и Хетага Хетагуровых и Деда (Марии) Хетагуровой, эта работа вместе со многими другими погибла в сел. Георгиевско-Осетинском во время пожара.

Пишу на осетинском языке поэму «Хетаг». — Поэма «Хетаг», работу над которой Коста начал в херсонской ссылке, осталась незакопченной. Начало поэмы (обработанные 316 строк) опубликованы в переводе на русский язык в наст. издании (том II, стр. 109).

Чындз'у — невестке.

С. К. Джанаеву - Хетагурову. 1904 г. (стр. 346)

Печатается по подлиннику (фонд Коста, папка 5, П48). Впервые опубликовано в пятитомном академическом издании сочинений Коста. Написано в сел. Георгиевско-Осетинском, где жил в последние годы и умер К. Хетагуров. Письмо адресовано во Владикавказ.

Садулла — С. К. Джанаев-Хетагуров (умер в 1918 г.) — родственник поэта, с которым Коста был в близких отношениях. В 1903 году, когда Коста заболел и уже не было никакой надежды на его выздоровление, Садулла взял на себя опеку над ним и его имуществом.

Об Ольге Кайтмазовой — сводной по отцу сестре Коста (см. наст. изд., том I, стр. 317).

...живя у якобы двоюродного брата... — Речь идет об Алексее (Лекси) Васильевиче Хетагурове, действительно двоюродном брате Коста.

Коста Хетагуров. Фотография 1893 г.

Коста Хетагуров. Перевал Зикара. Масло.

Коста Хетагуров. В осетинской сакле. Масло.

*Коста Хетагуров. Вид большого Карачая
(репродукция из журнала «Север», 1892 г., № 24).*

Коста Хетагуров. Фотография 1899 г.

Коста Хетагуров. Портрет Анны Цаликовой. Масло. 1898 г.

Коста Хетагуров. Из групповой фотографии 1900-х годов.

Коста Хетагуров. Скорбящий ангел. Масло.

Коста Хетагуров. Фотография 1900-х годов.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Письмо в редакцию газеты «Северный Кавказ»	7
Письма из Владикавказа	9
Владикавказские письма («В последнее время...»	18
Городские нпмвроды...	25
(«Тихая, монотонная жпзнъ нашего сонного города...»)	28
Владикавказские письма («Всем пзвестно...»)	32
Открытое письмо	44
Маленькая история	48
Накануне	59
Владикавказские письма («Я так давно не писал...»)	83
Горские штрафные суммы	93
Неурядицы Северного Кавказа	97
Зпу (Письмо к землякам)	122
Избави бог и нас от этаких судей	124
До сих пор еще не решенный земельный вопрос...	134
Чичиков	137
Тартарен	139
В прошлой корреспонденции...	149
(1894 года, ноября 9 дня...)	153
Развитие школ в Осетии	158
Учебник географии России	163
Внутренние враги	167
Церковноприходские школы в Осетии	172
Насущные вопросы	176

Пути сообщения в горной полосе Кавказа	181
На чужбине	183
Открытое письмо к осетинской интеллигенции	185

П И С Ь М А

А. Я. Поповой. 21 мая 1886 г.	189
А. А. Цаликовой. 15 июня 1891 г.	193
В. Г. Шредерс. 19 сентября 1891 г.	195
А. Я. Поповой. 10 апреля 1893 г.	197
А. Л. Хетагурову. 20 августа 1897 г.	201
В. И. Смирнову. 25 декабря 1897 г.	201
А. А. Цаликовой. 6 декабря 1898 г.	203
А. Л. Хетагурову. 8 февраля 1899 г.	210
Ю. А. Цаликовой. 13 марта 1899 г.	212
А. А. Цаликовой. 28 марта 1899 г.	215
А. И. Цаликову. 8 мая 1899 г.	220
А. Л. Хетагурову. 3 июня 1899 г.	227
А. А. Цаликовой. 8 июня 1899 г.	230
Ю. А. Цаликовой. 15 июня 1899 г.	241
А. А. Цаликовой. 26 июня 1899 г.	244
Ю. А. Цаликовой. 27 июня 1899 г.	252
Е. А. Цаликовой. 4 июля 1899 г.	257
Ю. А. Цаликовой. 5 июля 1899 г.	262
Г. В. Баеву. 6 июля 1899 г.	266
Ю. А. Цаликовой. 17 июля 1899 г.	270
Г. В. Баеву. 19 июля 1899 г.	274
Е. А. Цаликовой. 21 июля 1899 г.	276
Ю. А. Цаликовой. 10 августа 1899 г.	280
А. А. Цаликовой. 12 августа 1899 г.	286
Ю. А. Цаликовой. 22 августа 1899 г.	290
Ю. А. Цаликовой. 29 августа 1899 г.	295
Ю. А. Цаликовой. 30 августа 1899 г.	297
А. Л. Хетагурову. 1 сентября 1899 г.	300
А. А. Цаликовой. 7 сентября 1899 г.	303
Ю. А. Цаликовой. 8 сентября 1899 г.	307
Ю. А. Цаликовой. 18 сентября 1899 г.	312
Ю. А. Цаликовой. 23 сентября 1899 г.	316
Ю. А. Цаликовой. 29 сентября 1899 г.	320
Ю. А. Цаликовой. 21 октября 1899 г.	324
А. А. Цаликовой. 24 октября 1899 г.	326

Ю. А. Цаликовой. 4 и 5 ноября 1899 г. . . .	330
А. А. Цаликовой. 14 декабря 1899 г. . . .	336
А. А. Цаликовой. 30 и 31 декабря 1899 г. . . .	338
Ю. А. Цаликовой. 1 января 1900 г. . . .	341
А. Л. Хетагурову. 7 марта 1902 г. . . .	344
С. К. Джанаеву-Хетагурову. 1904 г. . . .	346
<i>К. Ц. Гугиев. Комментарии</i>	<i>349</i>

Хетагуров К.

Х 41 Собрание сочинений. В 3-х томах. Т. 3. Статьи.
Письма. М., «Худож. лит.», 1974.
400 с.

В третий том Собрания сочинений основоположника и классика осетинской литературы Коста Хетагурова вошли избранные его статьи и письма.

В своих статьях Коста смело поднимал волнующие горцев Северного Кавказа социальные вопросы, разоблачал неблагоприятные поступки царской администрации, русской и местной буржуазии. Говорил ли он о причинах «неурядиц» на Северном Кавказе, ратовал ли за развитие школ в Осетии или доказывал необходимость развития путей сообщения в горах Кавказа — он всегда и во всем защищал интересы трудового человека.

Письма Коста — это как бы небольшие новеллы, раскрывающие внутренний мир писателя, его интересы, его отношение к художественному творчеству, к людям, к событиям...

Х 70303-311
028(01)-74 подписное

С(Осет) 1

Коста Леванович Хетагуров

**Собрание сочинений,
том III**

Редактор *А. Марусич*

Художественный редактор

В. Горячев

Технический редактор

Г. Лысенкова

Корректор *А. Матюшина*

Сдано в набор 18/II 1974 г. Подписано в печать 11/VI 1974 г. Бумага типогр. № 1. Формат 70×108¹/₃₂. 12,5 печ. л. 17,5 усл. печ. л. 15,746+4 нак.+1 вкл.=16,054 уч.-изд. л. Тираж 40 000 экз. Цена 90 коп. Заказ 1299.

Издательство «Художественная литература»
Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 1 «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Гатчинская ул., 26

